

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Калмыцкий государственный университет»

В.И. Рассадин, С.М. Трофимова

**О НЕКОТОРЫХ ПЛАСТАХ ЛЕКСИКИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА
В КОНТЕКСТЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ**

Элиста 2013

ББК Ш164.3-3+Ш164-3

УДК 811.512.37'373:811.512.3'373

Р 244

Рассадин, В.И.

О некоторых пластах лексики калмыцкого языка в контексте монгольских языков [текст] / В.И. Рассадина, С.М. Трофимова. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. – 136 с.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»*

Монография включает в себя исследования словарного состава современного калмыцкого языка по некоторым лексическим пластам, представляющим собой отдельные лексико-тематические группы. Исследование носит предварительный характер и включает не все имеющиеся в калмыцком языке тематические группы, а только некоторые характеризующие отдельные стороны как общественной жизни калмыков, так и черты их традиционной хозяйственной деятельности, связанной с кочевым скотоводством, окружающей природой, материальной культурой. Приведенная лексика охватывает знаменательные слова, включая назывные и указательные, а также слова, относящиеся к другим знаменательным частям речи – прилагательным, числительным, глаголам, наречиям. Для сравнения был привлечен материал из современных халха-монгольского, бурятского языков и старописьменного монгольского языка, что позволило установить общемонгольскую и собственно ойратскую лексику, которую хорошо сохранил калмыцкий язык.

Книга предназначена специалистам по лексике монгольских языков и всем, кто изучает калмыцкий язык и интересуется калмыцким языком.

Рецензент:

доктор филологических наук, профессор С.Л. Чареков
(Институт лингвистических исследований РАН)

**Исследование выполнено при поддержке Министерства образования
и науки Российской Федерации. Соглашение № 14.В37.21.100.*

© ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», 2013 г.

© Рассадина В.И., Трофимова С.М., 2013 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография представляет собой подборку исследований некоторых пластов лексики современного калмыцкого языка в контексте монгольских языков. При этом для сравнения привлекались прежде всего современные халха-монгольский, бурятский языки и кроме того, старописьменный монгольский язык, который стал выполнять роль общемонгольского письменного языка, начиная с XIII века. Выбор халха-монгольского и бурятского языков обусловлен тем, что они вместе с ойратским ареалом, который включает и калмыцкий язык, в древности составляли некое языковое единство северо-западных племен на территории Центральной Азии, имевших название *шивей*. Впоследствии с течением времени этот древний северо-западный ареал праязыка *шивеев* распался на три более мелких ареала, объединяющих племена халхов – халха-монгольский ареал, племена бурят и баргутов – баргу-бурятский ареал, племена дербетов, торгутов, баитов, мингатов, захчинов, элютов, хойтов, хошутов и др. - ойратский ареал, куда входят и калмыки. Такой подход к калмыцкому материалу позволяет увидеть в нем общемонгольские лексические элементы и выделить лексику, характерную для ойратского ареала и в некоторых случаях собственно калмыцкую, которая представляет собой довольно редкие вкрапления, поскольку калмыцкий язык устойчиво удерживает общеойратскую и общемонгольскую лексику.

Для рассмотрения нами была взята лексика из разных знаменательных слов, включающих как назывные, так и указательные слова, поскольку данное исследование носит предварительный характер и не может претендовать на исчерпывающий характер изыскания всех лексико-семантических групп здесь мы были вынуждены ограничиться лишь некоторыми лексическими пластами, которые в какой-то мере отражают общественные отношения, хозяйственную деятельность, материальную культуру калмыков, а также некоторые группы других частей речи: прилагательных, числительных, глаголов, наречий и местоимений.

Материал по калмыцкому языку был нами взят в основном из «Калмыцко-русского словаря» [1977] и использовались личные наблюдения над языком. Материал по халха-монгольскому языку взят нами из «Большого академического монгольско-русского словаря» [2001; 2002], бурятскому языку – из «Бурятско-русского словаря» [1973], по старописьменному монгольскому языку мы использовали словарь Лессинга [Lessing 1960]. При подаче материала по современным монгольским языкам была сохранена их орфография, примеры из старописьменного монгольского словаря даны в обще принятой в монголоведении транслитерации.

Авторы

О ТЕРМИНАХ РОДСТВА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Здесь мы попытаемся рассмотреть некоторые представления, связанные с тем, как человек воспринимает мир, как строит модели своего взаимодействия с окружающей действительностью и отражает эти модели в родном языке. Это представление было тесно связано с культурно-исторической сменой представлений человека о мире: тотемистические представления сменяются анимистическими и антропоморфными, также с развитием человеческого мышления, его способности к обобщениям и абстрагированию, связано с общественными отношениями внутри человеческого коллектива. Так, с явлением антропоморфизма связано олицетворение явлений природы. Отсюда могло появиться деление на мужской и женский род.

Существует мнение, что деление слов на слова мужского или женского рода было связано с половозрастным разделением труда у первобытных людей. “У них одни работы выполнялись мужчинами, другие - женщинами. Названия всех предметов, входящих в круг деятельности мужчин, снабжались одной языковой приметой, как и имена самих мужчин, а названия предметов, относящихся к женскому труду, как и имена женщин, получали другую примету. Первые существительные стали осмысляться как существительные мужского рода, а вторые - женского рода. Те же предметы, которые не имели прямого отношения к хозяйственной деятельности, естественно, не получали никакой приметы и осознавались как нейтральные, то есть как существительные среднего рода. К ним относили и название молодых особей, так как они не принимали в хозяйственной деятельности активного участия. Это разделение труда между мужчинами и женщинами стало исчезать, исчезла и причина делить предметы на мужской и женский род” [Ардентов, с.138-139], а язык как знаковая система, не поддающаяся произвольным изменениям, продолжает по традиции сохранять сложившиеся в прошлом дифференциации по роду, утерявшее сейчас свою мотивированность. О гипотезе объяснения происхождения родов с учётом специфики языка как знаковой системы и о возможных приёмах исследования грамматической категории рода [см. Ельмслев, 1972].

На протяжении истории развития языка постоянно действовали экстралингвистические принципы родовой отнесённости. В современных языках экстралингвистические причины создали предпосылки для развития так называемого общего рода у части личных имён существительных. “В словах, являющихся названиями людей, - писал В. В. Виноградов, - формой мужского рода подчёркивается не столько идея пола, сколько общее представ-

ление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека” [Виноградов 1972, с. 62]. Таковы, например, слова *врач*, *преподаватель*, *адвокат*, *директор* и другие агентивные, обозначающие деятеля, имена, в монгольских, в частности калмыцком языке, *багш* “учитель”, *эмч* “врач”, *номт* “учёный”, *адууч* “табунщик”, *саалч* “дояр” и многие другие. Подобные слова, наблюдаемые в современных языках в связи с изменением условий жизни, и в частности с изменением положения женщины в современном обществе, могут реализовать свою родовую принадлежность только в предложении, то есть синтаксически.

С семантической точки зрения монгольская основа имени связана со способностью обозначать лишь биологический пол. Однако эта способность обозначать биологический пол непосредственно проявляется только у названий лиц и частично у названий некоторых видов животных.

Я. Шмидт указывал на то, что “исключая оживлённых существ, ни в каком слове не означает различие рода” [1832, с. 23]. Этому мнению придерживался и О.М. Ковалевский, который отметил, что “монголы определяют различие пола в именах оживлённых только существ” [1835, с.29].

Так, например, Б.Я. Владимирцов [1925] на сессии Российской Академии наук сделал небольшое сообщение о том, что в монгольских языках словообразовательные суффиксы *-гчін*, *-джін*, *-хан* и *-гуі* представляют собою следы былого выражения грамматической категории женского рода типа *алаг* “пёстрый” - *алагчін* “пеструха”, *гунан* “самец трёхлетка” - *гунаджін* “самка трёх лет”, *нојан* “князь, господин” - *нојахан* “молодая девица, барышня”, *худа* “сват” - *худагуі* “сватья”. Сюда же он отнёс такие лексемы, как *аха* “старший брат” и *еке* “матушка, старшая”, где используется сингармонизм для различения мужского и женского полов. Б.Я. Владимирцов не только рассмотрел следы грамматического рода в монгольском языке, но и наметил методику изучения этого вопроса. Также в системе терминов двенадцатилетнего цикла, обозначаемых животными, различают года и дни недели по пяти наименованиям цветов, например, *улагчин* “красная”, *шарагчин* “жёлтая”.

В современных монгольских языках и сейчас широко употребляются основы имени, обозначающие особей женского пола:

1) показатели калм. *-жн*, монг. *-жс(ин)*, бур. *-жан/-жэн* служат для обозначения возраста самок животных. Примеры: калм. *гунжн*, монг. *гунжс(ин)*, бур. *гунжан* “корова-трёхлетка” от общемонгольской основы *γurban* “три”; калм. *дөнжн*, монг. *дөнжс(ин)*, бур. *дүнжэн* “корова-четырёхлетка” от обще-

монгольской основы *dörben* “четыре”, калм. *туулжн* “корова-пятилетка” от *тавн* < *tabun* “пять”;

2) показатели калм. *-гчн*, монг. *-гч(ин)*, бур. *-гшан/-гшон/-гшэн* служат для обозначения масти животных, например, калм. *харгчн*, монг. *харагч(ин)*, бур. *харагшан* “чёрная” от общемонгольской основы *qara* “чёрный”; калм. *цаһагчн*, монг. *цагагч(ин)*, бур. *сагаашан* “белая” от общемонгольской основы *ᠰaγan* “белый”; калм. *күрңчн*, монг. *хүрэнгч(ин)*, *хүригшэн* “бурёнка” от общемонгольской основы *küren* “коричневый”; калм. *кеегчн*, монг. *хэ-эрэгч(ин)*, бур. *хээгшэн* “гнедая” от общемонгольской основы *keger* “гнедой”. Относительно суффикса *-гчин* Б. Я. Владимирцов приводит замечание Рашид-ад-Дина, так рассуждавшего об особенностях речи татар: “Существует такой обычай, что всякий индивидуум, происходящий из этого племени (Тутуколыют), если он будет мужского пола, называется Тутукултай, а если женского пола, называется Тутукулчин; из племени Анчи Татар - *Анчитай* и *Анчин*; из племени Кюин - *Кюйтай* и *Кюйчин*; из племени Нерэит - *Нерэтей* и *Нерэчин*”. Говоря об этом, Б.Я.Владимирцов с осторожностью подходит к показателю *-гчин*: “...чрезвычайно трудно судить о том, оказывается ли это явление остатком бывшего состояния языка, или же только известной струей, возникшей в то или другое время, под влиянием каких-либо социальных условий?” [Владимирцов 1925, с.31];

3) показатели калм. *-н*, монг., бур. *-ан/-эн/-өн* служат для обозначения возраста самцов животных. Примеры: калм. *гунн*, монг., бур. *гунан* “трёхгодовалый”, калм. *дөнн*, монг., *дөнөн*, бур. *дүнэн* “четырёхгодовалый”;

4) показатель *-гай/-гэй* обозначает особей женского пола, например, монг., бур. *авгай* “тётя”, монг. *худгай*, бур. *худагы* “сватья”, монг. *гэргий*, бур. *гэргэй* “хозяйка дома”, “жена”.

Но в тоже время следует признать, что современные монгольские языки в общем-то и исчерпывают вышеприведёнными примерами свои способности различить пол. В основном они не в состоянии выразить разницу полов, так как не обладают такими грамматическими средствами. Например, слова *багш* “учитель”, *эмч* “врач” и другие в монгольских языках применяются как по отношению к женщине, так и к мужчине. Это создаёт аналогичную картину с русским языком, когда слова данного типа обозначают лиц, не дифференцируя их по принадлежности к какому-то полу. Эта форма настолько устойчива в русском языке, что в строгой речевой ситуации слово, относящееся к женскому полу, сохраняет “мужскую форму”. Мы должны обратить внимание на то, что слова типа *багш* “учитель” обозначают лицо,

никак не связанное с биологическим полом, сама же эта лексема, имея два означаемых, является одним обозначающим. В литературных монгольских языках используются следующие средства, служащие как бы своеобразными морфемами для выражения пола: калм. *күүкд күн*, монг., бур. *эмэгтэй* “женщина”; калм. *залу күн*, монг., бур. *эрэгтэй* “мужчина”.

Усечённые формы *эр* “мужчина”, “самец”, *эм* “женщина”, “самка” употребляются применительно к некоторым домашним животным. Примеры: монг. *эр хонь* “баран”, *эм хонь* “овца”, *эр тахиа* “петух”, *эм тахиа* “курица”. Но это явление не очень употребительно в монгольских языках, поскольку они для называния самцов и самок имеют специальные лексемы типа калм. *бух* “бык-производитель” (ср. *тохмта бух* “племенной бык”), *буур* “верблюд-производитель”, *үкр* “корова”, *атн* “кастрированный верблюд”, *иңгн* “верблюдица”, *ажрһ* “жеребец”, *гүн* “кобылица”, *тек* “козёл”, *яман* “коза”, *хуц* “баран”, *хөн* “овца”; монг. *өлөгчин* “самка”, *өлөгчин чоно* “волчица”. В некоторых случаях данные усечённые словоформы могут употребляться с названиями, обозначающими лиц, ср., например, монг. *эр хүн* “мужчина”, *эр эм болох* “стать мужем и женой”, *эм зантай* “иметь женский характер”.

Как и в русском, так и в монгольских языках, имеются, в частности, лексические параллели, обозначающие принадлежность родственников к определённому полу. Примеры: калм. *аав* “дедушка”, *ээж* “бабушка”, *эцк* “отец”, *эк* “мать”, *ах* “старший брат”, *эгч* “старшая сестра”, *күүкн* “девочка”, *гижгта күүкн* “девушка на выданье”, *нойхн* “барышня”, *көвүн (арвт)* “мальчик”, *гергн күн (баавһа)* “женщина”, *залу күн* “мужчина”, *залу* “муж”, *гергн* “жена”, *күргн* “жених”, *бер* “невестка” (*бергн* “жена старшего брата”), *худ өвгн* “сват”, *худ эмгн* “сватья”, *хадм эцг* “свёкор (тесть)”, *хадм эк* “свекровь “тёща”, *авһ* “дядя со стороны отца”, *һаһа* “тётя со стороны отца”, *һаһуц* “дядя со стороны матери”, *һаһуц эгч* “тётя со стороны матери”, *ач көвүн* “племянник со стороны брата (внук со стороны сына)”, *ач күүкн* “племянница (внучка) со стороны сына”, *зе көвүн* “племянник со стороны сестры (внук со стороны дочери)”, *зе күүкн* “племянница со стороны сестры (внучка со стороны дочери)”; монг. *өвгөн* “старик”, *өвөг эцэг* “дед по отцу”, *нагац өвөг* “дед по матери”, *эмгэн* “старуха”, *эмээ, эмгээ* “бабушка”, *эх* “мать”, *эцэг, ав* “отец”, *ах* “старший брат”, *эгч* “старшая сестра”, *охин дүү* “младшая сестра”, *хүүхэн (охин, бүсгүй)* “девочка (девушка)”, *хүү (хөвгүүн, нуган)* “мальчик”, *эрэгтэй*

(эр, эр хүн) “мужчина”, нөхөр (хар хүн, эр нөхөр) “муж”, эмэгтэй (бүсгүй, эхнэр, эм хүн) “женщина”, эхнэр (авгай, гээргий) “жена”, хүргэн “зять”, бэр (бэргэн, дүү бэр,) “невестка”, авьсан “жена старшего брата по отношению к жене младшего брата”, худ (зууч) “сват”, худгай (зууч эхнэр) “сватья”, хадам эцэг (аав) “свёкор (тесть)”, хадам эх (ээж) “свекровь (тёща)”, авга ах “дядя по отцу”, нагац ах “дядя по матери”, авга эгч (авгай) “тётя по отцу”, нагац эгч “тётя по матери”, ач хүү “племянник со стороны брата (внук по сыну)”, зээ хүү “племянник со стороны сестры (внук по дочери)”, ач охин “племянница со стороны брата (внучка по сыну)” зээ охин “племянница со стороны сестры (внучка по дочери)”.

Женщина и мужчина могут быть противопоставлены в монгольских языках в различных отношениях:

- в родственных отношениях, например, аав – ээж «папа и мама», эцг – эх «отец - мать», көвүн күүкн «сын и дочь», өвгн – эмгн «дедушка - бабушка», ач хүү – ач охин «внук и внучка по мужской линии», зээ хүү – зээ охин «внук и внучка по женской линии»;

- в семейных отношениях, например: нөхөр - эхнэр «муж и жена», эзэн – эзэгтэй «хозяин - хозяйка»;

- в возрастных отношениях, например: хүү – охин «мальчик и девочка», хүүхэн – хар хүү «парень и девушка», өвгөн – эмгэн «старик и старуха»;

- в общественно-социальном отношении, например: ноён – хатан «господин и госпожа», хан хүү – гүнж «принц и принцесса»;

- родственные отношения, например: бэр – хүргэн «жених и невеста», хойд эцэг – хойд эх «отчим и мачеха», дагавар хүү – дагавар охин «пасынок и падчерица», хадам эцэг – хадам эх «свёкр (тесть) и свекровь (тёща)».

АНТРОПОНИМЫ И ИНСТИТУТ ТАБУ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Здесь мы рассмотрим некоторые особенности формирования антропонимов в калмыцком языке, в частности, результаты влияния экстралингвистических факторов. Как известно, в антропонимии отражаются историко-этнографические особенности развития народов, своеобразие обычаев и быта. Так, А.В. Суперанская подчеркивает, что личные имена «...больше, нежели имена нарицательные, зависят от экстралингвистических факторов, в

связи с чем регулируются не всецело законами языка, но и некоторыми социальными, юридическими и историческими закономерностями» [1969, с.9].

Имеющиеся материалы и наблюдения позволяют выделить определенные закономерности в присвоении того или иного имени у калмыков. В прошлом у калмыков существовали социальные, историко-этнографические факторы, которые влияли на выбор имен, в частности имен, связанных с распространением в XVII в. ламаизма, который оказал влияние на появление у них определенной группы личных имен.

При рождении ребенка родители обращались к священнослужителям с просьбой дать имя новорожденному. Те смотрели в восточном календаре, в каком месяце родился ребенок. Если он родился, например, в месяце *укр* «корова», давали имя *Укрч*, в месяце *ноха* «собака» - имя *Ноха*, в месяце *наха* «свинья» - имя *Наха*. Давали имена и по названию дня. Например, день «мацг» - имя *Мацг*.

Г.Ц. Пюрбеев пишет: «Бытование имен Ноха, Тула, Така объясняется существованием у калмыков обычаев присваивать их детям, когда они рождались в соответствующий год или месяц двенадцатилетнего животного цикла» [1971, с. 63]. В настоящее время подобные имена уже являются архаическими.

Среди имен, связанных с влиянием ламаизма, распространены такие, например, антропонимы, как *Чимид*, *Санж*, *Очир*, *Дава*, *Пурва*, *Эренжэн*, *Бадм*, *Арслаң*, *Басңг*, *Дорж*, *Манж*. В наши дни они уже не воспринимаются как тибетские или санскритские.

В прошлом в соответствии с распространенной у монгольских народов традицией в семье, где часто умирали дети, чтобы «отвлечь злого духа», часто нарекали ребенка каким-нибудь негативным именем, связанным со значением «плохой», «черный»: *Му Хар* «плохой, черный», *Му Күүн* «плохая девочка», *Хар Көвүн* «черный мальчик», *Му Көвүн* «плохой мальчик». Эта традиция явилась одним из источников формирования калмыцкой антропонимии. В последней обширный пласт «...личных имен был связан с суевериями. Такие имена, как *Ноха* «собака», *Чон* «волк», *Бух* «бык», *Тек* «козел», *Хуц* «баран» давались детям для устрашения злых духов". От таких имен позже образовались калмыцкие фамилии типа Мухаринов, Мухараев, Мукубенов, Мукукенов и т.п.

Личные имена образуются и при помощи двух компонентов *Хар* + личное имя, например: *Му Манж*, *Хар Манж*. Слова *му* и *хар* в представлении калмыков связаны с неприглядными явлениями. Эти же слова могут выступать самостоятельно как личные имена: *Муута*, *Муутл*, *Муузра*, *Харлу*,

Хардаш и т.д. Со временем они потеряли свое исконное смысловое значение и стали восприниматься всеми как обиходное личное имя.

Своеобразие калмыцкой антропонимии связано также с обычаем, который запрещал жене называть мужа по имени. Если у мужа было имя *Санж*, то жена называла его *Янж* (*Анжэ*), *Манж* – *Шевэ*, *Дорж* – *Корж*, *Бадм* – *Ядм* и т.п. Это явление отмечал в свое время Б.Я. Владимирцов: «Вследствие табу сокращаются собственные имена, а также названия чинов и должностей; замечается также искажение начального слога вместо сокращения» [1929] .

К табуированным антропонимам относятся и имена, образованные от числительных. Они видоизменялись следующим образом: *Нэмн* «восемь» – *Доланас үлү* «больше семи»; *Йис* «девять» – *Нэмнэс үлү* «больше восьми». У калмыков существовал также обычай согласно которому молодую жену в семье мужа называли новым именем, а не тем, которое она носила в семье родителей.

В соответствии со старой, устойчивой традицией до сих нередко ребенок получает имя того человека, который присутствовал при родах или первым зашел после рождения ребенка. Довольно часто новорожденному дают имя умершего родственника.

Определенную группу калмыцких антропонимов образуют личные имена типа *Джангр*, *Савр*, *Хонгр*, *Мингиян*, *Гернзл*, имеющие значение «сила, мощь, красота», выражающие различные физические или интеллектуальные качества, которые приписывались ребенку при рождении. И это вполне закономерно, поскольку родители всегда хотят видеть в своих детях именно эти достоинства.

Анализ калмыцких антропонимов позволяет говорить в целом о разнообразных источниках образования личных имен. Распространены, например, имена, образованные от числительных: *Тавн* «пять», *Зурхан* «шесть», *Долан* «семь», *Нэамн* «восемь», *Гучн* «тридцать»; от прилагательных: *Цаган* «белый», *Ноган* «зеленый», *Улан* «красный», *Мөнк* «вечный» и т.д. От таких имен образуются соответствующие отчества и фамилии.

Бытуют у калмыков в обиходе и так называемые двойные имена. В.А. Никонов в своей статье «Личное имя - социальный знак» [1967] приводит ряд примеров существования таких имен у разных народов. Калмыки после присоединения к России и принятия некоторыми родами христианства получали часто русские имена, которые значились в официальных документах. Но в обиходе параллельно существовало национальное имя. Эта традиция сохраняется до сих пор. Приведем такие примеры двойных женских и муж-

ских имен: *Мердә* // Мария, *Доржма* // Дарья, *Гилан* // Галина, *Булгн* // Татьяна, *Бальжа* // Нина, *Саглр* // Софья, *Бадма* // Борис, *Монкә* // Михаил, *Нима* // Николай, *Серәтр* // Сергей, *Пурвә* // Петр.

После победы Октябрьской революции появились и были распространены имена: Плехан, Вил, Мэлс, Ким (образованные от Плеханов; Владимир Ильич Ленин; Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин; Коммунистический интернационал молодежи); Мая, Октябрина, Ноябрина, Декабрина. Доминировала традиция давать детям русские имена.

Говоря о личных именах, следует отметить, что деление исконно калмыцких имен на женские и мужские - понятие относительное. Так, в частности, у донских калмыков (бузав) женские и мужские имена чаще совпадают: *Мацг*, *Эренжән*, *Бальжр*, *Бальжрма*, *Доржма*. Вместе с тем женские личные имена тяготеют к форме с окончанием на *-а*: *Баина*, *Баира*, *Саглара*, *Герензала*, что, несомненно, связано с влиянием русского языка на грамматику и лексику калмыцкого языка.

С влиянием русской антропонимии связано и образование у калмыков фамилий, которые до революции они не имели. При образовании фамилий донские калмыки и калмыки, живущие в западной части республики, присоединяли к имени отца суффикс калмыцкого родительного падежа *-ин* + русский суффикс *-ов*. Например: *Бадми+ин+ов*, *Дорж+ин+ов*, *Сандж+ин+ов* /*Санжинов* и т.д.

У калмыков, живущих в других местах, в образовании фамилий употребляется русский суффикс *-ев* (*Мухараев*, *Басхаев*, *Бадмаев*, *Бухаев*) и.. Встречаются фамилии русского и тюркского происхождения: Иванов, Сидоров, Мусаев, Мусов и т.д.

Без присоединения русского суффикса, нам известно, сохранилась лишь одна фамилия: *Доржин*, *Доржина*.

У некоторых калмыцких родов отмечается традиция употребления имени отца в качестве фамилии, например, у Бадма-Горяева Спиридона дети будут Спиридоновы и др.

Существовала традиция обращения к старшим, имеющим детей, по имени ребенка, например: *Монкән эцк* «отец Менке», *Бадрга Санжин Саня*, то есть Саня, дочь Санджи, у которого отец Бадрак. Отчества у калмыков по сравнению с фамилиями появились немного позднее. Сначала отчества появились среди интеллигенции под влиянием русских, а затем распространились и у других слоев населения. Они образовывались по русской модели - присоединением к имени отца форманта *-ович/-евич*,

-овна/-евна, например, от *Бадма* – *Бадмин+ович*, *Бадмин+овна*; *Бадма+евич*, *Бадма+евна*, *Санджи* – *Санжин+ович*, *Санжин+овна*, *Санджи+евич*, *Санджи+евна* и т.д.

ЛЕКСИКА ОРИЕНТАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ

В процессе исторического развития монгольского праязыка после выделения его из семьи алтайских языков в нем продолжалось сложение своего словарного состава, его усложнение, формирование различных лексико-семантических групп, отражающих разнообразные отношения человека с окружающим миром. Поскольку древние люди, в том числе и древние прамонголы, вначале древние охотники, рыболовы и собиратели, а впоследствии скотоводы-номады и охотники, вели подвижный образ жизни и активно взаимодействовали с окружающей их природой, в прамонгольском языке достаточно рано стал складываться комплекс лексики, отражающий разнообразные варианты ориентации в пространстве, как самого человека, так и окружающих его предметов действительности. Впоследствии при расселении монгольских племен в ареале Центральной Азии и образовании монгольских народов этот комплекс, вошедший из праязыка и в их племенные языки, продолжал развиваться и сохранился во всех современных монгольских языках.

При подробном изучении данного комплекса лексики удалось установить, что по своей внутренней структуре и значению составляющих его элементов он неоднороден и распадается, по крайней мере, на три группы. Первую группу составляют слова, отражающие ориентацию в пространстве относительно стран света. Вторую – слова, отражающие положение человека в пространстве. Третью – слова, отражающие положение других существ или предметов относительно каких-либо существ или предметов, находящихся возле говорящего. Рассмотрим ниже эти лексические группы подробнее.

1. Комплекс лексики, отражающей ориентацию в пространстве по отношению к странам света, представлен как в современных монгольских языках (мы привлекаем для исследования фактический материал только из достаточно развитых современных монгольских языков, имеющих сво. письменность и литературную форму, - халха-монгольского, бурятского, калмыцкого), так и в старописьменном монгольском языке. В каждом из исследуемых языков данный комплекс достаточно развит и разнообразен по составу терминов, называющих страны света, поскольку монгольские наро-

ды издревле различали не только 4 основных направления – север, юг, запад, восток, но еще 4 промежуточных – северо-запад, юго-запад, северо-восток и юго-восток. Монголы называют эту свою систему стран света *Дөрвөн зүг, найман зовхис* ‘Четыре страны света, восемь азимутов’. Термины, называющие в монгольских языках эти страны света и промежуточные направления, суть следующие.

Север: в калмыцком, как и в халха-монгольском языке для его названия используются как отдельные слова, так и атрибутивные словосочетания со стержневым словом *зүг* ‘сторона, направление’, здесь отмечены такие термины, как *ар* ‘север, северная сторона’, ‘северный’ (букв. ‘зад, спина; тыл, задняя, тыльная сторона’), *умар* ‘север’, *умард* ‘северный’, *умар зүг, умард зүг* ‘север’ (букв. ‘северная сторона, северное направление’), *хойно* ‘север’, ‘на севере’ (букв. ‘сзади, позади’), *хойт зүг* ‘север’ (букв. ‘задняя сторона’), *хойноос* ‘с севера’ (букв. ‘сзади, с задней стороны’), *хойш* ‘на север’ (букв. ‘назад’), *хойгуур* ‘севернее, северной стороной’ (букв. ‘позади, задней стороной’); в калмыцком языке используются термины *ар* ‘север’, ‘северная сторона’ (букв. ‘зад, тыл, задняя, тыльная сторона’), *ар үзг* ‘север’, ‘северная сторона, северное направление’ (букв. ‘задняя сторона’), *ард, ар үзгт, ар бийд* ‘на севере’, *арас, ар үзгэс* ‘с севера’, *ар үзгэд* ‘на север, к северу’, *арар, ар үзгэр* ‘севернее, северной стороной’; в бурятском литературном языке, его восточных, южных и присаянских говорах относительно севера употребляются следующие термины: подобные монгольским *хойно* и *хойто зүг* с теми же значениями, а также те же формы пространственных падежей, что и в монгольском языке, - *хойноһоо, хойшо, хойгуур*. Значения этих падежных форм те же.

Юг: в калмыцком и в халха-монгольском языках с этой страной света связаны следующие термины: - *өинө* ‘юг’, ‘на юге’, ‘южный’ (букв. ‘ваереди’), *өмнө зүг* ‘юг, южная сторона, южное направление’ (букв. ‘передняя сторона, сторона впереди’), *өмнөд* ‘южный’, *урд* ‘юг’, ‘на юге’, ‘южный’ (букв. ‘передний’), *урд зүг* ‘юг’ (букв. ‘передняя сторона’), *урдаас* ‘с юга’ (букв. ‘спереди’), *урагш* ‘на юг, к югу’ (букв. ‘вперед’), *урдуур* ‘южной стороной’ (букв. ‘передом, передней стороной’); в калмыцком языке употребляются аналогичные термины *өмн* ‘юг’, ‘на юге’ (букв. ‘впереди’), *өмн үзг* ‘юг’ (букв. ‘передняя сторона’), *өмн үзгэс* ‘с юга’, *өмн үзгэд* ‘на юг, к югу’, *өмн үзгт, өмн бийднь* ‘на юге; на юг’, *өмн үзгэр* ‘югом, южной стороной’; в

бурятском литературном языке и его говорах, кроме эхиритского и нижнеудинского, используются *урда* ‘юг’, ‘южный’ (букв. ‘передний’), *урда зүг* ‘юг’ (букв. ‘передняя сторона’), *урда зүгтэ* ‘на юге’ (букв. ‘в передней стороне’), *урдаһаа* ‘с юга’ (букв. ‘с переди, с переней стороны’), *урагша* ‘на юг’ (букв. ‘вперед’), *урдуур* ‘югом, южной стороной’.

Запад: в калмыцком и халха-монгольском языках для названия этой стороны света применяют следующие термины: *өрнө* ‘запад’, *өрнө зүг* ‘запад, западное направление’, *өрнөд* ‘запад’, ‘западный’, *баруун* ‘запад’, ‘западный’ (букв. ‘правый, правая сторона’), *баруун зүг* ‘запад’ (букв. ‘правая сторона’), *нар шингэх зүг* ‘запад’ (букв. ‘сторона, где заходит солнце’), *барууны* ‘западный’ (букв. ‘правосторонний’), *баруун зүгт* ‘на западе; на запад’, *баруунаас* ‘с запада’ (букв. ‘справа, с правой стороны’), *баруун тийш* ‘на запад’, *барууниаа*, *барууни*, *барууш* ‘на запад’, *баруугаар* ‘западом, западной стороной, западнее’; в калмыцком языке здесь известны термины как подобные монгольским – *барун*, *барун үзг* ‘запад’ (букв. ‘правый, правая сторона’), *барун үзгт* ‘на западе; на запад’ (букв. ‘на правой стороне; на правую сторону’), *барунас*, *барун үзгэс* ‘с запада’ (букв. ‘справа; с правой стороны’), *барунар* ‘западом, западной стороной’ (букв. ‘букв. ‘правее, правой стороной, по правой стороне’), так и свои – *нарн суух үзг* ‘запад’ (букв. ‘сторона, где садится солнце’), *нарн шингэх үзг* ‘запад’ (букв. ‘сторона, где заходит солнце’), *дөөд бий* ‘запад’ (букв. ‘верхняя сторона’); в бурятском литературном языке и его говорах, кроме эхиритского и нижнеудинского, представлены по сути те же термины, в основе которых лежит бурятское прилагательное *баруун* ‘правый, правосторонний’: *баруун*, *баруун зүг* ‘запад, западная сторона’ (т.е. сторона, находящаяся справа, при ориентировании на полуденное солнце), *баруун зүгтэ* ‘на западе; на запад’, *баруулжа* ‘на запад, в западном направлении’, *баруун зүгһөө* ‘с запада’, *баруунһаа* ‘с запада’ (букв. ‘справа’), *баруугша* ‘на запад, к западу’ (букв. ‘направо, вправо’), *баруугаар* ‘к западу, западнее, западной стороной’ (букв. ‘правее, справа, правой стороной’), *барууханаар* ‘немного западнее’ (букв. ‘немного правее’), *баруулха* ‘идти к западу, идти на запад’.

Восток: название востока во всех монгольских языках ассоциируется главным образом со словом *зүүн* ‘левый, левая сторона’, есть и другие термины. Конкретно по языкам эти названия следующие: в халха-монгольском языке используются названия *зүүн*, *зүүн зүг* ‘восток, восточная сторона,

восточное направление' (букв. 'левый, левая сторона'), *дорно* 'восток', 'восточный', *дорно зүг* 'восток' (букв. 'восточная сторона'), *дорнод* 'восток', 'восточный', *нар гарах зүг* 'восток' (букв. 'сторона, где выходит или рождается солнце'), *зүүн зүгт* 'на востоке', 'на восток' (букв. 'на левой стороне; на левую сторону'), *зүүнээс* 'с востока' (букв. 'слева, с левой стороны'), *зүүн тийш* 'на восток' (букв. 'налево'), *зүүгээр* 'восточнее, восточной стороной' (букв. 'левее, левой стороной'); калмыцкий язык использует термины *зүн үзг* 'восток' (букв. 'левая сторона'), *дорд үзг*, *дор үзг*, *дорд бий* 'восток' (букв. 'нижняя сторона'), *нарн нарх үзг*, *нарн урһх үзг* 'восток' (букв. 'сторона, где появляется солнце'), *зүн үзгт*, *зүн бийд*, *нарн нарх үзгт* 'на востоке' (букв. 'на левой стороне, на стороне, где выходит солнце'), *дор үзгт* 'на востоке' (букв. 'на нижней стороне'), *дорас*, *дор үзгэс* 'с востока' (букв. 'снизу, с нижней стороны'), *зүн үзгэд* 'на восток' (букв. 'на левую сторону'), *доракшан* 'на восток' (букв. 'вниз, ниже'), *дораһур* 'восточной стороной, восточнее' (букв. 'низом, понизу'); в бурятском литературном языке и его говорах, опять-таки кроме эхиритского и нижнеудинского говоров, зафиксированы термины *зүүн* 'восток', 'восточный' (букв. 'левый'), *зүүн зүг* 'восток' (букв. 'левая сторона'), *дурна зүг* 'восток, восточная сторона', *зүүн тээ* 'на востоке', *зүүн тээшэ*, *зүүлжэ*, у западных бурят *зүүгшэ* 'на восток', *зүүн зүгһөө* 'с востока, с восточной стороны', *зүүхэнээр* 'восточнее, восточной стороной'.

Названия промежуточных направлений между основными сторонами света в монгольских языках тоже широко представлены и однотипны по своей структуре: используются составные термины, включающие названия соответствующих названий четырех основных сторон света. Названия эти следующие: **юго-запад** в халха-монгольском языке называется *баруун урд*, *баруун өмнө*, *өмнө өрнө*; в калмыцком языке – *барун өмн үзг*, *деед өмн үзг*; в бурятском – *баруун урда зүг*; **юго-восток** в халха-монгольском – *зүүн өмнө*, *зүүн өмнө зүг*, *зүүн урд зүг*, в калмыцком – *зүн өмн үзг*, *дорд өмн үзг*, в бурятском – *зүүн урда зүг*, *зүүн урда*; **северо-запад** в халха-монгольском – *умар өрнө*, *баруун хойно*, *баруун хойт зүг*, в калмыцком – *деед ар үзг*, *ар барун үзг*, *ар нарн суух үзг*, в бурятском – *баруун хойно*, *баруун хойтозүг*; **северо-восток** в халха-монгольском – *зүүн хойно*, *зүүн хойт зүг*, в калмыцком – *дорд ар үзг*, *ар нарн нарх үзг*, в бурятском – *зүүн хойно*, *зүүн хойто зүг*.

Как можно видеть из приведенного выше сравнительного материала из современных монгольских языков, содержащиеся в них комплексы лексики, отражающей ориентацию в пространстве относительно сторон света, в принципе однотипны как по содержанию, так и по структуре. Чувствуется, что они наследуют некую единую древнемонгольскую систему терминов, называющих страны света. Эта система основана на том, что как древние монголы, так и современные монгольские народы – халхи, калмыки, буряты – ориентируются на юг, в сторону солнца, находящегося в зените. Поэтому для них «юг» – это «перед, передняя сторона», а «север» соответственно «зад, задняя сторона, тыл». В таком случае «восток» закономерно окажется «слева, с левой стороны», а «запад» – «справа, с правой стороны». В халха-монгольском и калмыцком языках появились специфические названия для востока и запада, связанные с понятиями восхода и захода солнца: «восток» – это «сторона, где появляется *или* выходит солнце», а «запад» – «сторона, где садится солнце». Эти названия напоминают древнетюркские термины *küntoysuq*, *küntoysuy* ‘восток’ (букв. ‘зарождение солнца’), *künbatsiq*, *künbatsiy*, *künbatuš* ‘запад’ (букв. ‘заход солнца’). Этот принцип номинации сторон света сохраняется и в современных тюркских языках, например, в татарском, в котором *көнчыгыш* – ‘восток’ (букв. ‘восход солнца’), *көнбатыш* – ‘запад’ (букв. ‘заход солнца’). Ср. соответственные термины казахского – *күншығыс*, *күнбатыс* и алтайского – *күнчыгыш*, *күнбадыш* языков. Появление этих терминов в халхаском и калмыцком языках можно объяснить древним тюркским влиянием.

По свидетельству В.И. Рассадина [1999, с. 10], в двух говорах современного бурятского языка – эхиритском и нижнеудинском – бытует иная система названия сторон света, в которой передней стороной является восток, восточная сторона, а задней – запад, западная сторона, при этом юг, южная сторона находится закономерно справа, а север, северная сторона – слева. У бурят-эхиритов термины ориентации по странам света зафиксированы в следующем виде: *урда зүг* ‘восток’ (букв. ‘передняя сторона’), *хойто зүг* ‘запад’ (букв. ‘залняя сторона’), *зүүн зүг* ‘север’ (букв. ‘левая сторона’), *баруун зүг* ‘юг’ (букв. ‘правая сторона’). У нижнеудинских бурят аналогичная система: *урякша* ‘восток’ (букв. ‘вперед’), *койшо* ‘запад’ (букв. ‘назад’), *зүүн тала* ‘север’ (букв. ‘левая сторона’), *баран тала* ‘юг’ (букв. ‘правая сторона’). Здесь явно прослеживается ориентация на восток, на восход солнца.

Полную аналогию этой системе ориентации мы находим в древнетюркском языке. в котором *ilgärü* означает ‘вперед’ и ‘на восток’, *qurıyaru* – ‘назад’ и ‘на запад’, *bergärü* - ‘направо’ и ‘на юг’, а *jirıyaru* - ‘налево’ и ‘на север’. В современных тюркских языках подобную же восточную ориентацию можно видеть в тофаларском и якутском языках. При этом в тофаларском языке понятия “восток” и “на восток” передаются одним и тем же словом *буруңгаары* (букв. ‘вперед’), а понятия “запад” и “на запад” - словом *соңгаары* (букв. ‘назад’). Юг обозначается словом *һуңгаары* (букв. ‘в сторону солнца’), а “север” и “на север” - словом *қараңгаары* (букв. ‘в сторону тьмы’). В якутском языке “восток” - это *илин* (букв. ‘передний; передняя сторона’), а “запад” - *аргаа* (букв. ‘задняя, тыльная сторона’), “север” - *хоту* (букв. ‘вниз по реке’), “юг” - *согуруу* (букв. ‘вверх по реке’). Подробнее об ориентации по странам света у якутов и о якутских соответствующих терминах см.: [Попов 1976, с. 86-93]. Таким образом, как можно видеть из материала, у тофаларов и якутов в данном случае наблюдается переплетение трех способов обозначения ориентации: 1) по отношению к говорящему (тофалары и якуты); 2) солярный принцип (тофалары); 3) по течению рек (якуты).

Эти принципы, которых всего насчитывается 4, для обозначения ориентации в пространстве в алтайских языках довольно подробно разработаны Г.М.Василевич [1971, с. 223-229] и Л.И.Сем [1971, с. 230-235].

Таким образом, ориентацию восточную, характерную для древних тюрков и связанную, видимо, с культом восходящего Солнца, сохраняют из монгольских народов нижнеудинские буряты и буряты-эхириты, а из современных тюркских - тофалары и якуты. Данное явление можно объяснить, видимо, какими-то былыми связями предков этих народов.

2. В монгольских языках выработана также система подробного выражения ориентации в пространстве относительно говорящего. Здесь представлены термины, отражающие положение над говорящим или каким-либо предметом, под ним, возле него, позади него, перед ним и внутри него. При этом слова, называющие все эти положения, употребляются во всех монгольских пространственных падежах: дательном-местном, исходном, а также древних направительном и транзитивном.. Термины эти следующие: х.-монг. *дээр*, калм. *деер*, бур. *дээрэ* ‘на, над, наверху’, далее соответственно *дээрээс*, *деерас*, *дээрэнээ* ‘сверху’, *дээш*, *деегшэн*, *дээшэ* ‘наверх’, *дээгүүр*, *деегүүр*, *дээгүүр* ‘поверх, поверху’; х.-монг. *дор*, калм. *дор*, бур. *доро*, *дооро*, *доо тээн* ‘внизу, под’, далее соответственно *дорос*, *дорас*, *доороһоо* ‘сни-

зу, из-под', *доош*, *дорогш*, *доракшан*, *доорогшо* 'вниз', *доогуур*, *дораһур* 'низом, понизу'; х.-монг. *хажууд*, *дэргэд*, калм. *хажуд*, бур. *хажууда* 'возле, рядом', далее соответственно *хажуугаас*, *хажуһас*, *хажууһаа* 'сбокуу', *хажуу тийш*, *хажукиан*, *хажуу тээшэ* 'вбок', *хажуугаар*, *дэргэдүүр*, *хажуһар*, *хажуугаар* 'боком, сбоку'; х.-монг. *хойно*, *ард*, калм. *ард*, бур. *хойно*, *арада* 'позади, за', далее соответственно *хойноос*, *араас*, *арас*, *хойноһоо*, *араһаа* 'сзади, из-за', *хойш*, *ар тийш*, *ар талакиан*, *хойшо*, *ара тээшэ* 'назад', *хойгуур*, *араар*, *арар*, *хойгуур*, *араар* 'позади, задней стороной'; х.-монг. *урд*, *өмнө*, калм. *өмн*, бур. *урда*, *үмэнэ* 'впереди, перед', далее соответственно *урдаас*, *өмнөөс*, *өмнэс*, *урдаһаа* 'спереди', *ураги*, *уралан*, *өмэрэн*, *урагиа* 'вперед', *урдуур*, *өмнәһур*, *урдуур* 'перед, передом, передней стороной'; х.-монг. *дотор*, калм. *дотр*, бур. *дотор* 'внутри', далее соответственно *дотоос*, *дотрас*, *доторһоо* 'изнутри, из', *дотогш*, *дотакшан*, *дотогшо* 'внутри', *дотуур*, *дотраһур*, *дотуур* 'нутром, внутри, внутренней частью'; х.-ионг. *Хооронд*, калм. *хоорнд*, бур. *хоорондо* 'между'.

3. Лексика монгольских языков, отражающая ориентацию относительно говорящего и предмета возле него в общем совпадает с лексикой второй группы. В то же время ее специфику составляют особые слова, называющие пространство впереди говорящего между ним и этим предметом, а также пространство, которое находится позади этого предмета, т.е. между этим пространством и говорящим находится предмет. Этими словами являются общеменгольские *наа* 'пространство между говорящим и предметом' и х.-монг., калм. *цаа*, бур. *саа* 'пространство позади предмета'. Эти основы тоже употребляются в форме современных и древних пространственных падежей. Поясним это на конкретном примере, из которого ясно видно значение используемых словоформ: х.-монг. *голын цаана*, калм. *һолын ца*, бур. *голой саана* 'за рекой', далее соответственно *голын цаанаас*, *һолын цааһас*, *голой саанаһаа* 'из-за реки', *голын цааш*, *һолын цааран*, *голой сааша* 'за реку', *голын цаагуур*, *һолын цааһур*, *голой саагуур* 'по той стороне реки, той стороной реки'; х.-монг. *голын наана*, калм. *һолын на*, бур. *голой наана* 'на этой стороне реки, по эту сторону реки', далее соответственно *голын цаанаас*, *һолын нааһас*, *голой саанаһаа* 'с этой стороны реки', *голын нааш*, *һолын нааран*, *голой наша* 'на эту сторону реки', *голын наагуур*, *һолын нааһур*, *голой наагуур* 'этой стороной реки, по этой стороне реки'.

Таким образом, как можно видеть из приведенного материала, система терминов ориентации в пространстве, представленная в современных монгольских языках, достаточно развита и почти полностью совпадает между языками, что свидетельствует о ее древности и о сложении в период прамонгольского языка. Тюркские элементы проникли в нее незначительно, причем только типологически в периферийных говорах бурятского языка.

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ПЛАСТ ЛЕКСИКИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Факторы, обусловившие возникновение фразеологизмов. Лексико-семантические особенности фразеологизмов обнаруживаются при обращении к их происхождению, истории их возникновения и пути их формирования. Как известно, фразеологизмы обладают целостным значением, которое образуется путем слияния и переосмысления значений компонентов. Главным условием такого перехода является метафорический перенос, возникающий в результате ассоциативной связи между прямым значением свободного словосочетания и соответствующими явлениями реальной действительности, например, *мод барьх* буквально «держать палку» со значением «обеднеть, стать нищим». Это связано с бытом калмыков, что дает ключ к пониманию семантического переосмысления этого свободного словосочетания. Фразеологизм *үкрийн бөөр шиг* [букв.: почки коровы] в результате метафорического переноса имеем «жить вместе и дружно».

В монгольских языках немало фразеологизмов, имеющих универсальный общечеловеческий характер, например, *һарсн уга күүкдт төмр өлгэ белдх* [букв.: «готовить для нерожденного дитя железную колыбель»], которому соответствует русский эквивалент «не зная броду, не лезь в воду».

Если считать общественно мотивированную осознанность вторым условием возникновения и становления фразеологизмов, то третьим условием будет частота употребления, закрепление в речи переосмысленного словосочетания, а четвертым - абстракция и обобщение. Последние два фактора тесно связаны между собой. Как было сказано, возникновение фразеологизмов обусловлено ассоциативной связью между буквальным значением и приобретенным значением в результате метафоризации.

Абстракция и обобщение - важнейшие факторы, обеспечивающие фразеологизмам жизнеспособность. Так, например, фразеологизм *хар кел амнд орх* [букв.: черный язык входит в рот] со значением «чернить кого-либо».

Этот фразеологизм с нейтральным значением, что говорит о большей степени отвлечения, т.е. абстракции и большей степени обобщения.

Пятое условие - это наличие во фразеологизмах стилистической окрашенности. Такими оттенками являются яркость, образность, наглядность, эмоциональность. Например, фразеологизм *йисн эклх* [букв.: девять начинаться] со значением «начало холодов».

Можно выделить фразеологизмы с одним значением, но различные по эмоциональной окраске. К таковым относятся фразеологизмы со значением «умереть», хотя буквальные их значения индивидуальны, например, *теңгр деер одх* [букв.: «воспарить на небо»], *бурхн болх* [букв.: стать богом, бурханом], *өөд болх* [букв.: стать верхом], *чолун герт одх* [букв.: пойти в каменный дом], *тенгерт залрх* [букв.: восседать на небе], *наси чилх* [букв.: жизнь окончилась], *нүдэн аньх* [букв.: «закрыть глаза»], *хадыг туушх* [букв.: опереться о скалу]. Со значением «ссориться» объединяются несколько фразеологизмов разного происхождения, например: *тар түр кех* [букв.: переругиваться], *аман келэн билүлдх* [досл.: точить свой рот и язык] в значении «сплетничать», *негн орнд багтж болиго* [букв.: не уместиться на одной кровати], *би чи хойр деер күргх* [букв.: я и ты доходить до верха], *гурвлжн дөрвөлжн керүл болх* [досл.: трехугольный, четырехугольный стать ссорой], *ноха гаха күрх* [букв.: дойти собака и свинья] со значением «жить как кошка с собакой». Со значением «упрямый» употребляются такие фразеологизмы, как *буру ишилсн сүк шиг* [букв.: неправильно насаженный топор], *бүдүн күзүһән гаргх* [букв.: показывать толстую шею].

Необходимо отметить, что приведенные здесь фразеологизмы, такие как *теңгерт одх* [букв.: воспарить на небо], *бурхн болх* [букв.: стать богом]) обозначают действия, связанные с выражением особого почтения, имеющие религиозный оттенок, а фразеологизмы типа *нас барх* «скончаться» с нейтральным значением.

В то же время наблюдается явление обратного порядка: один и тот же образ может лечь в основу разных словосочетаний и разных значений. Так, с понятием *толһа* «голова» связано образование значительного количества устойчивых словосочетаний различного содержания: *толһаһар цокх* [досл.: ударить головой], которому соответствует русский эквивалент «быть в первых рядах», *толһа өвдхго* [букв.: голова не болит] в значении «легко, без проблем», *толһаһинь эргүлх* [букв.: закружить его голову] в значении «об-

манывать», *толһань зальгх* [букв.: проглотить его голову] со значением «избить до полусмерти кого-либо».

Большое количество фразеологизмов функционирует в роли свободных словосочетаний, чем наглядно иллюстрируется ассоциативная связь, обуславливающая становление фразеологизмов, напрмер, *нүдэн аньх* [букв.: закрыть глаза], *хад түших* [букв.: опереться о скалу]), которому соответствует русский эквивалент «умереть».

Связь между свободными и устойчивыми словосочетаниями отражает соотношение между подвижными и устойчивыми элементами в языке.

Немало фразеологизмов создано на базе сравнительных конструкций типа свободных словосочетаний, где ведущую роль играет послелог *шиг* с широкой семантикой сравнения, образующий обычные сравнительные конструкции, например, *тегийн сальхн шиг чөлэтэ* «свободный, как степной ветер», *үкрийн бөөр шиг* «как коровьи почки», *зольбин ноха шиг* «как бродячая собака», *чон хөн хоёр шиг* «как волк и овца». В случае свободного, воспроизводимого сравнительного оборота нефразеологического типа все его составные лексические компоненты сохраняют свое лексическое значение. Но если происходит в силу разных обстоятельств, как правило, экстралингвистического характера, метафорический перенос значения такого оборота, а сам он превращается в несвободное идиоматическое словосочетание, став фразеологической единицей, то такой оборот уподобляется самостоятельной лексической единице и имеет свое лексическое значение. Так, некоторые из приведенных здесь сравнительных оборотов, уже превратились во фразеологические единицы, существующие в языке параллельно своим исходным сравнительным оборотам, с самостоятельным лексическим значением, например: оборот *үкрийн бөөр шиг* наряду с обычным сравнением «как коровьи почки», как фразеологическая единица означает уже «дружные; дружно», оборот *зольбин ноха шиг* в качестве фразеологизма используется в значении «чересчур злой», оборот *чон хөн хоёр шиг* в качестве фразеологизма имеет значение «неуживчивые, враждующие».

Фразеологические обороты сравнительного типа в лингвистической литературе получили название «компаративные фразеологизмы». При этом исследователи в зависимости от степени утраты их семантикой элемента сравнения и в зависимости от отношений между объектом сравнения и сравнительной частью оборота обычно делят такие фразеологические единицы на два типа: содержащие истинные сравнительные отношения и лож-

ные. При этом основным (релевантным) признаком сравнительных фразеологизмов является не воспроизводимость этих оборотов, а фигуральность, идиоматичность их семантики. Это становится особенно ясно при сопоставительном изучении устойчивых, воспроизводимых сравнительных оборотов нефразеологического типа с компаративными фразеологизмами. Первые из них сохраняют в своем содержании все признаки свободных сравнительных словосочетаний или предложений, лексические компоненты таких воспроизводимых устойчивых сравнений полностью сохраняют свою семантику. Сравнительные словосочетания второго типа представляют собой идиоматические словосочетания, у которых компоненты слились уже настолько, что утратили лексическую самостоятельность и индивидуальное значение, слившись, осознаются как единое целое, как одна лексическая единица со своим значением, как правило, переносным, метафорического происхождения.

В калмыцком языке фразеологизмы, характеризующие человека образовались на базе сравнительных оборотов. Метафоризация содержания таких оборотов и превращение их во фразеологизмы весьма типичный путь появления фразеологизмов в калмыцком языке.

Этимологические изыскания в области фразеологии обогащают понимание путей возникновения фразеологических словосочетаний, раскрывают тот образ, который способствовал их становлению.

Изучая лексико-семантические связи во фразеологических словосочетаниях, можно установить, что они складываются в каждом языке своеобразно. Это своеобразие связано с тем, что большая часть слов и значений слов ограничены в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы.

К вопросу о многозначности фразеологических единиц в монгольских языках. Явление многозначности обычно ассоциируется с лексемами, совокупная семантика которых выступает как бы расщепленной на отдельные части или лексико-семантические варианты. Но если полисемия слов считается распространённым и обычным явлением, то в отношении фразеологизмов проявление этого качества оспаривается и даже открыто отрицается. Однако подавляющее большинство исследователей фразеологии отмечают наличие многозначности и у фразеологических единиц. Хотя это явление в монгольском языке ещё мало изучено, но многие монголоведы считают, что полисемия не чужда и фразеологической системе монгольских языков. Она является одной из семантических особенностей фразеологизмов. В доказательство этому можно привести множество примеров. Так, Г.Ц. Пюрбеев,

исследовавший фразеологию калмыцкого языка, рассматривает явление полисемии у фразеологических единиц на примере фразеологизма *ам халах*, который может иметь до трёх значений: 1) жить за счёт других, быть на иждивении кого-либо; 2) выжидать, быть не в состоянии делать что-либо самостоятельно; 3) не иметь собственного мнения, идти на поводу других. Он берет также фразеологизм *нааран халах*, который имеет значения: 1) идти на поправку, улучшаться (о состоянии больного), 2) опекать, оказывать помощь, поддержку [Пюрбеев, 1972, с. 71].

Говоря о семантике фразеологизма, Г.Ц. Пюрбеев [там же, с. 73] признает, что в отдельном случае контекст употребления вносит в общее значение идиоматического оборота те или иные оттенки. Например, фразеологизм *көл деернь босгх* «поставить на ноги» в зависимости от того, о ком или о чем идет речь, может выступить со следующим смысловым расщеплением: «воспитать, вырастить, вывести в люди кого-либо», «укрепить, упрочить - например, хозяйство», «вылечить, излечить от недуга»..

Большинству фразеологических единиц калмыцкого языка в принципе присуща моносемантичность. Из проанализированных нами около 500 калмыцких фразеологизмов четвертая часть из этих единиц имеет более двух значений.

Фразеологическая многозначность значительно меньше лексической как по общему объему, так и по количеству значений отдельных единиц. Это можно объяснить сложностью структуры этих единиц, поскольку появлению у фразеологизмов переносного значения мешают образующие его словесные компоненты, также имеющие (если не в пределах фразеологизма, то по крайней мере в свободном употреблении) определенную семантику, а также обусловленность значения конкретной ситуацией и др.

Многозначность находится в зависимости от семантико-структурной организации фразеологизма. Она характерна для тех фразеологических единиц, компоненты которых в семантико-грамматическом отношении менее слитны и состоят из двух или трех компонентов. Во фразеологизмах многозначность характерна глагольным фразеологизмам. Количество таких начений колеблется от двух до четырех, но большинству выявленных фразеологических единиц присуща двузначность.

Интересно отметить, что разные значения фразеологических единиц иногда используются для дифференциации функциональных стилей языка. Так, фразеологический оборот *нөөтн хаму өргх* в терминологическом значении «быть пораженным проказой» относится к научному стилю, а в качестве

фразеологической единицы с переосмысленным значением «быть назойливым, надоедливым, докучливым» принадлежит к обиходно-разговорной сфере речи.

Н.М. Шанский отмечает, что многозначные фразеологические обороты в своих разных значениях различаются также и степенью семантической слитности [1969, с. 212]. Это можно пронаблюдать и на монгольских примерах: фразеологическая единица *чирәһән алдх* в значении «исхудать, осунуться», является не чем иным, как фразеологическим сочетанием, а в значении «скряжничать, скупиться» фразеологическим единством. Здесь фразеологизмы выступают как синонимы.

Дифференциация значений фразеологических единиц осложняется тем, что закрепившиеся за ними значения не вытекают из семантики их составных компонентов и не сигнализируются, поскольку полисемия фразеологизмов не находит должного выражения в двуязычных словарях калмыцкого языка да и других монгольских словарях, хотя их составители не отрицают этого качества, например, в «Монгольско-русском словаре» под ред. А. Лувсандэндэва у фразеологизма *нүдээ улайгах* отмечается лишь значение «быть алчным, корыстолюбивым».

Наблюдения над многозначными фразеологизмами показывают, что полисемия во фразеологической системе монгольских языков более ограничена по сравнению с этим явлением в лексике. Если некоторые слова лексической системы монгольских языков, например, калмыцкий глагол *гарх* «выходить» насчитывает до 15 значений, то сумма значений фразеологизмов не превышает трех. Меньшая возможность употребления того или иного фразеологического оборота в разных значениях объясняется сложностью их семантической и грамматической структуры. Показателем ограниченности полисемии в области фразеологии служит и то, что группы терминированных устойчивых оборотов (за исключением случаев их переносного употребления) и пословично-поговорочные выражения, как правило, не могут обладать многозначностью.

Г.Ц. Пюрбеев отмечает, что соотношения однозначных и многозначных фразеологических единиц монгольского языка, по данным различных словарей, показывают, что первые количественно значительно преобладают над вторыми [1972, с.76].

Многие монголоеды, разрабатывающие проблемы фразеологии монгольских языков, совершенно правильно, на наш взгляд, считают, что во фразеологии неправомерно выделять прямые и переносные значения, ибо

здесь все значения появляются в результате метафорического переноса и речь может идти только об основных и производных значениях, значение же аналогичного по структуре свободного словосочетания является омонимичным к фразеологическому. Основное значение служит базой для появления производного.

Параллельное развитие значений во фразеологизмах тоже нередкое явление при этом разные значения фразеологизма возникают оттого, что одно и тоже явление порождает в сознании говорящих разные, иногда даже взаимно не связанные ассоциации. Поэтому при параллельном сдвиге значений возникает не только полисемия, но и омонимия.

Между значениями полисемантичных фразеологизмов существуют весьма разные связи. К числу мало разработанных аспектов фразеологии относится вопрос о типах значений полисемичных фразеологических единиц. Здесь в плане внутризначных связей можно выделить два типа значений: основные и производные. С точки зрения семантико-структурной выраженности тоже выделяются два основных типа значений, которые совпадают с типами значений лексических единиц: 1) относительно свободное значение; 2) обусловленное значение.

Относительно свободным является значение большинства фразеологических единиц, в которых значения выражаются в структурно-семантическом и грамматическом отношении независимо от речевой ситуации. Для фразеологизмов этого типа характерна относительно свободная сочетаемость с другими словами, широта парадигматических и трансформационных свойств, синтаксических функций. К данному типу относятся и однозначные, и многозначные фразеологические единицы.

В многозначных фразеологических единицах не во всех значениях формы фразеологизма остаются одинаковой. Различия наблюдаются как в словообразовании, так и в формообразовании.

Обусловленный тип значения в свою очередь тоже подразделяется на несколько разновидностей: 1) семантико-синтаксическая обусловленность (при ней значение фразеологизма выражается в сочетании его с ограниченным кругом слов, которые не входят в состав фразеологизма, но являются важным элементом в обнаружении значения фразеологической единицы; такая обусловленность наблюдается в наречных фразеологизмах и сравнительных оборотах); 2) конструктивно обусловленный тип значения.

Таким образом, типы значений слов и фразеологизмов в основном совпадают. Вместе с тем во фразеологических словосочетаниях взаимосвязь значения с его формой несколько сложнее. Каждому значению фразеоло-

гизма соответствует определенная структура сочетаемости в семантическом и грамматическом планах.

Вопрос о многозначности фразеологических единиц важен во многих отношениях. Монгольский ученый Д. Дашдаваа отмечает, что без осмысления этого интересного явления невозможна ни лексикографическая, ни лексикологическая разработка фразеологии [1985, с.87].

КОНЕВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

Калмыцкие племена, как и все монгольские племена в течение многих тысячелетий, населяющие обширные степные пространства Центральной Азии и лесостепные пространства северо-восточной Азии, издавна вели кочевой образ жизни, занимаясь, помимо охоты и рыболовства, кочевым скотоводством. В большом количестве они разводили лошадей, которые обеспечивали им помимо пищи, также свободу перемещения на большие пространства во время перекочёвок и миграций. Лошадь давала им мясо, молоко для кумыса, шкуры, сухожилия для ниток, а также выполняли роль транспортных животных. На лошадях монголы ездили верхом, возили вьюки и запрягали лошадей в повозки. О древности существования у монгольских племен коневодства свидетельствует обширная терминология, связанная с различными половозрастными названиями, с названиями масти, средств передвижения на лошадях – верховые и вьючные сёдла. Достаточно развита терминология конской сбруи, других средств передвижения и названий предметов, касающихся содержания животных. Монголы практиковали вольный круглогодичный выпас табунов лошадей. Подобного типа коневодство было распространено и у восточных соседей монгольских племён – маньчжуров, солонов, эвенков, обитающих по соседству в северо-восточной Монголии. У них развита коневодческая терминология, материально совпадающая с монгольской.

Общемонгольским названием лошади является *морин*. Зафиксированы следующие половозрастные термины для лошади в бурятском языке: *азарга* «жеребец», *гүүн* «кобылица», *унаган* «жеребенок до года», *дааган* «жеребенок, лончак», *үрээ* «лошадь трех-четырёх лет», *шүдэлэн* (хор.) «трехлетняя кобыла», (тунк., окин.) «трехлетний жеребец», *хизаалан* «четырёхлетняя кобылица», *ноёолон* «кобылица пяти лет», (тунк.) «трехлетка» - о домашних животных, (окин.) «лошадь пяти лет», *хуушан ноёолон* (окин.) «лошадь до шести лет», *шэнэ ноёолон* (окин.) «лошадь до пяти лет».

В литературном бурятском языке и в его говорах имеются другие термины, связанные с лошадью: *адуун* «табун, косяк лошадей, лошади, кони», *адаһан* (зап.) 1) скотина, домашнее животное, скот», 2) «лошади, кони, табун», *агта* 1) «хороший конь, рысак, скакун», 2) «мерин, холощенный жеребец», *хүлэг* «аргамак, рысак», *агта хүлэг* «конь-бегунец, аргамак, рысак», *архан хүлэг* «рысак, аргамак», *аргамаг* «аргамак», *жороо* «иноходец», *байтаһан* (хор.) «яловая в течение нескольких лет кобылица или корова», (бох.) «откармливаемый на убой скот», *байтаһан* (эхир.-булаг.) «откармливаемая на убой лошадь», *гойр* «кляча», *хоотой* (эхир.) «кляча», *хойлго* 1) (уст.) «лошадь, предназначенная для отвоза умершего», 2) (перен.) «кляча».

Видовое название и названия по половозрастным признакам лошади в бурятском языке носят общемонгольский характер, в чем убеждают параллели из других монгольских языков: х.-монг. *морь* (*морин*), калм. *мөрн*, стп.-м., МА *morin* «лошадь»; х.-монг. *унага*, калм. *унһн*, стп.-м., МА *unaγan* «жеребенок до года»; х.-монг., *даага*, калм. *дааһн*, стп.-м. *dayaγan*, МА *dāγan* «двухлетний жеребенок»; х.-монг. *үрээ*, стп.-м. *ūriye* «двух-, трех-, четырехгодовалый жеребёнок, мерин», калм. *үрэ* «трехлетний жеребенок»; х.-монг. *азарга*, калм. *ажрһ*, стп.-м., МА *ajirγa* «жеребец»; х.-монг. *гүү*, калм. *гүн*, стп.-м. *gegün*, МА *ge'ün* «кобылица».

Имеет соответствия в других монгольских языках и ряд прочих терминов, относящихся к лошади: х.-монг. *агт*, стп.-м. *ayta* «конь, рысак; мерин; табун; кастрат», калм. *агт* «мерин; верховая лошадь», МА *axta* «мерин»; х.-монг. *адуу*, стп.-м. *aduγun* «табун, косяк; лошадь, кони», калм. *адун* «табун; лошадь», МА *adūn* «скот», *adasun* «скот, лошадь», *adasun* «скотина»; х.-монг. *аргамаг*, калм. *арһмг*, стп.-м. *arγumay* «аргамак»; х.-монг. *байдас*, стп.-м. *bayidasun* «молодая яловая кобылица», калм. *бэгсн* «трехлетняя яловая жирная кобыла»; х.-монг. *жороо*, калм. *жора*, стп.-м. *jiruγa* «иноходец»; х.-монг. *хөлөг*, стп.-м. *kölüg* «лошадь, экипаж высокопоставленного лица», калм. *кэлгн* «средство передвижения, транспорт».

Некоторые термины имеют параллели лишь в халхаском и старописьменном монгольском языках. Ср., например, х.-монг. *шүдлэн* «двухгодовалый (о скоте)», стп.-м. *šidüleng* «трехгодовалый жеребенок»; х.-монг. *хязаалан* «четырёхгодовалый (о скоте)», стп.-м. *kijayalang* «лошадь четырех лет», МА *kidālan* «двухлетний жеребенок»; х.-монг. *соёолон* «пятилетний (о скоте)», стп.-м. *soyuγalang* «лошадь или бык пяти лет; овца трех лет»; х.-монг. *хойлго* «обычай погребения вместе с умершим его вещей и скота», стп.-м. *qoyilya* «жертвенная лошадь, которая хоронится вместе умершим». В калмыцких словарях эти термины не встретились.

Следует отметить, что в других монгольских языках бытует в то же время ряд терминов, не имеющих аналогий в бурятском языке. Ср., например, х.-монг. *сарваа*, калм. *сарва*, стп.-м. *sarbayā* «двухлетний жеребенок», калм. *туулн мөрн*, МА *tūlan* «лошадь пяти лет», х.-монг. *ажнай*, стп.-м. *ajīnai* «наилучший конь», калм. *арнэл* «сказочный конь героя».

Отдельные из приведенных выше бурятских половозрастных названий лошади не только являются общемонгольскими, но и надежно этимологизируются из монгольских языков. Так, в основе термина *шүдэлэн* «трехлетняя лошадь» лежит слово *шүдэлхэ* «прорезаться» (о зубах) < *шүдэн* «зубы, зуб», ср. х.-монг. *шүд*, калм. *шудн*, стп.-м. *šidiin* «зуб»; в основе *хоёолон* «пятилетняя лошадь» > - слово *хоёолхо* 1) «достигать возраста, когда начинают; вырастать клыки» - о животных; 2) «прорезаться, вырастать» - о клыках < *хоёо* «клыки, клык», ср. х.-монг. *соёо*, калм. *соя*, стп.-м. *soyuūa* «клык».

Термин *дааган* «двухлетний жеребенок», как убедительно доказал Э. Ч. Бардаев [1976], происходит от общемонгольского глагола *дааха* «осиливать тяжесть», вернее от его переносного значения, явственно видного в словосочетании *бээс дааха* «быть самостоятельным, независимым».

Не имеют соответствий в монгольских языках бурятские термины *архан* (в составе *архан хүлэг*) «рысак, аргамак», *гойр* «кляча» и *hootой* (эхир.) «кляча». Хотя вполне вероятно, что бур. *гойр* «кляча» может иметь один корень с х.-монг. *гойрох* «похудеть телом от недостатка еды и питья» (о скоте).

Обращение к соответствующему лексическому материалу из других алтайских языков, тюркских и тунгусо-маньчжурских, показало следующую картину.

Для тюркских языков характерны термины: *at*, *jund*, *jilqı* «лошадь», *bi* «кобыла», *adyır*, *ajyır* «жеребец», *qulun* «жеребенок», *taj* 1) «жеребенок»; 2) «молодой конь», *kölük* 1) «вьючное животное»; 2) «повозка», *qisır* 1) «бесплодный, яловый»; 2) «нежеребившаяся кобылица», *qisraq* «молодая кобылица», *arqun* «скакун, помесь дикого жеребца с кобылой», *jorıya* «иноходец». Распространен в тюркских языках и термин *аргамак* «скакун, аргамак», который этимологизируется из тюркского глагола *аргы-* «бежать крупным карьером» [Севортян 1974, с. 171]. Широко известен в тюркских языках и термин *агта* «мерин; кастрат», который считается иранским заимствованием [Там же, с. 77-78].

Как можно видеть из приведенного сравнительного материала, в тюркских языках с лошадей связаны в основном другие термины нежели в монгольских языках. Лишь тюркские *adyır*, *ajyır*, *kölük*, *jorıya*, *аргамак* и *агта* находят параллели в монгольских *азарга*, *хүлэг*, *жороо* (< древнемонг.

jiruya), *аргамаг* и *агта*. Специфически бурятский термин *архан* «скакун», таким образом, можно считать тюркским заимствованным элементом в бурятском языке, так как он тоже, как и *аргамак*, производится от тюркского глагола *аргы-* [Там же, с. 171].

Общемонгольское слово *жороо* «иноходец» представляет собой древнее заимствование и фонетическую адаптацию тюркского *joriya id.*, который происходит от тюркского глагола *jor-, jorī-* «идти, ходить, передвигаться». Тюркского же, видимо, происхождения и термин *хүлэг*, восходящий к тюркскому *kölük*, в основе которого лежит тюркский глагол *köl-* «запрягать», чему не препятствует и семантика, потому что для всех монгольских языков, кроме бурятского, характерно значение «экипаж, транспортное средство». В бурятском же языке значение «рысак, аргамак» могло развиваться в результате контаминации двух древних тюркских слов: *kölük* «вьючная лошадь» и *külüg* «известный, славный, знаменитый» (< тюрк. *kü* «слава»), поскольку известность среди людей той эпохи получали не только богатыри и витязи, но и славные скакуны. Общемонгольский термин *аргамаг* тюркского происхождения. *Агта*, как склонен считать В. Севортян, - иранское слово, широко вошедшее в средние века не только в тюркские языки, но и в монгольские и тунгусо-маньчжурские [Там же, с. 77-78].

О тюркской этимологии тюркского термина *adyir, ajyir*, равно как и о других тюркских терминах для лошади, писал А. М. Щербак [1961, с. 82-172], поэтому подробно их здесь разбирать не будем.

В тунгусо-маньчжурских языках всеобщим является видовое название лошади *морин//мурин* [Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков 1975, с. 558-559]. Оно было известно еще древним чжурчженям, в языке которых зафиксирован термин *tu-lin* «лошадь» [Там же, с. 559]. Сюда же примыкает и корейский термин *mār* (северо-корейский термин *mor*) «лошадь», древнюю форму которого восстановил Г.И. Рамстедт [Paralipomena of Korean Etymologies 1982, p.107]. Из половозрастных терминов, относящихся к лошади, в тунгусо-маньчжурских языках известны следующие: ма. *ачжирган*, эвенк. *адирга*, эвен. *мурон көрбэ*, нан. *хусэ* «жеребец»; ма. *гэо*, эвенк. *гэг*, *гөг*, сол. *гэг*, чжур. *k'ótülîn*, эвен. *мурон нямичанни*, нан. *эктэ морин* «кобыла»; ма. *унахан*, эвенк. *унукан*, эвен. *мурон хутэн*, нан. *морикан* «жеребенок». При этом маньчжурский и эвенкийский термины для жеребца совпадают со средневековым монгольским словом *ajirya* «жеребец» и являются, вероятно, монгольскими заимствованиями, хотя само монгольское слово признается тюркским по происхождению [Щербак 1961, с.88].

Тунгусо-маньчжурские термины для кобылы близки общемонгольскому термину *гүүн* «кобыла», особенно его древней форме *gegün, gegüü*, получившей фиксацию в старописьменном монгольском языке. Есть мнение, что тунг.-маньч. *гэо, гэг* заимствованы из монгольского языка [Новикова 1972, с.112]. Монгольскими же заимствованиями считаются и ма. *унахан*, эвенк. *унукан* «жеребенок» [Новикова 1972, с.117].

Совпадает с монгольским слово *акта*, широко распространенное в тунгусо-маньчжурских языках в виде именной и глагольной основ. Ср., например, эвенк. *акта*- «кастрировать, холостить», *акта, актакй* «холощенный олень», сол. *акта* «мерин», орок. *хакта*- «кастрировать», *хакта* «кастрированный олень», нан., ма. *акта морин*, чжур. *'á-tāh tū-līn* «мерин». Основа эта, как указывалось выше, считается иранской по происхождению. Остальные термины созданы в тунгусо-маньчжурских языках за счет собственных языковых средств при помощи таких слов, как *эктэ*, *нямичанни* «самка», *хусэ*, *кербэ* «самец», *хутэн* «детеныш», а также уменьшительного аффикса *-кан*.

Таким образом, сопоставление бурятских терминов, относящихся к лошади, с другими языками показало, что все они являются общемонгольскими. Видовое название *морин* имеет полное совпадение только в тунгусо-маньчжурских языках. Основные половозрастные названия имеют параллели тоже только в тунгусо-маньчжурских языках. Это бур. *азарга* «жеребец», *гүүн* «кобыла», *унаган* «жеребенок». Причем в тунгусо-маньчжурских языках они считаются монголизмами. Из тюркских языков надежная параллель есть только к бур. *азарга*, но и она образовалась за счет освоения тюркского термина монгольскими языками.

Вторичные же бурятские термины, относящиеся к лошади и характеризующие ее по разным признакам, представляют собой в основном тюркизмы. При этом иранизм *акта* тоже, вероятно, пришел в монгольские языки через тюркские. Все это позволяет сделать вывод о том, что коневодство у монгольских и тюркских племен зародилось независимо друг от друга. Монгольское коневодство связано, по всей вероятности, своим происхождением с коневодством тунгусо-маньчжурских племен, хотя и испытало впоследствии сильное тюркское влияние.

СКОТОВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Как известно, основные современные монголоязычные народы - монголы (живущие в Монголии и Китае), ойраты (вместе с калмыками) и буряты (вместе с баргутами), - издавна обитающие на территории обширного степного пояса Евразии, традиционно считаются классическими кочевыми скотоводами, разводящими пять основных видов скота – верблюдов, лошадей, коров, овец и коз. В монгольских языках с этими животными связан целый комплекс хорошо разработанной лексики, отражающий как сами разнообразные половозрастные названия скота и его масти, так и слова, называющие формы и приемы содержания и выпаса скота, характеристику пастбищ, хозяйственное использование скота и т.п.

Еще в XVIII веке европейские ученые заметили наличие большого количества сходных терминов в области степного скотоводства между монгольскими и тюркскими языками. Выявленные ими общие тюрко-монгольские скотоводческие термины были отнесены к алтайскому праязыку. При дальнейшей работе с этими терминами алтаистам (например, Ц.Д. Номинханову [1959], А.М. Щербаку [1961], К.А. Новиковой [1972; 1979], А. Рона-Ташу [1974]) удалось установить заимствованный характер многих из этих терминов, взятых монгольскими языками из тюркских, а тунгусо-маньчжурскими языками из монгольских. Г. Клосон, исследовавший тюрко-монгольскую языковую проблему [1962], тоже считает, что монгольские языки испытали сильное тюркское влияние.

Опираясь на тезис А. Рона-Таша [1974, с. 37] о том, что монгольские языки многие животноводческие термины заимствовали из протобулгарского языка, мы попытались провести комплексное сравнительное исследование тюркских и монгольских терминов внутри целого пласта скотоводческой лексики на материале конкретных языков – из монгольских языков взят калмыцкий. При этом основным критерием тюркского происхождения рассматриваемого термина для нас послужило его наличие в пратюркском и древнетюркском языке и распространение по современным тюркским языкам и невозможность этимологизации из монгольских языков. Кроме того, специалистами по этимологии тюркских языков убедительно доказано, что все эти рассматриваемые здесь видовые и половозрастные названия пяти видов скота, бытующие также и у монгольских народов, традиционно разводятся тюрками и представлены как в древнетюркском языке, так и в современных, унаследованы языками-потомками от общетюркского праязыка [Сравнительная грамматика тюркских языков ... 2001, с. 425] вместе с са-

ним степным кочевым скотоводством, пришедшим из глубины тысячелетий. Пратюркская форма была нами взята из данного источника [СГТЯ]. Источником древнетюркских форм послужил «Древнетюркский словарь» [1969]. Сравнительный материал по калмыцкому языку выбран из «Калмыцко-русского словаря» [1977], данные по старописьменному монгольскому языку почерпнуты из «Монгольско-английского словаря» Ф. Лессинга [1960], по другим современным монгольским языкам – из имеющихся опубликованных словарей.

В результате осуществленного сравнения были получены следующие результаты.

Удалось установить, что в области верблюдоводства вся основная терминология калмыцкого и других современных монгольских языков, как и старописьменного, имеет тюркское происхождение. Так, общее название верблюда в калмыцком языке *темэн*, ср. х.-монг. *тэмээ*, бур. *тэмээн*, староп.-монг. *temegen* и имеет прототипом др.-тюрк. *tebe* «верблюд» (< пратюрк. **teywe* id.). Др.-тюрк. *buɣra* «верблюд-производитель» (< пратюрк. **buɣra*/**buɣur* id.) в том же значении представлено в монгольских языках в виде калм. *буур* [буурь], староп.-монг. *buɣur-a*, х.-монг. *буур*, бур. **буура* id.; др.-тюрк. *inǵan* «верблюдица» (< пратюрк. **ingǵan* id.) – калм. *иңен*, староп.-монг. *ingen*, х.-монг. *ингэ*, бур. *энгин* id.; др.-тюрк. *botuq* «годовалый верблюжонок» (< пратюрк. **botu* id.) – калм. *ботхн*, староп.-монг. *botuɣun*, х.-монг. *ботго*, бур. *ботогон* id.; др.-тюрк. *taj* «жеребёнок; молодой конь» (< пратюрк. **taj* id.) – калм. *таэлг*, староп.-монг. *tayilay* «самец верблюда до кастрации (от 3-х до 4-х или 5-ти лет)», х.-монг. *тайлаг*, бур. *тайлаг* id.; др.-тюрк. *atan* «холощенный (рабочий) верблюд» – калм. *атн*, староп.-монг. *atan*, х.-монг. *ат*, бур. *атан* id.

Тюркскими же по происхождению являются и некоторые названия частей тела верблюда, ср. например, др.-тюрк. *joɣdu* «длинная шерсть под шеей у верблюда» – калм. *зогдор*, староп.-монг. *žoydur* «грива; длинная шерсть на шее (у верблюда или льва)», х.-монг. *зогдор*, бур. *зогдор* id.; др.-тюрк. *taban* «ступня, подошва» – калм. *тавг*, староп.-монг. *tabaxai* «ступня, лапа (например, верблюда)», х.-монг. *тавхай*, бур. *табгай* «ступня, стопа верблюда»; др.-тюрк. *bük* = «сгибаться», *bükri* «кривой, изогнутый, горбатый» – калм. *бөкн*, староп.-монг. *bökü* «горб верблюда», х.-монг. *бөх*, бур. *бүхэн* id.

Если обратится к терминам, относящимся к верблюжьей сбруе, седланию, перевозке вьюков и т.п., то увидим, что калм. *бурнтг* «повод (у верблюда)», староп.-монг. *burantay*, х.-монг., бур. *бурантаг* восходят к др.-тюрк. *burun-*

duq id., образованного от др.-тюрк. *burun* «нос»; калм. *хом* «верблюжье вьючное седло (состоящее из куска войлока и двух жердей)», староп.-монг. *qom*, х.-монг., бур. *хом* id. являются адаптацией др.-тюрк. *qom* id. (< пратюрк. **qom* id.); калм. *теңнэ* «вьюк, поклажа», староп.-монг. *tengnegen* «поклажа, разделенная на две части, сбалансированная на спине животного», х.-монг., бур. *тээнэ* «вьюк, поклажа», образованные от староп.-монг. *tengne*=, х.-монг. *тээнэ*=, бур. *тээнэ*=, калм. *теңн*= «нагружать вьюк, вьючить, уравнивающая половинки груза», восходят к др.-тюрк. *tenlä*= «сравнивать, приравнивать; отмерять, взвешивать; примериваться, приравниваться, уравнишивать», образованному от др.-тюрк. *ten* «одинаковый, равный, соответствующий; количество, мера»; калм. *тергн*, староп.-монг. *tergen*, х.-монг. *тэрэг*, бур. *тэргэн* «телега» происходят от др.-тюрк. *tergän* id. Тюркским же по происхождению следует считать и сам возглас «Сөг! Сөг!» (староп.-монг. *sökü*), при помощи которого монголы заставляют верблюда опуститься на колени, восходящий к древнетюркскому глаголу *sök*= «преклонять колени, опускаться на колени», ср. калм. *сөгд*=, бур. *hүгэдэ*= х.-монг. *сөгдө*= «класть земной поклон; вставать на колени». Можно предположить, что древнетюркское *qatyaq* «перекати-поле» – название одного из самых распространенных кормовых растений верблюдов – лежит в основе калм. *хамхул* «перекати-поле», ср. староп.-монг. *qatqayul*, х.-монг., бур. *хамхуул* id.

Калмыцкие термины по крупному рогатому скоту показывает следующую картину: др.-тюрк. термин *öküz* «бык, вол» (< пратюрк. *(h)ökez, ср. тат. *үгез*, чув. *вӓкӓр* id.) – в монгольских языках представлен в виде калм. *үкр* «корова», ср. староп.-монг. *üker*, х.-монг., бур. *үхэр* «крупный рогатый скот; бык; корова»; др.-тюрк. *buqa* (< пратюрк. **buqa* id.) – калм. *бух* (бухъ) «бык-производитель», ср. староп.-монг. *buqa*, х.-монг. *бух*, бур. *буха* «бык-производитель»; (< др.-тюрк. *inäk~injäk* «корова» < пратюрк. **in(i)gäk* id.) – калм. *үнэн* «корова», ср. староп.-монг. *ünien* «дойная корова» (< др.-монг. **ünigen* < ***inük-en* id.), х.-монг. *үнээ*, бур. *үнеэн* id. Калм. *туһл* «телен (до одного года)», ср. староп.-монг. *tuyl*, х.-монг., бур. *тугал* id., не удастся этимологизировать, опираясь на монгольские языки, но оно хорошо расшифровывается, исходя из тюркских языков: в нем явственно прослеживается тюркский глагольный корень *tuγ*= «рождаться», имеющий вариант *toγ*= (< пратюрк. **toγ*= «рождать», «рождаться»; ср. др.-тюрк. *toγ*= «рождаться; возникать, появляться; восходить – о светилах», при этом *-ul* является ни чем иным, как ламбдаирующим вариантом тюркского отглагольного имяобразующего аффикса *-ış*. Именно эту тюркскую словообразующую модель можно проследить в слове *тогуш* у барабинских тюрков, означающем

«детеныш козули» [РСл III, 1165]. Др.-тюрк. *buzayu* «теленек» (< пратюрк. **buzayu*/**buzayu*, ср. тат. *бызау*, чув. *бырау* id.) – калм. *бүрү* «бычок (в возрасте от года до двух)», ср. староп.-монг. *birayu* (< др.-монг. **birayu*), х.-монг. *бяруу*, бур. *буруун* id.

Калм. *делң* «вымя», ср. староп.-монг. *deleng*, х.-монг., бур. *дэлэн(г)* id., восходит к пратюрк. **jelin* «вымя» [см. также ЭСТЯ 1989, с. 180-181]; староп.-монг. *širke* «красная вошь», х.-монг. *ширх*, бур. *шэрхэ* «вошь скота» восходят к общетюркскому слову *сирке* «гнида» [ЭСТЯ 2003, с. 268-270].

Общетюркское слово *say*= «доить» [ЭСТЯ 2003, с. 137-140], как и тур.-месх. *sağ*= и др.-тюрк. *say*= «доить», прослеживается в калм. *саа*= «доить», ср. староп.-монг. *saya*=, х.-монг. *саа*=, бур. *һаа*= id.; др.-тюрк. *sayım* «удой, надой молока» – калм. *саам* «удой, надой», ср. староп.-монг. *sayam*, х.-монг. *саам* «кобылье молоко; удой, надой», бур. *һаам* «удой, надой»; тюркские *быш*=//*биш*= [Севортян 1978, с. 309-310], башк. *беше*= «пахтать, сбивать кумыс, масло», кирг. *быш*= «доводить до готовности; взбивать, взбалтывать, сбивать, пахтать», др.-тюрк. *bış*= «доводить до готовности» (*er qimiz bişdi* «мужчина [встряхиванием] довел кумыс до готовности») представлены в ламбдаирующей форме в монгольских языках: калм. *бүл*=, староп.-монг. *büli*=, х.-монг., бур. *бүлэ*= «пахтать, взбивать кумыс, масло».

Многие названия молочных продуктов, широко распространённые среди монгольских народов, в том числе и калмыков, хорошо этимологизируются на материале тюркских языков. Так, например, калм. (бузав.) *аарц*, староп.-монг. *ayarça*, х.-монг., бур. *аарса* «род творога; творожистая масса, остающаяся после перегонки молочной водки»; староп.-монг. *ayaruul*, х.-монг. *ааруул*, бур. (диал.) *аарюул* «сушеные изделия из аарсы» по всей вероятности являются производными от общетюркского глагола *акар*= ~ *агар*= «белеть» [Севортян 1974, с. 117] < общетюрк. *ак* «белый»; калм. *ээрг* «род кислого молока», староп.-монг. *ayiray*, х.-монг., *айраг* «кумыс», бур. *айраг* id. по всей вероятности являются адаптацией тюркского *айран* < общетюрк. *айыр*= «отделяться» [Севортян 1974, с. 111]; ойр. *башилаг* ~ *башилиг* «сыр домашнего приготовления», ср. староп.-монг. *basilaq*~ *bišlaq* «род сыра», х.-монг. *бяслаг*, *бяшлаг*, бур. (диал.) *биһалаг* // *бяһалаг* id., имеют тюркское происхождение, ср. алт., тув., тоф. *быштак* «род домашнего сыра» (< *быш*= «зреть, спеть; вариться»), хак. *пызлах* «род прессованного творога» (< *пыс*= «зреть, поспевать»), кирг. *быштак* «творог из кипяченого молока» (< *быш*= «созревать, доходить до готовности»), уйг. *пишлак* «творог» (< *пиш*= «поспевать, спеть, зреть»), ср. также саг. *пыслак* «сыр из творога» [РСл IV, 1320], шор. *пышлак*

«сыр из творога» [РСл IV, 1323]. Об общетюркском характере глагольной основы *быш* = «поспевать; вариться» см. [Севортян 1978, с. 161-162]. Калм. *хурсн* «сушёный творог (в виде круглых лепешек)», ойр.Синьцз. *хурсан* «сушеные лепешки из бозо (бозо – *гуца*, остающаяся после перегонки молочной водки)» [Тодаева 2001], бур. *хурһан* «самodelьные пряники (изготовленные из квашеного молока и ягод черемухи)» содержат тюркский глагол *куру* = «сохнуть», от которого образованы и староп.-монг. *qurud*, х.-монг. *хурууд* «сушенный, прессованный творог», бур. *хурууд* «спрессованный творог; самodelьный сырок», восходящие к др.-тюрк. *qurut* «курут, высушенный творог» (< пратюрк. **qurut* «сушёный творог, сыр» < др.-тюрк. *quru* = «сохнуть»). Др.-тюрк. *tar* «пахта», якут. *тар* «замерзшая простокваша (приготовленная из снятого кипячёного молока)», прослеживаются в калм. *таге* «род простокваши (из снятого молока)», ср. староп.-монг. *taray*, х.-монг., бур. *тагаг* id. Калм. *мосн* «сливочное масло», ср. староп.-монг. *tosun*, х.-монг. *мос*, бур. *тоһон* id., не имеет этимологии на материале монгольских языков, в то время как его корневой компонент **to* =, остающийся после вычленения именного суффикса *-sun*, находит возможное соответствие в древней тюркской глагольно-именной синкретической основе **to* = с семантикой «насыщаться», которая прослеживается в древнетюркских словоформах *to* «жидкая мучная похлебка», *toq* «сытый» (< **to* = «насыщаться»), *toj* «пир, пиршество», *tod* =, *tod* =, *toz* =, *toj* = «насыщаться». Калм. *кимр* «смесь молока с водой», ср. староп.-монг. *kiram*, х.-монг. *хярам*, бур. (диал.) *хямар сай* «очень слабый чай, забеленный молоком», восходит к др.-тюрк. *qimiz* «кумыс» (< пратюрк. **qumyz* id.), являясь его ротацирующим вариантом. Калм. *уург* «молозиво» являются ротацирующей формой др.-тюрк. *oyuz* «первое молоко, молозиво», об общетюркском характере которого см. [Севортян 1974, с. 405-407], ср. староп.-монг. *uyray*, х.-монг., бур. *уураг* id.

Общемонгольские термины по мелкому рогатому скоту показывают, что калм. *хөөн*, ойр.Монг. *хөй* ~ *хоин* ~ *хөөн* [Цолоо 1988], ойр.Синьцз. *хөөн* ~ *хоин* «овца» и являются адаптацией др.-тюрк. *qojin* ~ *qojun* ~ *qoj* ~ *qon* id. (< пратюрк. **qoni* id.), ср. староп.-монг. *qonin*, х.-монг. *хонь*, бур. *хонин* id. Калм. *хуц* [хуцъ] «баран-производитель», ср. староп.-монг. *qiça*, х.-монг. *хуц*, бур. *хуса* «баран-производитель», восходит к тюркскому корню *qoç* «баран», зафиксированному в древнетюркском языке наряду со словоформами *qoçnar* «баран-производитель», *qoçiñar*, *qoçqar* «баран» (< пратюрк. **qoçnar* // **qoç* «баран-производитель»). Калм. *хурһн* «ягненок до года», ср. староп.-монг. *qurayan*, х.-монг. *хурга*, бур. *хурьган* id., восходит к ротацирующей форме

др.-тюрк. *qozı~ quzi* «ягненок» (< пратюрк. **qozy* id.), широко распространённому в современных тюркских языках. Калм. *кенз* «родившийся осенью, поздно (о молодняке скота); отава, вторая трава», ср. староп.-монг. *ken že*, х.-монг. *хэнз*, бур. *хэнзэ* id., восходит к др.-тюрк. *kenč* «детёныш животных; ребенок» (< пратюрк. **kenč~ken že* «младший из детей»; подробнее о тюркском характере этого слова см. [ЭСТЯ 1997, с. 44; Севортян 1980, с. 20-21]). Калм. *яман* «домашняя коза», ср. староп.-монг. *imaγan*, х.-монг. *ямаа*, бур. *ямаан* id., восходит к др.-тюрк. *ımya* «коза», ср. др.-тюрк. *jımya* «самка дикого горного козла» (< пратюрк. **jımya* id.). Калм. *тек* [*тэке*] «козел; самец дикого горного козла», ср. староп.-монг. *teke*, х.-монг. *тэх*, бур. *тэхэ* id., восходит к др.-тюрк. *tekä* «козел» (< пратюрк. **täkä* «козёл; дикий козёл»). Калм. *ишк*, ойр.Синьцз. *ишге ~ ишиген* «козленок до года», ср. староп.-монг. *išigen*, х.-монг. *ишиг*, бур. *эшэгэн* id., восходит к др.-тюрк. *ečki ~ ečkii* «коза» (< пратюрк. **äžikā > äčki* id.). Калм. *төл* «приплод; молодняк», ср. староп.-монг. *töl*, х.-монг., бур. *түл* «приплод; молодняк», восходит к др.-тюрк. *töl* «детёныш; момент родов», которое имеет генетическую связь своим элементом **tö=* с древнетюркским глаголом *törü=* «происходить, возникать, рождаться, появляться» – ср. калм. *төр=*, староп.-монг. *törü=*, х.-монг., бур. *түрэ=* id.

Тюркскими по происхождению оказываются, по нашему мнению, и монгольские названия некоторых самых распространенных у монгольских народов мясных кушаний, изготавливаемых как из мяса, так и из внутренностей домашних животных. К таким кушаньям, прежде всего, следует отнести отваренную толстую кишку скота, по-калмыцки *киим* [*кииме*], либо изготовленную из неё домашнюю колбасу, которая в старомонгольском языке называется *kim-a*, при этом у Лессинга *kim-a* – сырое мясо оленя или рыбы, у О. Ковалевского *kim-a* – мясо или рыба, нарезанные пластинками, ср. бур. (диал.) *хиима* || *ишима* «вареная колбаса из рубленого мяса», отмечается в эхирит-булагатском говоре как слово, отсутствующее в литературном бурятском языке [Матхеев 1968, с.32], у К.М. Черемисова [1973] слово *хиимэ* приводится как синоним к слову *эреэлжэ* «самодельная колбаса из крови, печени и жира», к сожалению, без указания на говор. Калм. *кииме* «толстая кишка у коровы», х.-монг. *хям* «колбаса» имеют прототипом тюрк. *qijta* «нарезанный на мелкие кусочки», ср. др.-тюрк. *qijta* в сочетании *qijta ügre* «тесто, нарезанное мелкими кусочками», уйг. *кийма* «фарш (измельченное мясо)», узб. *кийма*, тур. *кыйма* «рубленое мясо, фарш», аз. *гиймэ* «фарш

(молотое мясо)», кирг. *кыйма* «срезанный наискось»; кирг. (южн.) «мясо, мелко порезанное на фарш», ног. *кыйма* «домашняя колбаса», кум. *кыйма* «кусочек», алт. *кыйма* «кушанье из кишок, начиненных потрохами», хак. *хыйма* «прямая кишка у лошади; кушанье из кишок, начиненных мелко рубленным мясом и жиром», якут. (по Пекарскому) *кыйма* «икра; кишки». Тюркологи считают это слово производным от общетюркского глагола *кый* = «резать на мелкие кусочки, крошить, рубить» [ЭСТЯ 2000, с. 200; РСЛ II, с. 702-703].

Из внутренностей забитых животных в пищу употребляют обычно вареные желудок и его части – сычуг, книжку, сетку, названия которых пришли в монгольские языки из древнетюркского языка. Так, например, др.-тюрк. *kerǵük* «сетка желудка овцы» (< *ker*=~*ger*= «распирать, растягивать, натягивать» см. [Севортян 1980, с. 23-24]) прослеживается в староп.-монг. *kerkinēg*, х.-монг. *хэрхнэг*, бур. *хэрхинсэг* «сетка (один из отделов желудка жвачных животных)»; др.-тюрк. *sarqanīq* ~ *sarqajīq* «требуха» (< общетюрк. *sarqanaq*~*sarqıyanaq* «книжка – часть желудка жвачных; сычуг; требуха», см. [ЭСТЯ 2003, с. 205-206]) сохраняется в калм. *сэңгерцэ*, ойр.Синьцз. *сэңгерцег* ~ *саңгирцаг* «сычуг, часть желудка жвачных», ср. староп.-монг. *sarkinaγ*, х.-монг. *сархинаг*, бур. *һархинсаг* id. «кишки, внутренности»

Обычно принято считать, что термины коневодства, свиноводства и собаководства, представленные в монгольских языках, не имеют тюркских соответствий. Действительно, лошадь имеет общее монгольское название *morin*, соответствующее тунгусо-маньчжурским *морин* ~ *мурин*, в тюркских языках это *at*, ср. калм. *мөрн* id.; свинья имеет общемонгольское название *yaqai*, тунг.-маньч. *олгиан* ~ *улгян*, тюрк. *tonjuz*, *layzın*, ср. калм. *һаха* id.; собака имеет общемонгольское название *noqai*, тунг.-маньч. *ина* ~ *ңина*, тюрк. *it* ~ *ıt*, ср. калм. *ноха* id. Другие половозрастные названия этих животных тоже своеобразны в монгольских языках и не совпадают с тюркскими, ср. например, калм. *гүн*, староп.-монг. *gegün*, х.-монг. *гүү*, бур. *гүүн* «кобыла» – тюрк. *бей* ~ *бийе* id. [Севортян 1978, с. 106]; калм. *унһн*, ср. староп.-монг. *unayān*, х.-монг. *уанага*, бур. *унаган* «жеребенок до года» – тюрк.: общетюрк. *qulun* id. [Щербак 1961, с.91]; камл. *дааһн*, ср. староп.-монг. *dayayan*, х.-монг. *даага*, бур. *дааган* «двухлетний жеребенок» – общетюрк. *tai* id. [Щербак 1961, с.91] id.; калм. *мегжэ*, ср. староп.-монг. *megežin*, х.-монг. *мэгжэ*, бур. *мэгэжэ* «свиноматка», др.-тюрк. *tiši tonjuz* id.; калм. *бодң*, ср. староп.-монг. *bodung*, х.-монг., бур. *бодон(г)* «вепрь», тюрк. *er tonjuz* id.; ойр.Синьцз. *тораа* «поросенок», ср. староп.-монг. *torai*, х.-монг., бур. *торой* id., тюрк.

toŋuz oγlu id.; калм. *өлгчн*, ср. староп.-монг. *ölegčün*, х.-монг. *өлөгч*, бур. *үлэгшэн* «самка собаки», тюрк. *tīši it id.*; калм. *эр ноха*, ср. староп.-монг. *gendü*, х.-монг. *гэндүү*, *эр нохой*, бур. *эрэ нохой* «самец собаки», тюрк. *er it id.*; калм. *кичг*, ср. староп.-монг. *gölüge*, х.-монг. *гөлөг* «щенок», др.-тюрк. *enük id.*

Хотя коневодческая терминология в монгольских языках, в основном, специфична, все же и здесь встречаются несколько терминов явно тюркского происхождения, ср., например, в языке западных бурят имеется слово *адаһан*, означающее не только «скотина, домашнее животное; скот», но и «лошади, кони, табун» [Черемисов 1973, с. 31а], в составе которого прослеживается общетюркское слово *at* «лошадь, конь» [Севортян 1974, с. 197-198], восходящее к пратюрк. **at id.*; калм. *ажрһ*, ср. староп.-монг. *ažirya* (< **adiryа* < ***adiryа*), х.-монг. *азрага*, бур. *азарга* «жеребец» является вероятной адаптацией др.-тюрк. *adyir* (~ *ajyir*, *adyir id.*), образованного, по мнению Э.В. Севортяна [1974, с. 108], от тюркского глагола **ай=*, **ад=*, **ад=*, **аз=* «возбуждаться (похотью)», «покрывать (о животных)» (ср пратюрк. **aDyyr* «жеребец»); калм. *омрун* «грудь лошади», ср. староп.-монг. *оториш*, х.-монг. *омруу*, бур. *оморюун id.*, является адаптацией ротацирующей формы тюрк. *омуз* «плечо; спина, холка коня; грудь коня» [Севортян 1974, с.454-455]; калм. *килһсн* «конский волос», ср. староп.-монг. *kilyasun* (< др.-монг. **qilyasun*), х.-монг. *хялгас*, бур. *хилгааһан id.*, является адаптацией общетюрк. *qıl* «волос» (ЭСТЯ 2000, с. 204-205; < пратюрк. **kylk* «волос; конский волос»); калм. *дел* «грива лошади», ср. староп.-монг. *del*, х.-монг. *дэл*, бур. *дэлһэн id.*, имеет прототипом тюрк. *жел* «грива лошади», восходящее к пратюрк. **je:l(e) id.* (об общетюркском характере слова см. [ЭСТЯ 1989, с. 178]); калм. *далң* «подгривный жир лошади», ср. староп.-монг. *dalang*, х.-монг., бур. *далан(г) id.*, имеет прототипом тюрк. *жал id.*, восходящее к пратюрк. **ja:l* «загривок, подгривный жир лошади» (об общетюркском характере слова см. [ЭСТЯ 1989, с. 85-87]).

Тюркское происхождение имеют также некоторые части конской сбруи, например, калм. *хударһ* «подфeya, подхвостная шлея седла», ср. староп.-монг. *qudary-a*, х.-монг. *худрага*, бур. *хударга id.*, – восходят к древнетюркскому слову *qudirγun* «подхвостник», этимологически связанному с др.-тюрк. *qudruq~quduruq~ quδruq* «хвост» *id.* (< пратюрк. **kiδruk id.*; ср. пратюрк. **qudirγun*, **qudirγan* «подхвостник»); ойр.Синьцз. *көмелдерге ~ көмөлдүрге* «нагрудная шлея конского седла», ср. староп.-монг. *kömlüdüрге*, х.-монг.

хөмөлдөрөг, бур. хүмэлдэргээ *id.*, восходит к др.-тюрк. *kötmüldürük* «нагрудный ремень лошади» (< пратюрк. **köñüldürük id.* < др.-тюрк. *köñül* «сердце»), ср. также, бытующие в тюркских языках *гөмүлдүрүк ~ көмүлдүрүк*, образованные по мнению Севортяна от общетюркского *көңүл ~ гөңүл* «грудь» при помощи тюрк. суффикса *-турук* [Севортян 1980, с. 72]; калм. *олң*, ойр.Синьцз. *олоң* «подпруга конского седла», ср. староп.-монг. *olung*, х.-монг. *олон(г)*, бур. *олом id.*, восходит к тюрк. *олоң ~ улаң id.* (<ула= «связывать», см. [Севортян 1974, с.447]).

Если обратимся к монгольским терминам, относящимся к особенностям выпаса скота, характеру пастбищ, включая водные источники, кормовые травы, особенности ландшафта и т.п., и сравним их с соответствующими тюркскими, то увидим, что монгольские языки, в том числе и калмыцкий язык, во многом сохраняют эти тюркские термины. Так, например, калм. *отр* «отгонный (о пастбище)», ср. староп.-монг. *otur*, х.-монг. *отор* «впас скота на отгонных пастбищах; свежая трава весною; пастбище», бур. *отор* «летник, заимка; летняя ферма; дальнее пастбище», калм. *отрч* «пастух (на отгонных пастбищах)», ср. староп.-монг. *oturla=*, х.-монг. *оторло=* «выгонять скот на отгонные пастбища, пасти скот, выгонять на подножный корм», бур. *оторло=* «перекочевывать со скотом на летние пастбища, на альпийские луга», восходят к тюрк. *отар* «пастбище», образованному по мнению Э.В. Севортяна [1974, с. 488] от древнего тюркского глагола *ота=* «пасться (на отгонном пастбище)» < общетюрк. *ot* «трава» (< пратюрк. **ot id.*), *отла=* «пасться», *отлах* «выпас», *отар=* «пасти». Ойр.Синьцз. *өлең ~ өлөң*, ойр.Монг. *өлөң* «осока», ср. староп.-монг. *ölüng ebesün*, х.-монг. *өлөн өвс*, бур. *үлэн үбһэн*, восходят к пратюрк. **öleñ*, значения которого Э.В. Севортян [1974, с.528] определяет как, «трава; свежая трава; мягкая трава; ковыль, потничная трава, пырей; малопитательная трава; осока; вид травы, растущей в местах, где нет проточной воды; сочное растение; сено; лужайка; зеленый; пастбище; насаждения; топь; мокрый, влажный; степь; пустыня», ср. др.-тюрк. *ölāñ* «лужайка» (< др.-тюрк. *öl* «мокрый, влажный»). Калм. *килһ өвсн* «острец», ср. староп.-монг. *qılāyan-a*, х.-монг. *хялгана* «ковыль», бур. *хилгана* «мятлик; ковыль сибирский», сохраняет пратюрк. **qylāyan* «ковыль», в основе которого лежит тюрк. *qyl* «конский волос, щетина» [ЭСТЯ 2000, с. 204-205, 208-209]; староп.-монг. *qaryana*, х.-монг. *харгана*, бур. *харгана~харганаан* «караганник, степная акация» восходят к тюрк. *қараған id.* [ЭСТЯ 1997, с. 293-294]. Калм. *балчирһн* «борщевик», ср. староп.-монг. *baldaryana~balčirγana*, х.-монг. *балдаргана~балчиргана*, бур. *балишаргана id.*, восходит к пратюрк. **baltyrγan id.*, в основе которого прослеживается

пратюрк. **baltyr* «икра ноги; голень», что более чем вероятно, поскольку стебель растения борщевика похож на голень животного. К названиям кормовых пастбищных трав, имеющих тюркское происхождение, следует отнести также староп.-монг. *kiyaγ*, х.-монг. *хиаг*, бур. *хяаг* «пырей», ср. слово *қыйақ* «осока, пырей, трава с режущими острами листьями», образованное от тюркского глагола *кый* = «резать наискось» и широко представленного в тюркских языках [ЭСТЯ 2000, с. 201-202].

К словам, характеризующим местность, на которой расположены пастбища, следует отнести староп.-монг. *taγ*, х.-монг. *таг* «горное плато» (< общетюрк. *taγ* ~ *day* «гора» < пратюрк. **ta:γ* id.); калм. *худг* «колодец», ср. староп.-монг. *qudduγ*, х.-монг., бур. *худаг*, сохраняющее древнетюркскую форму *quduq* ~ *quduγ* id., образованную, по всей вероятности, от др.-тюрк. *qud* = «лить» [ЭСТЯ 2000, с. 1190120]; калм. *булг*, ойр.Синьцз. *булаг* «родник; источник; ключ», ср. староп.-монг. *bulay*, х.-монг., бур. *булаг* id., восходящее к др.-тюрк. *bulaq* id.; данное слово является общетюркским, его значение Э.В. Севортян дает как «родник; фонтан; ручей; канал, арык; водоем; замерзшая наледь возле родника; первая трава, выросшая у воды; зеленая местность с источником; горная долина; ушная болезнь, при которой из уха течет кровь; поток из уха; золотуха» и обосновывает его тюркскую этимологию [Севортян 1978, с.257-258]; калм., ойр. *хол* «река», ср. староп.-монг. *yoil* «река; русло реки; долина; большое озеро», х.-монг., бур. *гол* «река; долина реки», связаны своим происхождением с тюркским *qol* ~ *qool* (< пратюрк. **qo:l* ~ **go:l* «река») со значениями «долина; желоб для стока воды; речонка, очень маленькая речка» [ЭСТЯ 2000, с. 43], ср. др.-тюрк. *qol* «долина»; калм. *жалһ* «балка, ложбина», ойр.Монг. *жилһ* «овраг; балка», ср. староп.-монг. *žilya*, х.-монг., бур. *жалга* «овраг, лощина, ложбина, впадина, ров, балка, узкий лог», восходящее к тюркскому слову *yīlγa* «река; ущелье, долина» [ЭСТЯ 1989, с. 277], образованному от тюркского глагола *yīl* = «извиваться», лежащего в основе тюркских слов *yīlan* «змея», *yīlyun* ~ *yīlyīn* «тамариск», *yīldiz* «корни растений», *юлгун* «какое-то вьющееся растение»; калм. *хаша* «забор, ограда, двор», ср. староп.-монг. *qašīyan* (< **qasiyan* < ***qasīyan*) «изгородь, ограда; дамба, плотина», х.-монг. *хашаа* «забор, изгородь, ограда, частокол», бур. *хашаа* «ограда, забор, изгородь; загон (для скота); столб, стойка (в ограде)», восходит к др.-тюрк. *qasī* «загон для скота, связанный из прутьев».

Кроме того, к тюркским по происхождению относится и староп.-монг. *alčay* и х.-монг. *алцаг*, означающее «шалаш, хижина, лачуга, балаган», а также слово *алаçик* «палатка, шатёр, шалаш», зафиксированное в «Сокро-

венном сказании монголов» 1240 года (§ 118: ... *aduičin bidan-o alačuk-a yurtuyai!* «...для табунщиков наших шалаш готов!»), т.е. жилище пастухов и табунщиков, ср. др.-тюрк. *alaču* «шатёр» (< тюрк. **alaču* «временное жилище»), широко представленное в современных тюркских языках в виде *алачық, алажық, алачу* со значениями «шалаш, шатёр; лачуга, домишко, хижина», о чём подробнее см. у Э.В. Севортяна [1974, с. 130-132]. Также заимствованием из тюркских языков следует считать староп.-монг. *оңуу*, х.-монг. *оцог* - своеобразный таган, состоящий из трёх камней, устанавливаемых в костре, на которые ставится котёл для приготовления пищи. Слово представляет собой адаптацию др.-тюрк. *оңиқ* «очаг, печь» (< др.-тюрк. *otčiq~ otči, očaқ* id. < общетюрк. *ot* «огонь; костёр», см. подробнее [Севортян 1974, с. 422-425]).

Как можно видеть из приведенного здесь материала, скотоводческая лексика калмыцкого языка, как и других монгольских языков, достаточно хорошо сохраняет древние тюркские соответствующие термины, составляющие единый тематический комплекс. Появление тюркизмов этого комплекса в калмыцком и прочих монгольских языках можно объяснить тем, что часть протобулгарских племен (с самоназванием *огур*), поскольку данные тюркизмы характеризуются признаком ламбдаизма и ротацизма, кочевавших в глубокой древности в степях Центральной Азии и занимавшихся молочным скотоводством, будучи завоеваны древними монголами и включенными в их этнический состав, образовали среди них особую этническую группу, получившую смешанное название **огур монгол* (ср. современное х.-монг. *оор монгол* «настоящий монгол») и перешли, постепенно, на монгольский язык, по сути дела язык адстрата. При этом омонголенные огуры сохранили очень много элементов своего протобулгарского языка-субстрата, в том числе и свою скотоводческую терминологию, и внесли их в усвоенный ими древний прамонгольский язык, который вследствие этого получил смешанный характер, а впоследствии распался на ареалы – ойратский, бурятский и монгольский, продолжающие и после распада удерживать остатки тюркского языка-субстрата, что мы и наблюдаем в калмыцком языке.

НАЗВАНИЯ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ

Калмыки, как и другие монгольские народы, будучи первоначальными жителями лесостепи, занимаясь охотой и рыболовством, постепенно освоили обширные степные пространства Центральной Азии и превратились по

своему образу жизни в кочевых степняков-скотоводов [Владимирцов 1934], чья жизнь целиком стала зависеть от благополучия разводимого ими скота. По традиции кочевые монголы выращивали пять видов скота (лошадей, коров, овец, коз и верблюдов). В горных местностях северо-западной части Монголии имели еще домашних яков (по-монгольски *сарлаг*). Домашние животные получили у монгольских народов разнообразное хозяйственное использование. Лошади и верблюды представляли собой незаменимых в степи транспортных животных. Только благодаря им монгольские народы смогли освоить столь обширные территории и осуществлять свои сезонные перекочевки. Крупный рогатый и мелкий скот доставлял людям пищу круглый год в виде мяса. Кроме того, скот давал шкуры, кожи и шерсть, заготавливался также конский и ячий волос. Однако, помимо всего, домашний скот обеспечивал кочевников молоком, ценнейшим пищевым продуктом, который они научились перерабатывать различными способами и изготавливать из него десятки блюд. Мясо и молоко, получаемые от домашних животных, составляли основу питания монгольских народов. Причем как мясо, так и молоко использовались от всех видов скота.

Хотя животноводческая лексика монгольских народов уже изучалась в разных аспектах [Поппе 1936; Номинханов 1959; Дугаров 1963; Бардаев 1975; Рассадин 1984], но термины, связанные с хозяйственным использованием домашнего скота, в том числе и названия молочных продуктов, в монгольских языках еще не были предметом, специального анализа. В данной статье хотелось бы подробнее рассмотреть комплекс терминов, выработанных монгольскими языками по отношению к молочным продуктам. Анализ проведен на материале современных монгольского, калмыцкого и бурятского языков. Для сравнения привлечены данные из старописьменного монгольского языка.

Исходным сырьем для всего многообразия молочных продуктов служит цельное молоко, которое во всех монгольских языках называется в общем-то сходно: монг. *суу*, калм. *үсн*, бур. *hүн* (в бурятских говорах есть *сүү*, *сүүн*, *үһэн*), стп.м. *sün*. Однако монгольские народы не во всем одинаково перерабатывают молоко и не совсем одинаковые продукты получают в результате этой переработки. В этой связи целесообразно рассмотреть порознь системы терминов молочной продукции, бытующие в разных монгольских языках: халха-монгольском, калмыцком, бурятском, а также старописьменном монгольском [Очерки истории культуры МНР 1971, с. 177; Бадамхатан 1965].

Согласно утверждению ученых-этнографов, молочные продукты составляет наряду с мясом основное питание всех монгольских племен, населяю-

щих Монголию. В зависимости от способов переработки и особенностей технологии эти продукты у монголов бывают твердыми и жидкими, кислыми и сладкими, жирными и обезжиренными, прохладительными и возбуждающими. При приготовлении продуктов из молока монголы применяют различные технологии: сквашивание, молочно-кислое, молочно-кислое и спиртовое брожения, перегонку [Очерки истории культуры МНР 1971, с. 171-177].

Рассмотрим подробнее, какими способами и какие продукты получали монголы из молока [Очерки истории культуры МНР... С. 177-181; Бадамхатан С. Указ. соч. С. 150-153; Цоодол 1975; Тангад 1982; Жуковская 1979].

Прежде всего следует отметить, что монголы обычно не употребляют сырое молоко. В больших количествах оно идет на забеливание чая, который в данном случае называется *сүүтэй чай* [Монгольско-русский словарь 1975; Этнолингвистический атлас МНР 1979; Амаржаргал 1988; Цолоо 1988], в противоположность обычному чаю (*хар чай*). Остальное молоко либо замораживали - в зимнее время, либо перерабатывали - в летнее или осеннее время. Все молочные продукты в монгольском языке носят обобщенное название *цагаан идээ* (букв.: белая пища).

В летнее и осеннее время, когда доится весь скот и наступает изобилие молока, монголы приступают к его переработке. Кобылье молоко идет на приготовление кумыса, который называется *айраг* (*гүүний айраг*) или *цэгээ*, иногда *өсөг*, *эсэг*. О технологии его приготовлений написано много. Из терминов, используемых при выработке кумыса, отметим выражения *айраг эсгэх* - сквашивать кумыс, *эсгэх хөрөнгө* - закваска, глагол *эсэх* - закисать, заквашиваться.

Молоко же коров, яков, овец и коз зачастую смешивалось и перерабатывалось двумя основными способами: либо его сразу же долго кипятили, а потом вместе с котлом убирали в прохладное место для охлаждения и отстаивания в целях получения пенки *өрөм*, которую снимали целиком в виде своеобразной лепешки и складывали в особую посуду, после того, как этих пенок накапливалось достаточное количество, их перетапливали и получали *шар тос* - топленое масло, которое заготавливали впрок и хранили в овечьих желудках; либо молоко отстаивали в прохладном месте некипяченым, в результате чего на поверхности скисшего молока образовывался толстый слой сырых сливок *цөцгий*, которые собирали в особый сосуд и затем или использовали в пищу, или сбивали из них масло, называвшееся *цагаан тос*. Скисшие загустевшие сливки носили название *зөөхий*, что соответствует русской сметане.

После снятия пенок *өрөм* молоко подогревали и добавляли в него специальную закваску (*таргийн хөрөнгө*), затем тщательно перемешивали, плотно закрывали крышкой и хорошо укрывали сосуд войлоком или шубами. Через пару часов сквашивание завершалось, и получался продукт, известный под названием *тараг*, который похож на русский варенец, кефир и известный ныне всему миру болгарский йогурт. На русский язык слово *тараг* переводят обычно как род простокваши, хотя это и не совсем точно.

Сквашенное же молоко (*ээдэм, ээдмэг, ээдсэн сүү*) обычно наливали в котел и кипятили так, чтобы часть сыворотки (*шар ус* – букв. желтая вода) выпарилась. Затем молоко охлаждали и выливали в бязевый мешок (*бөс шүүмэл*) для процеживания. Образовавшуюся творожистую массу, разрезанную на пласты, сушили. В результате получался продукт, называвшийся *хурууд* - сушеный творог.

Из цельного неснятого молока монголы получают другой, весьма популярный у них продукт *бяслаг* (на юго-востоке Монголии это *бушилаг*, севере - *бясалага*, западе - *башилаг, бишилаг*, у дархатов - *бислэг*), который обычно переводят по-русски «сыр домашнего приготовления». Изготавливают его следующим образом: в кипящее молоко вливали в качестве закваски либо *тараг*, либо сыворотку и выливали затем свернувшееся молоко в полотняный мешок для процеживания. После того, как стечет вся сыворотка, мешок с творожистым сгустком закручивали и помещали между двумя дощечками, на которые сверху клался груз. Через сутки-двое сыр был готов. Этот процесс называется *бяслаг шахах* (букв. выжать сыр). Этот сыр либо потребляли сразу, либо сушили, разрезав на пласты, либо хранили целиком, если был он сделан осенью, когда погода позволяла его хранить.

В местах, где держат и доят много овец и коз, из их молока, без примеси коровьего, изготавливают простоквашу, которую называют *цөрөм*. Поздней осенью этот *цөрөм* обычно частично выпаривают путем долгого кипячения, потом замораживают в бараньих желудках для хранения на зиму. Там же, где держали много верблюдов, использовали заквашенное верблюжье молоко. Этот напиток называется *дуурмаг*.

Из молока коров, овец, коз, верблюдов изготавливают, кроме того, напиток, который тоже называется *айраг*, как и напиток из сброженного кобыльего молока. *Айраг* из кобыльего молока используется для непосредственного употребления, а из прочего молока - для перегонки (*тогоо нэрэх*), в результате чего получается молочная водка *архи* которую называют по-разному: *саалийн архи, малын архи, айргийн архи, монгол архи, нэрмэл архи, шимийн архи*. Для получения *айрака*, предназначенного для перегонки, используется

особая закваска (*эх хөрөнгө*), при помощи которой заквашивается некоторое количество цельного сырого молока, которое помещается в особый сосуд, называемый по-разному; *ваар бутан*, *модон торх*, *хөнөг*, в западной части Монголии – *архад*. После того, как через 2-3 дня помещенная в этот сосуд часть молока заквасится, туда сливают другую часть молока, составляющую обычно весь утренний и вечерний удой. Затем всю массу молока хорошо перемешивают с бывшей в сосуде закваской особой мутовкой *бүлүүр* (от глагола *бүлэх* - пахтать). Через 1-2 дня все молоко скисало.

В процессе его пахтания выбивалось пенное масло, которое называют обычно *цагаан тос*, *айргийн тос*. Готовый перебродивший *айраг* выливали в котел, нагревали и при помощи специальных приспособлений перегоняли. После перегонки в котле оставалась густая творожистая жидкость, которую называют либо *цагаа*, либо *боз*, *бозмог*. На стенках котла оставалась творожистая накипь *ээрмэг* (называемая также *ээрэм*, *ээр*), которую собирали и употребляли в пищу, примешав сливки *цөцгий*. Молочную барду *цагаа* обычно выливали в бязевый мешок (*шүүмэл*) для процеживания, в результате которого получали творожистую массу *аарц* и сыворотку *шар ус*. Эта творожистая, масса служит основой для изготовления других блюд равно, как и сыворотка. Прежде всего, если было лето, *аарц* сушили на солнце. Из этой массы делали кусочки всевозможной формы, раскладывали в особых лотках и выставляли для просушки на крышу юрты. Высохший продукт носил название *ааруул* (у дархатов он - называется *айрюул*, баргутов - *айруул*, в Ордосе - *цөрөм* или *өрмөг*) . В разных местах Монголии его во множестве заготавливают на зиму. Истолченный и размоченный в чае он называется *ээдмэг* и составляет основную молочную пищу в зимнее время.

Кроме того, монголы изготавливают из молока и ряд других кушаний. Так, в цельное молоко, или молоко, оставшееся после снятия пенки, после длительного кипячения (5-6 часов) добавляли *аарц*, *ааруул*, *хурууд* или *тараг* что есть). После того, как молоко сворачивалось, продолжали слабое кипячение на медленном огне, пока не выпарится сыворотка. Полученную массу рассыпали на лотках тонким слоем и сушили. Полученный продукт называется *ээзгий*. Влив сырое или кипяченое охлажденное молоко в *айраг*, *тараг* или *цагаа* и хорошенько все размешав, получали напиток, который называется *хоормог* (на юго-западе Монголии - *холимог*, северо-западе - *хойрмог*). Путем вливания холодного молока а кипящий *тараг* получают кушанье, которое носит название *шалхмаг*. Разбавив молоко холодной водой, получают напиток *цийдэм*, а забелив молоком кипятком или слабо заваренный чай, получают *хярам*, который дают пить обычно маленьким детям и больным людям, если им запрещен чай.

Употребляют в пищу монголы и остаток после вытопки масла. Он называется *цөв* и употребляется либо в чистом виде, либо вареным с мукой. Использовали в пищу, кроме того, и молозиво

Молоко и изготовленные из него продукты составляли и у калмыков основу питания [Эрдниев 1970] наряду с мясом. Большую роль в питании калмыцкого населения играл так называемый калмыцкий чай (*хальмг цэ*), который варили с молоком, заправляли солью и сливочным маслом. Иногда калмыцкий чай заправляли поджаренной на масле или сале мукой. Такой чай называли *хуурсн цэ* (букв. чай с обжаркой). У монголов ему соответствует *хийцэтэй цай* (букв. чай с заправкой). В готовый чай калмыки клали также крошеный мускатный орех (*затъ*), иногда черный перец с лавровым листом. На калмыцкий чай, который очень употребителен и ныне, шло очень много молока. Оставшееся молоко использовалось для переработки.

Технология переработки молока у калмыков в основном та же, что и у монголов, наблюдается лишь некоторая разница в терминах [Калмыцко-русский словарь 1977; Русско-калмыцкий словарь 1964; Ramstedt 1935].

Прежде всего молоко служило сырьем для получения сливочного масла (*үснэ тосн*), главным образом летом, когда было много молока. Для этого молоко отстаивали в прохладном месте в особых деревянных корытцах или металлических сосудах, в результате чего на поверхности молока появлялись сливки (*үснэ өрм*), которые собирали в особый сосуд. По мере накопления сливок их сбивали до появления масла. Процесс сбивания, или пахтания (называемый *өрм цокх*, *тос бүлх*), происходил либо в большой миске или котле при помощи ложки, либо в особой деревянной кадушке *архд* при помощи специальной мутовки *бүлүр*. Сбившееся масло промывали холодной водой и хранили в овечьих желудках или кишках. Чтобы масло лучше хранилось, его перетапливали, в результате получалось топленое масло *шар тосн* (букв. желтое масло). Вытопки от масла (*шар тосна*, *шаг*, *шар тосна цөб*) использовали в пищу. Употребляли в пищу и пахту, остающуюся после выбойки масла. На пахте замешивали тесто для лепешек, а также пили в виде самостоятельного напитка.

Простокваша (*ээдрсн үсн*) после снятия сливок обычно сливалась в кадушку *архд*, где находился *чигэн*, особый напиток типа кумыса из кислого молока, заквашенного особой закваской (*экн*, *чигэнэ*, *ээргин көрңг*). Для него есть и другое название - *ээрг* (ср. монг. *айраг*). *Чигэн*, или *ээрг*, калмыки изготавливали как из коровьего, так и кобыльего молока. Технология их приготовления однотипна. В качестве закваски после зимнего перерыва служил

обычно старый *чиган* от прошлого года, тщательно сохранявшийся в течение зимы. Если не было своего, то брали у соседей.

Возобновляли *чиган* из свежего удоя, а затем к нему регулярно добавляли либо свежее кобылье молоко, если делали кобылий кумыс (*гүүнэ чиган*, *гүүнэ аарг*), либо простоквашу, из коровьего молока, если делали коровий *чиган* (*үкрэ чиган*, *үкра аарг*). При этом содержимое кадушки, или бурдюка, постоянно пахтали мутовкой *бүлүр*. Через несколько дней, когда *чиган* полностью перебродит, его перегоняли (*экр нерх*) в котле при помощи особого приспособления. В результате перегонки получали молочную водку *арк*. Но самым важным продуктом, получаемым в результате этой перегонки, была творожистая гуща, остающаяся в котле. Ее калмыки называют *боз*. На стенках котла остается после перегонки творожистая накипь *аармг*, которую заправляли свежим молоком к ели.

Наиболее разнообразное использование получала молочная гуща *боз*. Очень часто ее смешивали со свежим молоком, в результате чего получалась творожистая масса, называемая *ээдмг*. Ее часто называют национальной пищей калмыков. У монголов ей соответствует *хоормог*. Иногда в налитое в чашку *боз* выдавали парное молоко. Получившееся кушанье называется *керцг*. На основе *боз* приготавливали *шарвадг*, представляющий собой кушанье из смеси *боз* и свежего молока, которую варили (ср. сходное кушанье *шалхмаг* у монголов).

Кроме того, гущу *боз* процеживали и получали сыворотку *шар усн*, а также творожистую массу, называемую *аадм*, *аадмг* (у *торгутов* носит название *аарцг*, *аарц*, ср. монгольский термин *аарц* с тем же значением). В летнее время *аадмг*, а также *чиган* разводили холодной водой и получали напиток *чиидмг*, хорошо утоляющий жажду в летнюю жару. Процеженную творожистую массу *аадмг*, кроме того, сушили впрок. Ее сушили мелкими кусочками, что достигалось пропусканием этой массы через пальцы при сжимании ее в кулаке. Выдавленные ленты сушили на особых лотках. Полученный продукт носит название *шуурмг*. Если *аадмг* сушили в виде плоских квадратов или лепешек, то их называли уже *хурсн*. Эти продукты соответствуют монгольским *арулу* и *хуруту*.

Из овечьего молока приготавливали мягкий сыр *ээзгэ*, соответствующий брынзе других народов. Хотя калмыки знают слово *тарг* - простокваша, но делают этот тип кушанья редко. Редок он и в Западной Монголии у других ойратов. В то же время здесь обычен пресный сыр, который называют *башиг*, *бишилиг*, *башилаг* (ср. монг. *бяслаг*). Изготавливают его по той же технологии, что и монголы. Калмыки не делают этого кушанья.

Как и другие монгольские народы, калмыки снимают и сушат пенку *өрм* с кипяченого молока, употребляют в пищу молозиво *уург*, используют *кимр* (ср. монг. *хярам*) - забеленную молоком кипяченую воду вместо чая.

У различных групп бурят тоже бытовало весьма развитое молочное хозяйство. Буряты владели разными способами переработки молока [Очерки истории культуры Бурятии 1972, с. 147-148; Хангалов 1958; Тугутов 1958; 1975; Вяткина 1969; Хунданов 1975; Зориктуев 1982; Цыдынжапов Г.. Бадueva 1979; Уртюбаев 1961; Жигмитов 1961]. В их говорах представлены многообразные термины для называния всевозможных молочных продуктов.

Какое отражение эти термины получают в литературном бурятском языке?

Любое молоко носит название *һүн*. Из кобыльего молока (*гүүнэй һүн*) обычно производится путем сбраживания особой закваской кумыс, который называется *сэгээ*. Первое после отела коров молоко, называемое *уураг*, употребляется в пищу. Его смешивают с мукой и запекают на сковороде.

Бурятские названия молочных продуктов в общем-то сходны на всей территории этнографической Бурятии. Но в то же время есть и некоторые различия. Достаточно точно об этих различиях высказался в свое время Ц.Б. Цыдендамбаев: «Сочетание *сагаан эдээн* (молочная пища) общеизвестно, тогда как *хүрэнгэ* (кислое квашеное молоко) бытует только в западнобурятских говорах, а *аэраг* в восточнобурятских» [Цыдендамбаев 1968]. Поскольку литературный бурятский язык базируется на восточных говорах хоринского типа, то и термины по молочным продуктам сходны в общем-то с восточнобурятскими, хотя многие из этих ел в представлены и в западных говорах.

У бурят всех групп, как и у монголов и калмыков, много молока идет на забелку чая *һүтэй сай* - чай с молоком, окин., тунк., закам. *сүүтэй сай*). Оставшееся молоко обычно кипятят, чтобы получить пенку *үрмэн* (*хүшөөһэн*), а из оставшегося кипяченого молока делают затем варенец - *тараг*. Его приготовление очень точно описал И.Е. Тугутов: "Его (*тараг*.- В.Р.) приготавливали так. Свежее молоко немного подогревали с небольшим количеством закваски из старого *тарака*. Затем сливали в сосуд плотно укутывали шубой или войлоком. Через несколько часов *тараг* был готов [1958]. Как видно из описания, *тараг* можно было делать и из цельного молока.

В другом случае цельное молоко после доения разливали по особым низким сосудам, крынкам, которые назывались либо *оёорсог*, либо *тэбхээнсэг*. После отстоя в них молоко на поверхности скапливался слой сливок *сүсэги*. Из сливок сбивали (*шилгэхэ*) масло, которое называется *сагаан тоһон*. Пахта

носит название *шилгэдэһэн*. Кадочку, в которой пахтали сливки, называли *бүлүүр*, мутовку - *аша*.

Скисшее молоко, простоквашу, называвшуюся *ээдмэг*, после того как с нее снимут сливки, собирали в кадочке *бүлүүр*, или *хаба*, где ее заквашивали специальной закваской *хүрэнгэ* и путем пахания (*бүлэхэ*) получали напиток типа кумыса, называвшийся *айраг*. Этот *айрак*, когда он закиснет (*эһэхэ*), перегоняли в котле при помощи специального приспособления. В результате получали молочную водку архи (*айрагай архи*). После перегонки в котле на его стенках оставалась накипь *ээрмэг*, которую употребляли в пищу. Молочную гущу, оставшуюся в котле после перегонки, называют *сагаа*, или *бозо*. Эту барду сливали в особую бочку *торхо*, в которой было дно с отверстиями. Через них стекала сыворотка *хайб*, или *шара шүүһэн*.

Используя другой способ, барду *сагаан (бозо)* процеживали в особом мешке *шүүмэг*. В мешке или бочке накапливалась густая творожистая масса, которая носила название *аарсаа*. Эту *арсу* либо сушили, а результате чего получали продукт, называемый *айрһан* (другое его название *айруул*, кстати, оно представлено и у баргутов), либо употребляли вареной с мукой или зерном. Это кушанье тоже называется *аарса*.

С использованием сырой *арсы* готовили еще несколько продуктов. При внесении в холодное молоко *арсы* получалось после размешивания кушанье, называвшееся *хоймог*. При другом способе *арсу* заливали горячим молоком и нагревали, в результате получалась творожистая масса *шалхамаг* (в некоторых местах - *шалхаамаг*). После ее процеживания и отделения сыворотки (*шүүһэн*, *хайб*) получали творожистую массу *хоймогой шалхамаг*.

При кипячении молока добавляли в него либо айрак, либо *арсу* и получали творожистый сгусток, который процеживали в особом мешочке, а затем сушили все под грузом между дощечками. Полученный продукт затем либо сушили, либо употребляли в свежем виде. Этот вид продукта называли *хурууд* (в некоторых местах - *хурһан*). Иногда хурут заправляли сушеной молотой черемухой и сахаром.

Масло получали разными способами. Во-первых, его сбивали из сливок. Во-вторых, его получали путем перетапливания собранных пенек *үрмэн*. В этом случае получалось топленое масло, называвшееся либо *шара тоһон*, либо *үрмэһэнэй тоһон*. Топленое масла получали также путем перетапливания масла, полученного из сливок. Это топленое масло тоже носит название *шара тоһон*. При его перетопке получали осадок *сүбэ*, который шел а пищу сваренным с сараной или мукой.

В жаркое время года буряты использовали в качестве питья *сиидэм* - забеленную молоком воду.

Загустевшие при хранении и немного скисшие сливки назывались *зөөхэй* - сметана. Из сметаны варили с мукой саламат, который назывался *шанаһан зөөхэй* (иногда – *шанаһан талхан*).

Из молока буряты делали еще один продукт, представляющий собой род творога. Называется он *ээзгэй*. И.Е. Тугутов так описывает его приготовление: «Способ приготовления ээзгэй почти такой же, как и хуруута. Только здесь творожистая масса не выжимается между досок, просто сушится крупными кусочками. Его едят с маслом вместо хлеба» [1958]. В бурятско-русском словаре К.М. Черемисова слово *ээзгэй* неверно переведено как «сливки из сырого молока». Хоринцы знают *ээзгэй* как «вареный творог».

Кроме того, молочные пенки сушили и употребляли как самостоятельное блюдо, называвшееся *үрмэн, хүшөөһэн, хатааһан үрмэн, хүшөөһэн үрмэн*.

Из местных вариантов названий молочных продуктов, бытующих в разных местах этнографической Бурятии, отметим: по материалам И.Е. Тугутова [1958], южные буряты (селенгинцы) вместо лит.-бур., хор. *хоймог* употребляют термин *хоормог*. При этом технология приготовления кушания остается той же. Саламат они называют русским словом саламаад. Хурут готовят не нескольких видов: *тэбхэр хурууд* - сырок, приготовленный путем выжимания и формовки в марле, *хоормог хурууд* - самодельный сырок, сформованный в маленькой поварежке из ивовых прутьев. Кроме того, здесь знают и делают кушанье *набша* (вариант названия: *сэсэг айруул*) - своеобразное печенье из выпаренного айрака.

Сырки из сушеной арсы южные буряты именуют *айруул*. Узкая длинная кадушка для айрака называется либо *хаба*, либо - *бүлүүр*, мутовка - *аша*. Остальные термины те же, что и у хоринцев, и в литературном бурятском языке. Масло выбитое в этой кадushке из простокваши в процессе приготовления айрака, южными бурятами называется *айрагай тоһон* и употребляется в пищу наряду с другими видами масла.

У агинских бурят, судя по материалам И.Е. Тугутова [1958], бытуют обычные для хоринцев термины. Так, кадушка для аймака (курунги) называется *хаба*: *ээзэгэй* у них тип творога, смесь молока и арсы называют *хоймог*, вместо *айруул* они говорят *айраһан, аарһан*, что означает у них «высушенный творог». Хурут они называют *хураһан*. Затвердевшие пенки на кипяченом молоке у них называются *хүшөөдэһэн*.

Ононские хамниганы, живущие по соседству с агинскими бурятами, имеют в общем те же термины, хотя есть и своеобразия. Судя по материалам Д.Г. Дамдинова [1968], хамниганы молоко называет *сүү, сүкэн*, сливки -

дзөөк³иш, сметану - цүүцүг³иш, творог ээдзэг³иш, пахту – худкадасу, иилгэдэсэ, сыворотку - сирасу (<сира + усу), шира шүүсэ. Вместо хоймог говорят хоормог, как южные буряты и монголы. Хурут называют кхурууд и делают его с черемухой. Употребляют они в пищу особое блюдо холицо, холицоо (ср. хор. холисо), представляющее смесь творога, сметаны, черемухи и сараны. Хамниганы тоже изготавливают варенец тараг, получают с кипяченого молока пенки үрмэ, из сметаны, сливок сбивают масло цагаан тосу, а после перегонки молочной водки получают творожистую массу аарца.

Другие южные буряты, сартулы, живущие по соседству с селенгинскими бурятами, приготавливают из молока, в основном, те же продукты, но называют их терминами, стоящими близко к монгольским. Ср. сопоставительный материал:

Сарт.	Монг.	Хор.	Значение
сүү	сүү	hүн	Молоко
уураг	уураг	уураг	Молозиво
үрүм	өрөм	үрмэн	пенка
цүүцүг	цөцгий	сүсэги	сливки
тосо	тос	тоһон	масло
шарус	шар ус	шүүһэн	сыворотка
тараг	тараг	тараг	кефир
хүрүнгө	хөрөнгө	хүрэнгэ	закваска
айраг	айраг	айраг	кумыс из коровьего молока
цэгээ	цэгээ	сэгээ	кумыс из кобыльего молока
хирам	хярам	-	кипяток с молоком
аарца	аарц	аарса	арса
циидэм	цийдэм	сиидэм	вода с молоком
айруул	ааруул	айрһан	сушеные сырки из арсы
хурууд	хурууд	хурууд	спрессованный творог
бяслаг	бяслаг	-	домашний сыр
цагаа	цагаа	сагаа	молочная барда
хоормог	хоормог	хоймог	створоженное молоко

Баргузинские буряты тоже изготавливают из молока разнообразные продукты. При этом они используют в принципе те же технологии, что и все монгольские народы, в том числе буряты. Но в терминах наблюдается неко-

торое своеобразие. Наряду с общебурятским *hүн* – молоко, *ээдэмэг* – простокваша, *тараг* – кефир, *тоһон* – масло, *аарса* – арса, *үрмэ* – пенки с кипяченого молока, *дараһан* – тарасун, *эхэ хүрэнгэ* – закваска, *сүбэ* – вытопки от сливочного масла, *уураг* – молозиво, *бозо* – молочная барда, остающаяся после перегонки молочной водки, баргузинские буряты употребляют своеобразные термины: *зөөхэй* означает у них «саламат», сметану же называют словосочетанием *эһэнэн зөөхэй*, а сливки – *шэнгэн зөөхэй*. Саламат иногда называют и *шанаһан зөөхэй*. Закваску для курунги (*хүрэнгэ*, вместо вост.-бур. *айраг*) - *гүрэлгэ*. Словом *ээдмэг* называют простоквашу, словосочетание *hүнэй ээдмэг* означает «обрат, сепарированное молоко», *зөөхэйн ээдмэг* - пахта, остающаяся после выбойки масла из сметаны.

Баргузинцы не употребляют слова *хоймог*, но знают глагол *хоймолхо* - приготовить кушанье из смеси молока и арсы. Они не говорят *ээрмэг* - творожистая накипь на стенках котла, образующаяся при перегонке молочной водки из айрака. Вместо этого термина они употребляют *зөөмэр*, как и эхириты. Пенку с кипяченого молока осеннего удоя они называют словом *хүшэмэн*. Кадушку для пахтания курунги баргузинцы называют *торхо*, *хүрэнгын торхо*, мутовку - *һэрбээ*. Деревянная низкая кадушечка для отстаивания молока на сметану носит у них название *тэбхээр* (ср. хор *оёорсог*, *тэбхээнсэг*, зап.-бур. *төөрсэг*).

Окинские буряты и сойоты, разводившие лошадей, коров и сарлыков, производили из их молока различные продукты. Молоко носило у них название *сүү*. Очень много свежего цельного молока расходовалось на зеленый чай с молоком, который назывался *сүүтэй сай*. Очень часто его приготавливали с заболткой из поджаренной на сале муки. В этом случае такой чай назывался *зутараан сай*. В настоящее время молоко сепарируют (*машиндаха*). Обрат назывался *машиндаһан сүү*, сливки - *сүсэгэй*, *сөсөгэй*. Так же называется и сметана. Термином *зөөхэй* называют саламат. Молоко для получения пенки (*үрмэн*, *үрмэн*) кипятят в котлах (тогоон), затем охлаждают в прохладном месте. Собранные пенки сушат, получая *хатааһан үрмэн*. Из пенки вытапливают масло, которое называется *шара тоһон*, или *үрмэнэй тоһон*.

Из сливок сбивают масло, которое называется сагаан тоһон. Это масло либо употребляется в свежем виде, либо перетапливают и получают шара тоһон – топленое масло. Остаток от перетопки масла, называется *сүбэ*, *сөбэ* и употребляется в пищу. Словом айраг окинцы называют кумыс из кобыльего молока. А из коровьего молока, после того как с простокваши сняты сливки, готовили курунгу, которая носит название *хүрэнгэ*, *хөрөнгө*. Ее за-

квашивали в специальных сосудах - высоких узких кадушках. Эти сосуды назывались по разному: *хүрэнгын торхо*, *бэлмэр*, *бүльмэр*, *бүмбэр*, *бэмбэр*. Мутовку, которой пахтали курунгу, называли *сохюур* (от *сохихо* - бить). Пахтанье называли словами *бүлэхэ*, *бэлэхэ*, *бөлэхэ*. В этот сосуд с закваской постоянно добавляли новую простоквашу. По мере наполнения кадушки курунгу хорошо пахтали, выбивая масло, которое носило название *бэлэһэн тоһон* - пенное масло. Без масла курунга хорошо сбраживалась (*хөрөнгө эһээ*). Тогда ее перегоняли в котлах в особом приспособлении. Полученную молочную водку называли *архи*, *арси* (*хүрэнгын арси*). Этот процесс назывался *тогоо нэрэхэ*, *хөрөнгөө нэрэхэ*. Ее перегоняли повторно и получали водку двойного перегона *арза*, тройного *хорза*.

Творожистую гущу, образовавшуюся в котле после перегонки, называют *бозо*, которую сливают в особую бочку *торхо*, где процеживается *бозо*, и остается густая творожистая масса *аарса*. Эта арса используется в чистом виде. Ее варят с мукой или зерном и получают кушанье, тоже называемое *аарса*. В другом случае, если хотят сохранить арсу, то ее сушат и получают продукт, называемый *аарюул*. Добавляя арсу в холодное молоко, получают *хоймог*. После кипячения хоймока творожистый сгусток процеживают, отделяя сыворотку *һайб*, а сгусток сушат, получая продукт, носящий название *хурюуд*, *хорюуд*. Термином *ээдмэг* окинцы называют творог, получаемый от добавления арсы или ее сыворотки в кипящее молоко. Этот *ээдмэг*, сформованный в марле или бязевом мешочке и немного подсушенный в этом мешочке между дощечками под грузом, называется *биһалаг*, *бяһалаг* - домашний пресный сыр (см. монг. *бяслаг*, сарт. *бислаг*).

Окинцы-оленоводы доят домашних северных оленей, молоко которых называют *сагаани сүү*. Из этого молока тоже сбивают масло, называемое *сагаани тоһон*. Из оленьего молока делали сыр *биһалаг*.

Знают и употребляют окинцы также *сиидэм* - вода, забеленная молоком и *хямар-сай* - чай, заваренный очень слабо и забеленный молоком (ср. сарт. *хирам*, монг. *хярам*).

Тункинские буряты изготавливают из молока и употребляет в общем те же продукты, что и другие группы бурят, используя те же термины. Из тункинских своеобразий отметим следующие. Молоко здесь называется *сүү*. Молоко 3-й дойки – *гутаар сүү*. Жбан для курунги называется *бэлмэр*, *бэмбэр*, *бэлэмбэр*, мутовка – *сосюур*. Курунга называется *хөрөнгө*. Знают тункинцы *ээрмэг* – творожистую накипь на стенках котла, образующуюся при перегонке молочной водки. Молочная водка называется *тогоони арси*. Чай с молоком – *сүүтэй сай*. Чай, заправленный поджаренной мукой, - *зутаран сай*.

Говор закаменских бурят является типичным представителем переходных говоров, вобравшим в себя как элементы западного бурятского диалекта, так и восточного. Поэтому закаменские буряты зачастую употребляют несколько вариантов терминов. Нами зафиксированы следующие названия молочных продуктов, известных у закаменцев. Молоко называется *сүүн*, *үсүн*. Кобылье молоко *адууни сүү*, *гүүни сүүн*. Из него делают кумыс, называемый *айраг*. Широко употребляется чай с молоком - *сүүтэй сай*. Слово *зутараан* означает «чайная болтушка с ячменной мукой». После пахтания сливок (*сүсэгый*) остается пахта, которая называется *сүсэгийн хүрүнгэ*. Курунга носит название как *хүрүнгэ*, так *бозо*, отсюда мутовку, которой пахтают курунгу, называют *хүрэнгийн хэрбээ*, *бозын хэрбээ*, *сохюур*. Кадушку, в которой квасят курунгу, называют *бэлмэр*.

Сыворотка носит название *хайб*. Аарюхул у закаменцев означает «свежий творог», *хурууд* - сухой творог. В то же время слово *бозо*, как и *сагаа*, означает «молочная гуща, остающаяся после перегонки молочной водки». У закаменцев бытуют оба слова. Представлены у них и общепурятские термины: *үрмэ* - пенка с кипяченого молока, *тараг* - кефир, варенец, *тоһон* - масло, *тогоо нэрэхэ* - гнать тарасун, *аарса* - напиток из бозо, *зөөхэй* - саламат. Они различают по названию цельное молоко и обрат: *үдхэн сүүн* - сдельное молоко, *шингэн сүүн*, *машииндаһан сүүн* - обрат.

В говорах западного бурятского диалекта распространена довольно развитая сеть терминов по молочным продуктам. При этом большая часть этих терминов носит общепурятский характер и иногда отличается только фонетической стороной. В то же время некоторые продукты имеют другие названия. Кумыс из коровьего молока в западном диалекте называется *хүрэнгэ*, в восточном - *айраг*. На западе почти не делают *тараг*, не знают слов *шалхам*, *хоймог*, *ээрмэг*, *сэгээ*. Творог называют русским словом *отвороог*.

Эти факты ярко проявляются в эхиритском говоре. Молоко в нем носит название *һүн*, *молкоо*, *молокоо*. Сливки, сметана называются *зөөхэй*. *Төөрсөг* - крынка, кадушка дня отстаивания молока на сметану. *Төөрсэг табьха* - ставить молоко прокисать, *төөрсөг хамаха*, - снимать сметану. Прокисшее молоко - *ээдэмхээ* (ср. хор. *ээдмэг*). *Шүүһэн* - сыворотка. Кадушка для курунги называется *бүлүүр*, мутовка - *худхуурга*. После того как курунга прокиснет (*эһэхэ*), ее перегоняют. Это называется *тогоо шабха*, *тогоо нэрэхэ*. Полученная молочная водка, или тарасун, как ее часто называют, носит название *хүрэнгын арси*. Молочная барда, гуща от перегонки, курунги, - *бозо*. Ее процеживают и получают продукт *аарса*, которую обычно на зиму морозят, а летом потребляют в свежем виде, не сушат. Вареная с мукой или кру-

пой *арса* носит то же название. С кипяченого молока снимают пенки *урьмэн*. Масло называется *тоһон*, топленое масло - *шара тоһон*. После вытопки масла остается *сүбэ*, которое тоже потребляют в пищу.

Примерно такие же термины молочной продукции наблюдаются и в говоре унгинских бурят, если судить по материалам М.Н. Хангалова [1968]: *һүн* - молоко, *зөөхэй*, *сагаан зөөхэй* - сметана, *шанаһан зөөхэй* - саламат, *гүрэлгэ* - закваска (ср. баргуз. *гүрэлгэ*), *эхэ хүрүнгэ* - закваска, *ээдэһэн һүн* - простокваша, *хүрүнгэ* - молочно-кислый напиток курунга, *һайб* - сыворотка, *шүүмэг* - мешок для процеживания арсы, *аарса* - арса, *бозо* - молочная барда, остаток в котле от перегонки, *хоймог* - смесь арсы и молока, *шалханаг* - комок творога (ср. хор., лит.-бур., монг. *шалхамаг*), *зутараан сай* - чай с заправкой из жареной муки, *ээрэмхэй* - творожистая накипь в котле (ср. *ээрмэг*), *сөбө* - пена на перетапливаемом масле, что и в других бурятских говорах. Как и у эхиритов, у унгинцев есть слова *төөрсөг* - деревянная посуда для отстаивания молока, *бүлүүр* - высокая узкая кадушка для сбивания курунга, *сагаан эдээн* - общее название молочной пищи.

Завершая рассмотрение терминов по молочной продукции в монгольских языках, приводим перечень терминов, представленных в старописьменном монгольском языке, ибо наличие в нем слов, имеющих полную аналогию современным терминам, свидетельствует о их древности в монгольских языках. Итак, в старописьменном монгольском языке зафиксированы следующие термины: *боозо* - осадок, гуща после перегонки молочной водки, *ауагса* - процеженная молочная гуща, *арса*, *ауагуш* - высушенная арса, *körüngge* - закваска, *šigümel* - мешочек для сцеживания арсы, *šalqamaу* - творожистый сгусток, *qоуигтау* - питье из смеси арсы с молоком, *qurud* - высушенный крупными кусками творог из арсы, *taraу* - кефир, *šügümeг*, *šügürtmeг* - род творога из кислого молока, *egeгem*, *egeгmeг* - творожистая накипь на стенках котла, остающаяся при перегонке молочной водки, *ögüm-e* - пенка с кипяченого молока, *kiram-a* - кипченая вода, разбавленная молоком, *bisilaу* - сыр домашнего приготовления, *egejegei*, *ejegei* - творог, самодельный сыр, *čöb* - осадок при перетопке масла.

Приведенный перечень слов ярко свидетельствует, что термины молочного хозяйства давно сложились в монгольских языках, еще, видимо, к общемонгольской эпохе, когда организовалось молочное хозяйство монгольских племен.

Дальнейшая разработка этого пласта лексики, особенно в плане ее этимологизации, позволит пролить свет на внешнее влияние, особенно тюркских языков, при котором складывалась монгольская терминология, ибо ряд монгольских терминов имеет аналогии в тюркских языках: Ср.: тюрк. *süt* -

молоко, ајгап – кислое молоко, қигут – сушеные сырки, билшақ – сыр домашнего приготовления, ігімек – творожистая накипь на стенках котла от кипячения кислого молока, ағақі – водка.

НАЗВАНИЯ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, современный калмыцкий литературный язык привлекает внимание ученых, но более всего исследователей самой Калмыкии. При этом наиболее изученными оказываются фонетика и грамматика. Изучение фонетики было связано в свое время с проблемой выбора письменности и разработкой норм правописания и орфографии. Грамматику – морфология и синтаксис – необходимо было изучать в целях создания нормативной грамматики и написания учебников калмыцкого языка различного уровня для школ, учебных заведений Калмыкии. Вся эта исследовательская деятельность лингвистов Калмыкии стимулировалась неотложными задачами языкового строительства. В то же время следует отметить, что наименее изученной областью калмыцкого языка до сих пор остается лексика, особенно терминология, которая стремительно развивается в современной Калмыкии и настоятельно требует научного изучения и теоретического осмысления, чтобы, опираясь на научную базу, способствовать более оптимальному и адекватному ее развитию и исключить стихийность в этом важном для республики Калмыкия деле.

Имеющиеся работы [Поппе 1936; Номинханов 1959; Бардаев 1972; 1976; Рассадин 2005; Борлыкова 2009], освещающие ту или иную тематическую группу лексики калмыцкого языка, пока еще не меняют сложившейся общей картины. Как видно уже из приведенного перечня литературы, изучались в основном лишь термины, связанные с животноводством и анималистической лексикой. Кандидатская диссертация посвящена музыкальным терминами. Остальные группы лексики остаются пока вне поля зрения калмыковедов, хотя необходимость исследования лексики назрела давно.

Как известно, древние калмыцкие племена относились к числу так называемых «лесных племен», в хозяйстве которых главенствующее значение имела охота. Еще Б.Я. Владимирцов отмечал, что «...монгольские кочевники-скотоводы сохраняли многое от охотничьего быта» [Владимирцов 1934, с. 35]. И что многие факты «...позволяют видеть в монголе древней эпохи не просто номада, а кочевника охотника» [То же, с. 41. Поэтому для истории калмыцкого языка немаловажное значение имеет исследование круга

лексики, включающей названия диких животных, что до сих пор это не делалось.

Попытаемся проанализировать названия диких животных, бытующие в калмыцком литературном языке и его говорах. Источниками, из которых был взят исследуемый материал, послужили словари калмыцкого языка [Калмыцко-русский словарь 1977], полевые материалы и наши личные наблюдения над лексикой литературного калмыцкого языка и большедербетовского говора.

Калмыцкие названия диких животных предполагается рассмотреть в составе нескольких больших групп.

1. Копытные животные.

Буь «изюбр»; *соһа* «оленуха»; *марл* «самка изюбра»; *ил* «новорожденный детеныш изюбра»; *инжыхэ* «новорожденный сайгачонок».

Косуля – общевидовое название в литературном бурятском языке *гүрөөһэн*, *зүр*, в западных говорах *гүрөөһэн*, в окинском *зүр*, в баргузинском *хонин гүрөө'эн*, в селенгинском *гүрөөл*. Зафиксированы следующие сезонные и половозрастные термины для косули: *боро гүрөөһэн* «зимняя косуля», *улаан гүрөөһэн* «летняя косуля», *гуран* (общебур.) «самец косули», *зүр* (окин.), *хуурай* (лит., эхир.-булаг.), *хуурай гүрөөһэн* (еравн.), *хуурай дзүр* (онон. хамн.) «самка косули», *арйаа гуран* (эхир.-булаг.) «старый самец косули», *инзаган* (общебур.) «детеныш косули», *зуһаг зүрэ* (окин.) «двухлетняя косуля», *улаандай* (хор.) «косуля-матка до 1 года».

Термины *гүрөөһэн*, *гуран* и *зүр* носят общемонгольский характер, ср. калм. *гөрәсн* «антилопа-сайгак»; *гөрә* «охота на диких зверей»; стп.-м. *görügesün* «антилопа; дичь; дикое животное», *görüge* «охота; дичь», *зүр* «косуля», *һур* (элют.) «самец косули».

Названию *хуурай* «самка косули» в эвенкийском языке соответствуют *кõрай* «дикая коза», *корей* «кабарга; дикая коза», *курейка*, *корейка* «дикий олень». Есть мнение, что в эвенкийском языке это бурятское заимствование [Новикова 1972, с. 128], хотя ограниченность распространения этого слова в монгольских языках одним бурятским заставляет скорее предполагать обратное. Термину *гуран* «дикий козел, самец косули» соответствует эвенк. *гуран* «дикий козел», маньчж. *гуран* «сайгак», алт. *куран* «самец косули». Все они тоже считаются монгольскими заимствованиями [Там же]. С монг. *görüge(sün)*, видимо, связано этимологически маньчж. *гургу* «зверь, всякое покрытое шерстью животное».

Кабан – общевидовое название его *зэрлэг гахай* (букв. «дикая свинья»), *ойн гахай* (букв. «лесная свинья») в восточных говорах и литературном

языке и *ан гахай* (букв. «дикий зверь-свинья») в западных говорах. Все эти названия носят описательный характер. Имеются половозрастные названия: *бодон*, *бодон гахай* «вепрь, кабан-самец», *модон гахай* (эхир.-булаг., качуг.) «кабан», *мэгэжэ* «самка кабана», *мэргэсэр* «трехлетний кабан», *хобьон* «поросенок дикой свиньи; дикая свинья двух-трех лет», *торой* (закам., тунк.) «поросенок дикой свиньи».

Термины *гахай*, *бодон*, *торой* и *мэгэжэ* общемонгольские : х.-монг. *гахай*, калм. *наха*, стп.-м. *yaqai*, ЛР *yaqai*, *qaqai*, МА *yaqai*, МНТ *наһай*, SMG *наһай* «свинья»; х.-монг. *бодон*, калм. *бодң*, стп.-м. *bodung* «кабан, вепрь»; х.-монг. *мэгжэ* «самка кабана», калм. *мегжэ*, стп.-м. *megeji*, SMG *mekeji* «свиноматка»; х.-монг. *торой*, калм. (элют.) *торэ*, стп.-м. *torui* «поросенок-сосунок». Термину *хобьон* соответствует х.-монг. *ховс* «двухгодовалый кабан».

Эвенк. *мэкэдин* «самка кабана», маньчж. *мэхэчжэн* «свиноматка»; узб. *мегажсин* «самка кабана», кирг. *мегечсин*, чагат. *мигечин* «свиноматка, свинья» считаются заимствованиями из монгольского языка [Новикова 1972, с. 116, сноска 78]. Древнейшим, по-видимому, соответствием монгольским терминам *мэгэжэ*, *мэгжэ*, восходящим, вероятно, еще к монголо-маньчжурской языковой общности, следует отнести маньчж. *мэхэ* «молодая, еще не поросившаяся свинья», *мэхэн* «свинья-самка», *мэхун* «свинья – ругательное слово» [Там же, с. 116].

Кабарга – общевидовое ее название *хүдэри* (лит.), *күдүрен* (нижнеуд.), *бэдээхээ* (эхир.-булаг.), *бадангаа*, *бадангай* (тунк.). Зафиксированы следующие половозрастные названия: *эмэ хүдэри* (окин.), *бэдээхэй* (еравн.), *үнгэлөөгүй бадангаа* (тунк.) «самка кабарги»; *эрэ хүдэри* (окин.), *үнгэлөөтэй бадангаа* (тунк.) «самец кабарги»; *зуһаг хүдэри* (лит.) «двухлетняя кабарга»; *инзаган хүдэри* (лит.), *эрезэлэй*, *эрезэдзэгэй* (окин.) «детеныш кабарги».

Хүдэри – общемонгольское слово. Ср.: х.-монг. *хүдэр*, калм. *күдр*, стп.-м. *küderi* «кабарга», х.-монг. *зусаг хүдэр* «двухлетняя кабарга». Компонент *зуһаг* при этом взят из животноводческой лексики и означает «двухлетний – о козах, овцах» (< *зуһа*- «проводить лето» < *зун* «лето»), ср. калм. *зусг*, стп.-м. *jusay id.*, х.-монг. *зусаг* «суягная – об овце», MNT *jusah honin* «годовалая овца». Не имеют соответствий слова *бэдээхэй*, *бадангаа*. В сочетаниях *үнгэлөөгүй бадангаа*, *үнгэлөөтэй бадангаа* слово *үнгэлөө* означает «мускусная железа кабарги». По мнению К.А. Новиковой, происходит оно от бур. *үнгэл*- «раскрашивать, расцвечивать; наводить глянец», перен. «придавать внешний вид, приукрашивать», а эвенкийское *унгулэ* «самец кабарги» заим-

ствовано из бурятского языка [Новикова 1972, с. 127, сноска 150]. Окинские *эрезлэй*, *эрездзэгэй* образованы от общемонгольского прилагательного *эреэн* «пестрый».

Дикий северный олень – для него нет четко разработанной половозрастной терминологии и единого видового названия. Удалось выявить лишь следующие термины: *ан сагаан* (зап.-бур.), *ойн сагаан* (окин), *ойн сагаан орон* (лит), *үрхэн* (качуг.) «дикий северный олень», *индзаган* (окин) «детеныш дикого северного оленя». Название *сагаан* в западных бурятских говорах означает также «домашний северный олень». Связано оно, по-видимому, с прилагательным *сагаан* «белый» (ср. х.-монг. *цагаан*, калм. *цаһан*, стп.-м. *ᠰауан* «белый») и является, вероятно, описательным названием. В монгольском и калмыцком языках домашнего северного оленя называют *цаа*, в стп.-м. *ᠰа биуи*, *ᠰа гөрүгесү*. Здесь тоже, возможно, *цаа* < *ᠰа* связано с общеалтайским корнем **ᠰа*, означающим «белый» (ср. в связи с этим тюрк. *ᠰа-л* «седой», монг. *ᠰа-sun* «снег», *ᠰа-уи* «белеть», эвенк. *чалбан* «береза», *чалка*, *чолко* «белый, седой»). *Орон*, как и литературное *оро*, означающее «домашний олень», является, видимо, эвенкийским заимствованием, ср. эвенк. *орон* «домашний олень» (общее тунгусо-маньчжурское слово [Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков 1977. Т. 2, с. 24-25]). Название *үрхэн*, встречающееся также у заиграевских бурят в значении «олень», в сочетании *үрхэн сагаан* у эхиритов в значении «олень», в сочетании *үрхэн сагаан* у эхиритов в значении «олень» и у джидинцев в значении «сохатый», можно сопоставить с эвенкийским *урикчан* «двухгодовалый лось», ороц. *урича id.*, маньчж. *ургэшэн* «олень-одноленок».

Горный козел – для него зафиксированы следующие названия: *янгир ямаан* (лит.), *тэхэ ямаан* (тунк.) «тур, горный козел», *эшэгэн* «детеныш горного козла», *тэхэ* «самец горного козла», *ямаан* «самка горного козла». Слова *тэхэ*, *ямаан* и *эшэгэн* употребляются также для называния домашних козла, козы и козленка и являются общемонгольскими. Ср., например: х.-монг. *тэх* «горный козел», калм. *тек* «козел-производитель», стп.-м. *teke* «горный козел; козел-производитель»; х.-монг. *ямаан*, калм. *яман*, ЛР *imān*, МА *ima'an*, SMG *yima'an* «коза»; халх.-м. *ишиг*, калм. *ишк*, стп.-м. *išigen* «козленок». Название *янгир ямаан* совпадает с х.-монг. *янгир ямаа* «горный козел», стп.-м. *yanggir*, *yanggir imaya* «горный козел». С компонентом *янгир* можно сопоставить также стп.-м. *yanggir* «лысый, оголенный; без мяса (о кости), без растительности (о горе)», эвенк. *янг* «сопка, голец (выше тундры)», негид. *јаң* «сопка-голец (с нетающим снегом на вершине), гора (безлесная)», орок. *јаң* «гора; горный хребет», нан. *јаңи* «гора с нетающим сне-

гом на вершине», сол. *јаңир* «горный баран», маньчж. *јаңгир ниман* «горный козел». Название это связано, видимо, с тем, что горные козлы водятся в гольцовой зоне, предпочитая безлесные скалистые места, где им не страшны хищники.

Слову *тэхэ* соответствует общетюркское *теке* «козел-производитель» [Щербак 1961, с.118-119]. *Ямаан* тоже сопоставимо с исконным общетюркским **д'ымга* «коза» [Там же, с.118]. Эвенкийское *имаган*, маньчж. *ниман* «коза, козел», как и маньчж. *тэхэ* «дикий козел», считаются монгольскими заимствованиями [Новикова 1972, с. 115, 128]. В тунгусо-маньчжурских языках распространены, кроме того, собственные термины для называния козы – ороч., ульч. *има*, нан. *има*, *имахэ*, негид. *имайа*, маньчж. *имаху* [Там же, с. 115; Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков 1975, с. 312]. Термин *эшэгэн* «козленок» можно сопоставить с общетюркским словом *эчки* «домашняя коза».

Судя по данному сравнительному материалу, *ямаан* следует считать древнейшим общеалтайским словом, а *тэхэ* и *эшэгэн* – общим тюрко-монгольским.

Горный баран – для него известно, по сути дела, только одно, видовое название – *аргали*, сейчас редкоупотребляемое слово, так как горный баран на территории Бурятии ныне почти не встречается. *Аргали* – исконно монгольское название, ср.: х.-монг. *аргаль* «самка архара, горного барана», калм. *арьл*, стп.-м. *aryali* «самка горного барана». В тюркских языках ему родственно слово *аркар* «горный баран», которое в древнем тюркском языке имело значение «самка горного барана» [Щербак 1961, с.117]. Маньчжурское *аргали* «дикая коза, серна» считается монгольским заимствованием [Новикова 1972, с. 127-128].

Названия степных и пустынных копытных животных представлены в бурятском языке довольно бедно и схематично:

хулан «дикая лошадь, кулан». Ср.: х.-монг. *хулан*, калм. *хул*, стп.-м. *qulan*, MNT *hulan* «дикая лошадь», МА *qulan* «дикий осел», а также исконнотюркское *кулан* «дикая лошадь; дикий осел» [Щербак 1961, с.95], маньчж. *кулан* «дикая степная лошадь». Все эти слова можно сопоставить с тюркско-монгольским *кула* «саврасый»; *зээрэн* «джейран». Ср.: х.-монг. *зээр*, калм. *зеерн*, стп.-м. *jegeren*, МА, MNT, SMG *jēren* «антилопа-джейран, газель». Тюркские варианты этого слова – *джейран* и т.п., а также тунгусо-маньчжурские (например, маньчж. *чжэрэнь*) признаны монгольскими заимствованиями [Щербак 1961, с.133; Новикова 1972, с. 127], хотя имеются, на-

пример, др.-тюрк. *jegrän* «гнедой, рыжий», стп.-м. *Јегерде*, х.-монг. *зээрд*, бур. *зээрдэ*, калм. *зеерд* «рыжий (о масти)», с которыми можно было бы сопоставить *зээрэн* «антилопа» аналогично сопоставлению *кулан* «дикая лошадь» с *кула* «саврасый» и *сагаан* «северный олень» с *сагаан* «белый»;

хадын ооно «горная серна». Ср. х.-монг. *ооно* «самец антилопы-дзерена», калм. *оон* «сайгак-самец», стп.-м. *оуити* «вид антилопы»; тувинское *оона* «антилопа-джейран» и маньч. *онон* «дикий козел» считаются монгольскими заимствованиями [Новикова 1972, с. 127];

оронго «вид антилопы». Ср.: х.-монг. *оронго* «вид антилопы», стп.-м. *orungyu* «вид маленькой темной антилопы с длинными плоскими рогами», MNT *ora'a ~ oro'a gore'esun* «дикий зверь, степная дичь», калм. *орңь* «носорог»; маньчж. *оронго* «дикий темный козел, похожий на серну чжэрэнь, с длинными и плоскими рогами, каменный баран».

2. Крупные хищные звери играли в повседневной жизни первобытного охотника тоже большую роль, которую отдельные из них, особенно медведь и волк, не утратили позднее и для скотоводов, так как представляли реальную угрозу домашнему скоту. В современном бурятском языке нами выявлены названия для следующих крупных хищников, с которыми сталкивались буряты:

Медведь – в бурятском литературном языке и его говорах имеется несколько терминов, которые в настоящее время воспринимаются как видовые названия медведя: *баабгай*, *хара гүрөөһэн*, *бартахи* и *баахалдай* (лит., хор., ольх.). Из них первые два – общебурятские, так как представлены не только в восточных говорах и литературном языке, но и в западных бурятских говорах. Ср.: *баабгаэ*, *кара гүрөөһэн* у нижнеудинских бурят, *хара гүрөөһэн* у эхирит-булагатов, *хара гүрөө'эн* у баргузинцев, *баабгаэ*, *хара гүрөөһэн* у тункинцев. Кроме того, слово *баабгай* «медведь» можно считать по сути дела общемонгольским, так как оно встречается у халха-монголов – *баавгай*, у калмыков – *баавһа* (устаревшее, вытеснено тюркизмом *аю*), зафиксировано в старописьменном монгольском языке – *babayai*, *bayabayai* везде со значением «медведь».

Все приведенные термины – исторически описательные, так как *бартахи* можно сравнить с бур. *бартагар* «лохматый; нескладный», *бартаа* «дремучий, непроходимый, с завалами», перен. «неуклюжий, громоздкий», ср. х.-монг. *бартаа* «пересеченность; валуны, большие камни»; *хара гүрөөһэн* букв. «черный дикий зверь», здесь слово *гүрөөһэн* сохраняет более древнее значение «дичь, дикий зверь», хотя в современном бурятском языке за ним

закрепилось уже значение «косуля» (см. выше); *баахалдай*, возможно связано с глаголом *бааха* «испражняться»; *баабгай*, вероятно, представляет собой стяжение сочетания *баабай абгай*, где *баабай* означает «батюшка; отец», а *абгай* – почтительное обращение к старшим (ср. х.-монг. *баавай* «папа, отец», калм. *баав* «батюшка; отец, папа», *баавъа* «жена»), на справедливость этого предположения указывает бытование в тункинском говоре эвфемизмов *баабаз* (букв. «батюшка; отец») и *таабаз* (букв. «дедушка») в значении «медведь».

Кроме того, в бурятских говорах и литературном языке имеется множество других описательных по происхождению названий как для медведя вообще, так и для его половозрастных групп. Ср.: *хара баабгай* (лит.) «бурый медведь», а в закаменском говоре это «медведь самец старше 4 лет», *атаабхи* (тунк.) «медведь» (ср. окин. *атаабай* «дедушка»), *шара маахай* (хор.) «большой белохвостый медведь-самец одиночка» (ср. *шара* «желтый», *маахай* «лоб - у животных»), *һүүлтэ морго* (хор.) «большой медведь-самец с хвостом», *дахата үбгэн* (зап.-бур.) «медведь» (букв. «старик в дохе»), *ехэ үбгэн* (закам.) «медведь» (букв. «великий старик»), *дахата* (окин.) «медведь» (букв. «имеющий доху, в дохе»), *охор һүүлтэ* (тунк.) «медведь» (букв. «короткохвостый»), *хилгааһан гуталта* (тунк.) «медведь» (букв. «имеющий волосную обувь»), *эрэ баабгай* «взрослый медведь-самец», *үлэгшэн баабгай* (окин.) «медведица»; *баабгайн хүбүүн*, *баабгайн гүлгэн* «медвежонок», *буруу баабгай* «медвежонок до года», *тугал баабгай* «медвежонок до шести месяцев», *хашараг баабгай* «пестун, медвежонок до двух лет», *гунан баахалдай* «трехлетний медведь», *гунжан бартахи* «трехлетняя медведица», *дүнэн баахалдай* «медведь четырех лет», *шара баабгай* (закам.) «медведица старше четырех лет».

В названиях медведя, как видно из примеров, используется либо терминология родства (*үбгэн* «старик; муж», *баабай* «батюшка; отец», *таабай* «дедушка», *хүбүүн* «сын»), либо скотоводческая терминология (*буруу* «теленка до года», *тугал* «теленка», *хашараг* «бычок-двухлетка», *гунан* «бык трех лет», *гунжан* «телка трех лет», *дүнэн* «бык четырех лет»). Употребление терминологии родства связано, видимо, с древними культовыми представлениями о медведе как о сородиче.

В других алтайских языках параллелей к бурятским названиям медведя пока не обнаружено, поэтому все рассмотренные термины могут считаться собственно-бурятскими, а отдельные – общемонгольскими.

Волк – как и медведь, тоже имеет в бурятском языке массу названий, но для него все же сохраняется общебурятское видовое название *шоно*, являю-

щеется в то же время общемонгольским. Ср.: х.-монг. *чоно*, калм. *чон*, стп.-м. *čiti-a*, ЛР *čanā*, МА *činā*, MNT *činō* «волк». Это объясняется тем, что волк, видимо, по древним культовым представлениям не осознавался как сородич, хотя и к нему относились с таким же почтением, как и к медведю, что подтверждает отсутствие в названиях волка родственных терминов.

В современном бурятском языке зафиксированы следующие половозрастные и эвфемистические (в основном описательные, иносказательные) названия волка: *ута һүүлтэ* (хор., букв. «длиннохвостый»), *гэндэн убша* (хор.), *гэндэн жамса* (агин.), *һүүлтэ* (окин., букв. «хвостатый»), *ёнгой* (окин.), *ёнгой таабай* (окин.), *хээрийн нохой* (окин., тунк., букв. «степная собака»), *уулын нохой*, *хадын нохой* (окин., букв. «горная собака»), *араата* (тунк., букв. «клыкастый»), *нооһон толгойто* (тунк., букв. «волосатоголовый»), *боохолдой* (тунк. букв. «привидение»); *үлэгшэн*, *үлэгшэн шоно* (окин.), *гичии* (онон. хамн.) «волчица»; *бэлтэргэ*, *шонын гүлгэн* (лит.), *гүлгэн шоно* (еравн.) «волчонок».

При этом термины *гэндэн*, *үлэгшэн*, *гичии*, *бэлтэргэ* и *гүлгэн* представлены также в остальных монгольских языках. Так, в халха-монгольском *гэндүү* означает «барс, самец леопарда», в калмыцком *гэндн* – название некоторых животных-самцов, в старописьменном монгольском языке *gendü(n)* – «самец тигра, пантеры; вообще самец плотоядных животных», в языке «Сокровенного сказания монголов» (MNT) *gendu-* «самец зверя», *gendu činō* – «самец-волк». Слово *үлэгшэн* общебурятское и означает «самка хищного животного», ср. в других монгольских языках: х.-монш. *өлөгчин*, калм. *өлгчн*, стп.-м. *ölügčün* «самка плотоядных животных; сука». Название *гичии* сопоставимо с х.-монг. *гичий* «волчица», стп.-м. *gičige* «сука; самка плотоядных животных». *Бэлтэргэ* широко распространено в монгольских языках: ср. х.-монг. *бэлтрэг*, стп.-м. *belterge* «волчонок», калм. *белтрг* «молодой волк», так же как и *гүлгэн*: ср. х.-монг. *гөлөг*, калм. *гөлг*, стп.-м. *gölüge* «детеныш, щенок». Неясно пока происхождение слова *ёнгой*.

Монгольским терминам о волке нет соответствий в других алтайских языках. Эвенкийские *чинукай*, *чанукай* «волк» считаются монгольскими заимствованиями [Новикова 1972, с. 129]. Зато весьма любопытна неожиданная параллель в ненецком языке – *тёня* «лиса, лисица» [Терещенко 1965, с. 654], ср. также ненецкое *нохо* «песец» [То же, с.317], которому в монгольских языках соответствует слово *нохой* «собака» (ср. маньчж. *ниохэ* «волк»).

Рысь – общебурятским видовым названием является *шэлүүхэн*, в говорах также *шүлүүхэн*. Зафиксированы, кроме того, следующие термины: *эреэн гүрөөхэн* (тунк., букв. «пестрый зверь») «рысь», *морин шүлүүхэн* (окин.,

букв. «конь-рысь») «пестрая желтая рысь», *хонин шүлүүхэн* (окин., букв. «овца-рысь») «светлая рысь», *эмэ шэлүүхэн* «рысь-самка», *эхэ шэлүүхэн* «рысь-самка с детенышем», *буруу шэлүүхэн* «двухлетняя рысь», *ногоол* «детеныш рыси». При этом термин *шэлүүхэн-шүлүүхэн* является общемонгольским, ср. х.-монг. *шилүүс*, калм. *шүлүсн*, стп.-м. *šilegüsün* «рысь». Ср. также х.-монг. *ногоол* «детеныш рыси».

Имеющееся в ряде тюркских языков слово *силеүсин* «рысь» считается монгольским заимствованием, и о нем А.М. Щербак пишет следующее: «Придерживаясь той точки зрения, что предки тюрков были с древнейших времен степняками, кочевниками, но не жителями лесов, и учитывая структурное своеобразие рассматриваемого слова, мы считаем его заимствованием из монгольских языков» [Щербак 1961, с.141]. Маньчжурское *силун-шулун* тоже относится к монгольским заимствованиям [Новикова 1972, с. 130]

Росомаха – для нее имеются только видовые термины *зээгэн* и *зантахы*. При этом *зээгэн* бытует и у западных и у восточных бурят, а *зантахы* (у еравнинских бурят даже *заан тахья*, т.е. «слон-курица», видимо, такое произношение возникло на почве народной этимологии этого слова) в восточных говорах. *Зээгэн* является общемонгольским словом, ср. х.-монг. *зээх*, калм. *зеекн*, стп.-м. *jegeken* «росомаха». *Зантахы* заимствовано, вероятно, из эвенкийского языка, так как в других монгольских языках оно не встречается. В эвенкийском же языке, почти во всех его многочисленных говорах и диалектах *дянтаки-янтаки* «росомаха» обычное слово, восходящее, видимо, к эвенкийскому глаголу *дянта-* «ходить по одной тропе». Кроме того, сюда же следует отнести негид. *јандако*, ороч. *јандаку*, ульч. *јандаку* «енотовидная собака», уд. *јандаси* «барсук», нан. *јандако*, *јантако* «енотовидная собака; барсук», маньчж. *јандачи* «щенок барсука». Бытующее в витимо-ленском диалекте эвенкийского языка слово *дееган* «росомаха» считается монгольским заимствованием [Новикова 1972, с. 130]. В тюркских языках для наименования росомахи восстанавливается праформа **d'egэн* (**d'egбэн*) [Щербак 1961, с.140]. К.А. Новикова возводит этот термин к общеалтайскому глаголу **ǰigbe-* «есть, кушать» и восстанавливает первоначальную форму **ǰigbekēn* со значением «пожирающая» [Новикова 1972, с.130]. Общемонгольским видовым названием является *үнэгэн*, в хоринском говоре зафиксировано иносказательное слово *араата* (букв. «клыкастая; хищник»). Ср. в этой связи: калм. *арат* «лиса, лисица», х.-монг. *араатан* «1) хищник; хищные звери; 2) лиса», *араат* «лиса» (все они восходят к

общемонг. *араа* «коренной зуб»). Термин *үнэгэн* носит общемонгольский характер, ср., например, х.-монг. *үнэг*, стл.-м. *ünege*, ЛР *hüngen*, МА *hünegen*, *ünege*, MNT, SMG *hünegen* «лиса», калм. *үнгн* «лиса; самка диких животных, птиц». Различие по полу для лисы достигается подстановкой к видовому названию слов *эмэ* «самка» и *эрэ* «самец»: *эмэ үнэгэн* «лиса-самка», *эрэ үнэгэн* «лисовин, самец лисицы».

Возможно, общий корневой элемент с этим термином имеет общемонгольское слово *үнэр* «запах». Параллелей к *үнэгэн* в алтайских языках пока не обнаружено.

Красный волк, шакал – этих животных называют по-бурятски *сүүбэн шоно*, в говорах есть также *сөөвөри* (окин.) и *сүүбэр шоно* (тунк.). Этот термин совпадает с х.-монг. *цөөвөр чоно*, калм. (элют.) *чөөвр*, стл.-м. *čögebüri čiti-a*, SMG *cu'e beri* «шакал». Окинское *сөөвөри* фонетически ближе к х.-монг. *цөөвөр*. Структурно во всех приведенных здесь названиях прослеживается два компонента: *сөө-сүү-цөө-чөө-čöge-si'e* и *вөр-вөри-büri-beri*. Первый совпадает с кирг. *чөө*, тоф. *шөө* «красный волк, шакал», второй – с общетюркским словом *бөри-бөрү* «волк». Это сочетание в качестве термина представлено в тувинском языке - *шөө-бөрү* «шакал, гиена» и в телеутском диалекте алтайского языка - *чөө-нөрү* «каменный волк» [Радлов 1905, стлб. 2033]. Возможно, это древнее тюркское заимствование в монгольских языках, поскольку шакал водится в степных, полупустынных местностях, в которых искони обитали тюрки, и, кроме того, в тюркских языках оба компонента представлены как самостоятельные значимые слова. В монгольских же языках имеется только словоформа, сросшаяся фонетически и не объяснимая на почве монгольских языков. Принимая во внимание все эти соображения, мы против отнесения тувинского *шөө-бөрү* к монгольским заимствованиям [Об отнесении данного тувинского термина к монголоизмам см.: Räsänen 1969, s. 449].

Названия барса и тигра в калмыцком языке часто не различаются и поэтому их следует рассматривать вместе. К ним относятся: *бар*, *барас* (лит.) «барс; тигр», *бар* (зап.-бур.) «лев», *эrbэд* (вост.-бур., тунк.) «барс»; *эрезэн бар* (лит., зап.бур.) «тигр», *эрезэн гүрөөэн* (лит.) «тигр», *ирезэн гүрөө'эн* (барг.) «тигр», *эrbэд* (унг.) «тигр». Поскольку эти звери очень редкими были и в прошлом на территории Калмыкии и Бурятии, у них отсутствует разработанная половозрастная терминология, в отличие от других зверей.

Термин *эрезэн гүрөөэн*, означающий буквально «пестрый дикий зверь», является описательным, по-видимому, эвфемистическим названием. Слова *бар*, *барас*, вероятно связанные между собой, общемонгольские, ср. х.-монг.

бар, *барс* «тигр», калм. *барс* «барс», стп.-м., MNT, SMG *bars* «тигр», МА *bars* «барс; тигр», ЛР *bars* «пантера». Распространенное также в тюркских языках слово *барс* – древнее персидское заимствование (ср. перс. *pārs~fārs* «пантера») [Новикова 1972, с. 133]. Термин *эрбэд* тоже общемонгольский, ср. х.-монг. *ирвэс*, стп.-м. *irbis* «леопард, пантера», калм. *ирвсг* «тигр». Ему соответствует др.-тюрк. *irbič* «рысь, леопард», *irbiz* «леопард», уйг. *илвиз*, *жилвиз* «леопард», кирг. *илбирс* «барс», узб. *илвирс* «снежный барс», финск. *ilves* «рысь». Оно является, по-видимому, древнейшим тюрко-монгольским словом, так как отсутствует в тунгусо-маньчжурских языках, как и слово *барс*.

Дикий (степной) кот в бурятском языке тоже имеет только одно, видовое название *мануул*, которое является общемонгольским, ср.: х.-монг. *мануул*, стп.-м. *manul*, МА *manul* «дикая степная кошка», калм. *манул* «дикая степная кошка; рысь». С этим словом сопоставляются др.-тюрк. *тапи*, тув. *маны*, уйг. *молун* «дикая кошка», которые считаются заимствованными из монгольского языка [Щербак 1961, с.130]. Возможно, что в основе слова *мануул* лежит общемонгольский глагол *манна* = «стеречь, караулить», а *-уул* тоже общемонгольский отглагольный словообразовательный аффикс для имен существительных. Это предположение кажется достаточно реальным и обоснованным, поскольку кошки обычно охотятся, подолгу карауля свою добычу, затаившись на одном месте.

3. Мелкие зверьки (хищники и грызуны) тоже играли определенную роль в хозяйственной деятельности бурят во все времена их исторического развития: некоторые из них, особенно обладающие ценным мехом, служили объектом специального пушного промысла, например, белка, соболь, а некоторых, таких как заяц, тарбаган, добывали ради мяса.

Наиболее разветвленная система терминов в этой группе животных, представляющих собой как описательные, эвфемистические названия, так и половозрастные, наблюдается по отношению к соболу, ценному пушному зверьку, который был ценным товаром и шкурками которого буряты в свое время платили дань. Нами выявлено в бурятском языке следующие названия соболя: *булган* – общемонгольское видовое название этого зверька, являющееся в то же время общемонгольским, ср.: х.-монг. *булга*, калм. *бульн*, стп.-м. *bulayan*, МА *bulyan*, MNT, SMG *buluhan* «соболь»; *тагнын булган* (тунк., от тувинского слова *дагнын* «горный») «тувинский соболь, с более ценным мехом», *бамбагар* (тунк., букв. «пушистый»), *хангаэн хэшэг* (тунк., букв. «милость хангая, божества гор») «соболь»; *гүүндэ* (тунк.), *гэндэ*, *гэндэ булган* (окин) «соболь-самец», *үлэгшэн булган* (окин.) «самка соболя», *зулзага булган* (лит.), *хүбүүн булган* (окин.) «детеныш соболя до полугода».

Тюркские соответствия, например, каз. *бұлғын*, уйг. *булган*, кирг. (только в эпосе) *булгун* «соболь» считается монгольскими заимствованиями [Щербак 1961, с.143].

Другим зверьком, для которого в бурятском языке тоже есть развитая половозрастная терминология, является *тарбаган* (сибирский сурок). Общебурятское его видовое название *тарбаган*, которое в то же время присуще всем монгольским языкам, ср.: х.-монг. *тарвага*, калм. *тарвлън*, стп.-м. *tarbayan*, MNT *tarbaḡan* «сурок, тарбаган». Зафиксированы также следующие бурятские термины: *бурхи тарбаган* «сурок-самец», *хотולי* (агин., еравн.) «самка тарбагана», *хотли* (цонг.), *хотולי* (лит.) «годовалый сурок», *мүндэли* «детеныш сурка до года». Эти слова имеют соответствия в других монгольских языках: х.-монг. *бурхи* «сурок-самец», *хотоль* «двухгодовалый самец-тарбаган», *мөндөл* «детеныш тарбагана», в старописьменном монгольском языке соответственно - *burki*, *qotuli*, *möndül*. В калмыцком языке эти слова имеют несколько иное значение: калм. *борк* «старый барсук», калм. *хотл* «молодой лось, молодой олень».

Бытующее в ряде тюркских языков (алтайском, тувинском, хакасском, якутском) слово *тарбаган* «сурок», а также тувинские *мөндэлэ* «детеныш сурка» и *мургу* «сурок-самец» следует считать монгольскими заимствованиями [О слове *тарбаган* в тюркских языках см.: Щербак 1961, с.148]. К монгольским заимствованиям относят также эвенк. *тарбаган*, *тарбага*, *тарбака*, эвен. *тарбахан*, маньчж. *тарбаки*, *тарбахи* «сурок» [Новикова 1972, с. 124].

Остальные мелкие зверьки не имеют столь развитой половозрастной терминологии. Для них в бурятском языке представлены лишь видовые названия. К этим зверькам относятся:

Колонок – общемонгольское название *солонго*, являющееся и общемонгольским, ср.: х.-монг. *солонго*, стп.-м. *solungy-a*, «колонок, желтый хорь», MNT *solangḡa* «ласка». Это слово связано, видимо, с общемонгольским названием радуги, ср.: х.-монг. *солонго*, калм. *солңь*, бур. *һолонго*, стп.-м. *solungy-a*, SMG *solongḡa* «радуга». К этому же выводу пришла и К.А. Новикова [Новикова 1972, с. 131, сноска 186]. Из других алтайских языков параллели представлены лишь в тунгусо-маньчжурских языках. При этом эвенк. *солонгō*, *сононгō*, *һолонгō*, *шононгō* «колонок» считается монгольскими заимствованиями, а эвен. *солигā*, *солга*, *солуге*, *солико*, сол. *сблиги*, нан. *солиу*, маньчж. *солихи*, *солохи* «колонок; хорек» - собственно тунгусо-маньчжурские слова, родственные монгольским [Новикова 1972, с. 130-131].

Куница в литературном языке называется *сусар*, в окинском и тункинском говорах бытует слово *суусари*, которое является здесь, видимо, монголизмом (ср. х.-монг. *суусар*, бур. *хүнэри*, стп.-м. *suusar* «куница»), на что указывает сохранение инициального *с-*, не перешедшего в *х-*. Слово *хүнэри* общемонгольское, ср.: х.-монг. *хүрнэ*, калм. *күрн*, стп.-м. *kürene* «хорек», его можно сопоставить с общетюркским термином *küzen* «хорек». Ср. также маньчж. *курэнэ* «ласка, зверек, похожий на хорька».

Горностай – его общемонгольское название *уен*, являющееся общемонгольским, ср.: х.-монг. *уен*, калм. *үйн*, стп.-м. *üyeng* «горностай». Соответствий в других алтайских языках не имеется.

Ласка в литературном калмыцком языке называется *оһтн*. Здесь *оһтн* совпадает с х.-монг. *оготно*, бур. *охотоно*, *охотоноо(н)*, *охотор* *уен*, в языке ононских хамниган – *үкер огдо*, *оготоноо*, стп.-м. *оуитун-а* «мышь-полевка». Маньчж. *охотоно* «даурский зайчик; сенокос; зверек, похожий на мышь», и сол. *огтуна* «род степных мышей» считаются монгольским заимствованием [Новикова 1972, с. 125-126].

Белка – общеойратское название калм. *кермн*, которое носит общемонгольский характер. Ср.: х.-монг. *хэрэм* (*хэрмэн*), *хэрмэн*, стп.-м. *keremün*, MNT *keremün* «белка». Имеющееся в некоторых эвенкийских диалектах слово *кэрэмун* «белка» – по-видимому, монгольское заимствование, поскольку общеэвенкийским выступает слово *улукй* «белка».

Бурундук – общебурятский термин *жэрхи*, по говорам – *жэрти*, *жэрси*. Слово общемонгольское. Ср.: х.-монг. *жирх*, калм. *жирх*, стп.-м. *ĵirki* «бурундук». Якутское *дьирики* «бурундук» – вероятно, монгольское заимствование. Монгольские же *жэрхи*, *жирх*, *ĵirki* можно сопоставить с эвенк. *делэ́й*, *елэ́й*, эвен. *дилики*, орош. *делэ́хи*, уд. *делэ́ки*, ульч. *делики*, нан. *дели*, *делихэ* «горностай», маньч. *чжэ́лкэн* «колонок; бурундук».

Суслик – в литературном языке называется *зумбара*, *зумбараан*, в западных говорах – *зумара*, в восточных распространено также слово *урхэ*. При этом *зумара*, *зумбара*, *зумбараан* является общемонгольским, ср. х.-монг. *зурам*, калм. *зурмн*, стп.-м. *ĵurum*, *ĵuram-a*, SMG *jumiran* «суслик». Солонское *чжумбур*, *чжумбраа* «суслик», маньчж. *чжумарган*, *чжумархан*, *чжумарха* «полевая мышь», *чжумара* «крот; ласка» считается монгольским заимствованием [Новикова 1972, с. 124-125]. Монгольские термины *зумара* и т.п. находят соответствие в тюркских языках, в которых тоже распространено это слово. Ср., например, тат. *йомран*, уйг. *йумран*, карач. *джумран* «сус-

лик». А.М.Щербак возводит тюркские и монгольские лексемы к единой праформе **dʉmbараган* [Щербак 1961, с.148]. По нашему мнению, тюрк. *йомран*, *йумран*, *джумран* являются однокоренными с тюркскими же словами *йумур* «сычуг» и *йумурук* «кулак», поскольку сидящий суслик представляется круглым комочком, таким же в принципе, круглым, как и сычуг, и кулак.

Мышь – общебурятское название *хулгана*, *хулганаан*, являющееся общемонгольским, ср. х.-монг. *хулгана*, калм. *хульн*, стп.-м. *quluγan*-а, ЛР *qulqina*, МА *quluγina*, MNT *huluḡana* «мышь», SMG *huluḡana* «крыса». Эвенкийская параллель *кулугуна*, *кулугу* «мышь» считается монгольским заимствованием [Новикова 1972, с. 125]. Возможно, это общемонгольское слово *хулгана* «мышь» имеет общий корень с тунгусо-маньчжурским *улукй̆ ~олокй̆~хулу~холо* «белка», как и отмеченное выше слово *олбо* «белка-летяга».

Летучая мышь в литературном языке и в восточных говорах называется *һарьһан эрбээхэй* (букв. «кожаноперепончатая бабочка»). Ср.: бур. *һарьһан* «мягко выделанная тонкая кожа», х.-монг. *сарьс* «перепонка; сыромятная кожа», калм. *сарсн* «тонкая кожа»; бур. *эрбээхэй*, х.-монг. *эрвээхий*, калм. *эрвэкэ* «бабочка». В халха-монгольском языке летучую мышь называют *сарьсан баавгай* (букв. «перепончатый медведь»). В западных говорах бурятского языка распространено слово *үрмэшөө*, *өрмөшөө* «летучая мышь», этимология которого неизвестна.

Тушканчик в литературном языке называется *алаг дааган* (букв. «пегий жеребенок»). В монгольских языках этому слову соответствуют: х.-монг. *алагдаага*, *алагдаахай*, стп.-м. *alayday-a*, *alaydayaqai* «тушканчик». Солонское *алагдаа*, как и тувинское *алак таагы* для называния этого зверька, является монгольским заимствованием [Новикова 1972, с. 125].

Заяц – имеется два термина, носящих общебурятский характер, - *шандаган* «заяц-русак» и *туулай* «заяц-беляк». Оба термина общемонгольские. Ср.: х.-монг. *чандага* «заяц-беляк», *туулай* «заяц», калм. *чиндън* «кролик», *туула* «заяц», стп.-м. *čindayan* «заяц-беляк», *taulai* «заяц», ЛР *taulai*, МА *taulai*, *ta'ūlai*, MNT *taolai*, *taulai*, SMG *taolai* «заяц». Эвенкийское *чиндакан*, маньчж. *чиндахан*, *чиндахун* «большой белый заяц», сол. *тоолэй* «заяц» считаются монгольскими заимствованиями [Новикова 1972, с. 122-123].

Монгольскому *туулай* соответствует тюркское слово *табышкан* «заяц». К.А. Новикова восстанавливает алтайскую праформу **tabiḡlagai* [То же, с. 123-124, сноска 133].

Барсук – имеется одно общепурятское название *доргон*, являющееся общепурятским. Ср.: х.-мур. *дорго*, калм. *зорхн*, стп.-м. *doryu, doryun*, ЛР *дорган* «барсук». Параллели, представленные в тунгусо-маньчжурских языках – эвенк. *дорокон* «ёж», *дорокон*, *дорогун*, *торокбн*, маньчж. *доргон* «барсук», считаются монгольскими заимствованиями [Новикова 1972, с. 130-131].

Ёж – общепурятским названием является *заряа*, которое носит общепурятский характер. Ср.: х.-мур. *зараа*, калм. *зара*, стп.-м. *jaraya*, ЛР *jarān*, МА *Jari'ā*, SMG *Jariya* «ёж». Солонская параллель *чжараа*, как и тувинская *чара* «ёж», считается монгольскими заимствованиями.

Выдра – общепурятское название *халиун*, которое носит общепурятский характер. Ср.: х.-мур. *халиун*, калм. *халун*, стп.-м. *qaliyun*, SMG *hali'in* «выдра», МА *qali'ün* «бобр». эвенк. *калун* «выдра», маньчж. *хайлун* «выдра, бобр» относятся к монгольским заимствованиям [Новикова 1972, с. 131, сноска 181]. Других соответствий и параллелей нет.

4. Водные животные и рептилии. К этой группе относятся названия нерпы, змеи, ящерицы, лягушки.

Змея – общепурятское название *могой*, у цонголов зафиксирован термин *мэргэн дэгээ*, буквально означающий «меткий крюк». Слово *могой* является общепурятским, ср.: х.-мур. *могой*, калм. *моһа*, стп.-м. *toyai*, ЛР *toyai*, МА *toyai*, MNT *tohai* «змея». Якутское *мокой* «змея» относится к монгольским заимствованиям [Kałużyński 1961, S. 41, 52].

Ящерица имеет общепурятское название *гүрвэл*, являющееся общепурятским, ср.: х.-мур. *гүрвэл*, бур. *гүрбэл*, стп.-м. *gürbel* «ящерица». В других алтайских языках соответствий нет.

Лягушка и жаба называются в бурятском языке одним словом - *баха*. В сартульском говоре *мэлхы* и в языке оронских хамниган *мэлэкии* означают «лягушка». Оба термина, и *баха*, и *мэлхы*, находят соответствия в других монгольских языках. Ср.: х.-мур. *бах* «лягушка, жаба», *мэлхий* «лягушка», калм. *мэклэ* «лягушка, жаба», стп.-м. *baqa* «лягушка, жаба»; *telekei, menekei* «лягушка», SMG *menegei* «лягушка», МА *menekei* «черепаха». Это позволяет считать их общепурятскими.

5. Экзотические и мифические животные. В эту группу мы включили названия тех животных, о которых буряты слышали, но которые не водятся на территории Бурятии, а также животных, созданных в воображении человека и которые никогда не существовали (например, дракон).

Слон имеет название *заан*, которое является общепурятским, ср.: х.-мур. *заан*, калм. *зан*, стп.-м. *jayan*, ЛР *yaγan*, МА *ja'an*, SMG *ja'an* «слон».

В то же время это слово широко представлено в тюркских языках, ср.: др.-тюрк. *jaγan*, *jaγan*, *jaγa*, алт. *jaan*, тув. *чаан*, ж.-уйг. *йаган*, *йаған*, чагат. *йаган*, *йагант* «слон». Считается, что это общее тюрко-монгольское слово с праформой **žīγan* [Новикова 1972, с. 133-134]. или **d'ayan* [Щербак 1961, с.140]. Солонское *чжаа* «слон» считается монгольским заимствованием [Новикова 1972, с. 133].

Лев - литературное название *арсалан*, является общемонгольским, ср.: х.-монг. *арслан*, калм. *арслн*, стп.-м. *arslan*, *arsalan*, ЛР *arslan*, *aslan*, МА *arslan*, MNT, SMG *arslan* «лев». Слово *арслан* < *арсыл* интенсив от *ар* «каштановый» + *аң* «зверь» [Щербак 1961, с.137-138], поэтому в монгольских языках считается тюркским заимствованием, а сол. *арсала*, маньчж. *ар-салан* «лев» - монгольским заимствованием [Новикова 1972, с. 132].

Обезьяна – в литературном языке называется *һармагшан*, *мэшиэ*, *бишэн* (редко). В других монгольских языках им соответствуют: х.-монг. *сармагчин* «обезьяна; мартышка», *мичин*, *мэчин* «обезьяна», калм. *сар-мөчн*, *мөчн* «обезьяна», стп.-м. *sarmayčīn* «обезьяна; мартышка», *bečīn*, *mečīn*, МА *bečīn*, SMG *becīn* «обезьяна». В древнетюркском языке зафиксировано слово *bečīn* «обезьяна», которое употреблялось также в названии 9-го года 12-летнего цикла: *bečīn jīl* «год обезьяны». В ряде современных тюркских языков слово *бечин*, *мечин* сохраняется в том же названии года [Щербак 1961, с.140]. В монгольские языки оно тоже, видимо, попало с названием года этого календаря и им поддерживалось. Как и буддийскими притчами, в которых обычно фигурируют звери южных стран.

Дракон в литературном языке носит название *луу*, которое соответствует х.-монг. *луу*, калм. *лу*, стп.-м. *luu*, SMG *luu* «дракон». Этот термин можно сравнить с др.-тюрк. *luu*, *lū* «дракон; змея» (< кит. *lu* «дракон»). Бытование этого слова связано с названием 5-го года 12-летнего животного цикла (календаря) как в древнетюркском языке, так и в ряде современных тюркских и всех монгольских языках.

На основании произведенного выше сравнительного анализа практически всех названий диких животных, с которыми сталкивались калмыки и что нашло отражение в их языке, можно сделать ряд выводов.

1. Степень разветвленности системы видовых и половозрастных названий тех или иных животных позволяет судить о важности роли этого животного как в хозяйственной деятельности, так и в культовых представлениях. Опираясь на этот критерий, можно утверждать, что для бурят большую роль издавна играли следующие животные:

Из копытных – лось, изюбр, косуля, кабарга, горный козел, кабан;

Из крупных хищников – медведь, волк, рысь;

Из мелких зверей – соболь, тарбаган;

Этот вывод подтверждает мнение, что калмыки во многом сформировались как лесной народ, для которого в свое время добыча указанных выше животных представляла жизненную необходимость.

2. Знание ряда экзотических и мифических животных поддерживалось своеобразным календарем, основанным на периодичности 12 годов, носящих названия зверей.

3. Сравнение с другими монгольскими языками показало, что практически все названия диких животных в калмыцком языке являются общемонгольскими. Возникновение ряда специфических описательных названий объясняется, видимо, действием закона табу на названия охотничьих зверей, бытовавшим в прошлом у калмыков. Все эти описательные названия в основном самобытны и созданы за счет внутренних ресурсов бурятского языка.

4. Сопоставление всех названий с данными других алтайских языков показало, что общеалтайских терминов мало. Почти единственные в этом роде названия *буга* «самец изюбря» и *ногоон* «самка изюбря». Остальные либо самобытны для монгольских языков, либо носят только тюрко-монгольский характер, либо только монголо-тунгусо-маньчжурский. Очень много тюрко-монгольских терминов. Это, например, названия горного козла, кулана, барса, тигра, куницы, хорька, зайца, суслика, лягушки, слона, обезьяны, дракона. Монголо-тунгусо-маньчжурскими являются, например, названия лося, некоторые термины для косули, кабана, северного оленя, росوماхи, колонка, барсука, белки-летяги, мыши, бурундука. Специфичны термины для кабарги, некоторые для северного оленя, медведя, лисы, дикого кота, выдры, нерпы, горностая, ласки, белки, летучей мыши. Тунгусо-маньчжурским по происхождению наверняка является название кита, а тюркским – льва и шакала.

Характер этих соответствий говорит о том, что названия животных в основном степной зоны, этимологизирующиеся частично на тюркской почве, общи для тюркских и монгольских языков, а среди монголо-тунгусо-маньчжурских соответствий – названия животных, характерных для таежной зоны. Это свидетельствует о том, что монгольские племена исторически занимали промежуточное положение между тюркскими и тунгусо-маньчжурскими, т. е. между тайгой и степью, и были тесно связаны, с одной стороны, со степными тюркскими племенами, а с другой – с лесными тунгусо-маньчжурскими.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК ПЛАСТ ЛЕКСИКИ

Как известно, качество является общей семантической основой прилагательного, то во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности. Относительное прилагательное является названием свойств, характеризующих отношение одного предмета к другому и, образуясь от имени существительного, выражает предметное значение благодаря тому, что его основа указывает на некоторую предметность, например, калм. *эрта альчур* “узорчатый платок”. Данная словоформа является морфологически законченной субстантивной словоформой с падежными и числовыми признаками и способностью сочетаться со своими определениями.

На уровне речи данная субстантивная форма может выступать в обобщенном значении, не иметь конкретной референции, но на уровне языка она может оставаться открытой для референциальных отношений. Предметное отношение к общему значению *эра* “узор” поднимает содержание самой референциальной связи с *алчуур* “платок” на уровень типизации этого предмета как представителя своего класса. В схему связи отдельного “платок” с его общим “платок вообще” вклинивается промежуточное звено *эрта альчур* в качестве видового обобщения, в результате чего и формируется родовидовое отношение “*альчур - эрта алчуур*”.

Относительные прилагательные не только называют свойства, но и эти свойства характеризуют предмет, “обозначаемый определяемым существительным, на отношение которого к другому предмету, обозначаемому основой прилагательного, указывает субстантивное определение” [Павлов, с.32]. Свойство определяемого предмета несет функциональную нагрузку. В относительном прилагательном можно обнаружить и предметное значение именно при его изолированном рассмотрении с теми или иными определяемыми, ср. калмг. *хөөнэ* “относящийся к барану”. Специфика относительного прилагательного состоит в том, что на уровне языка оно выражает лишь отношение вообще, то в связях с разными определяемыми относительное прилагательное делает указание на отношение предметов друг к другу. Ср. *дегтрийн лавк* “книжный магазин”, *дегтрийн хадр* “книжная обложка”, *дегтрийн харлн* “книжное обозрение”, *дегтрийн таг* “книжная полка”, *дегтрийн хулдлн* “книжная торговля”. Общим значением для этого ряда является только предметное значение, относящееся к “книге” и это предметное отношение никак не специфицирует значение прилагательного, оставляя его на положении функционально избыточного дублета других форм атрибутивного выражения предметного отношения.

Семантико-функциональная оценка субстантивного словосочетания с классическим относительным прилагательным как средства выражения видового понятийного содержания означает совокупную характеристику предмета, которое выделяется словосочетанием как целым в качестве вида определяемого существительного.

Изложенное выше понимание качественности относительного признака выражается в том, что качество есть внутренняя принадлежность предмета, обладающего соответствующим качеством [Павлов, с. 35]. Вместе с тем предметное отношение определяемого само по себе - не качество, а признак предмета, имеющий внешний признак. В рассматриваемых нами типах словосочетаний это внешнее отношение как бы преобразуется во внутреннее отношение благодаря тому, что словосочетания в единстве его состава выражают видовую характеристику класса явлений, которые выделяются из более широкого класса как особой его разновидностью. Складывающееся таким образом обобщение, потребность, в котором, по мнению В.М. Павлова, “обуславливается социальной жизнедеятельностью людей, вбирает предметно-относительный атрибут... вовнутрь своих границ, притом вместе с надстраивающимся на фундаменте предметно-относительной связи знанием прочих отличительных признаков предмета, именем которого становится словосочетание” [Павлов, с.35]. Совокупность свойств данного предмета составляет его качественную определенность.

Словосочетания рассматриваемого типа могут образовывать переход от свободных словосочетаний к устойчивым словосочетаниям, например, калм. *улан* “красный” - *улан хорха* “дождевой червь” - *улан шавр* “глина” - *улан мөңгн* “медная монета” - *улан хол* “пищевод”; *цаһан* “белый” - *цаһан чолун* “белый кварц” - *цаһан шавр* “известь” - *цаһан буудя* “рис” - *цаһан хорха* “ленточный глист” - *цаһан хорһлжн* “олово”; *шар* “желтый” - *шар шовун* “филин” - *шар тосн* “топленое масло”; *хар* “черный” - *хар модн* “дуб”; *улан* “красный” - *улан арк* “виноградное вино”; *цаһан* “белый” - *цаһан махн* “прямая кишка” - *цаһан санан* “добрая мысль”; *хар* “черный” - *хар санан* “коварная мысль”, *халун* “горячий” - *халун сав* “термос”. Двойственность, внутреннее противоречие состоит в том, что здесь в составе и структуре языкового образования эксплицитно представлено взаимопереплетение синтактико-аналитического и лексемно-аналитического принципов формирования и функционирования языковых единиц, использования в речи индивидуальных составных номинативных знаков, которые образованы по определенной модели.

Синтактико-аналитическая сторона выступает на первый план, когда, например, калм. *улан хорха*, *улан шавр*, *улан хол* (см. переводы выше) соотносится со словами *хорха*, *шавр*, *хол* вообще; в данной плоскости связей, при переходе от рода к виду актуально осуществляется выделение и атрибуция предмету его видовой характеристики. Словосочетание такого рода с его лексемно-аналитической стороны используется как готовое средство номинации предмета определенного типа для его точного обозначения, особенно в ситуации, где не исключен выбор из нескольких предметов, которые принадлежат разным видам одного рода, например, типа калм. *хар* “черный” - *хар усн* “родниковая вода” - *хар күчн* “насилие” - *хар салькн* “сильный ветер” - *хар өрлэ* “рассвет” - *хар эрк* “водка” - *хар зүркн* “свирепый” - *хар мөр* “зло” - *хар зуд* “беда, бескормица”, *хар келн* “сглаз” - *улан* “красный” - *улан һар* “пустая рука” - *улан махн* “голое тело”, *улан көл* - “босиком”.

Относительные прилагательные со своей словообразовательной моделью и качественные прилагательные со значением свойства и оценки находятся во взаимодействии друг с другом. Прилагательные с общеотносительным значением, построенные по моделям, могут переходить к выражению качеств-свойств с оценочным значением - в этом и проявляются особенности полевого типа системы языка.

У относительных прилагательных появляется значение качества-свойства: на базе предметного отношения имеет место перенос на определяемое каких-то свойств, характерных для предмета, обозначаемого основой прилагательного. Типичное для субстанции- атрибута выступает как типичное же для определяемой этим атрибутом субстанции. Это и является одним из проявлений этого свойства, как пишет М.Н. Орловская: “Вместо притяжательных прилагательных в монгольских языках ...употребляются имена существительные в форме родительного падежа” [Орловская 1999, с. 55]. Так, например, *нохан кевтр* “собачья конура”, или “конура собаки”, с точки зрения онтологии *ноха* “собачья” или “собаки”, - не субстанция, а качество-свойство, и не ей принадлежит субстанция *кевтр* “конура”, а *нохан* принадлежит субстанции *кевтр*: качество определяется своей принадлежностью некоему предмету и через эту принадлежность идет конкретизация.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ КАК ПЛАСТ ЛЕКСИКИ

Имя числительное в калмыцком языке - это класс однозначных слов, обозначающих число, количество и связанные с ним мыслительные катего-

рии порядка при счете, кратности, собирательности. В соответствии с этими значениями выделяются различные разряды числительных: количественные, порядковые, собирательные, разделительные, кратные, дробные, приближительные, неопределенные.

Понятие числа находит отражение в количественных числительных, образующих ядро, вокруг которого группируются другие разряды числительных, обозначающих отвлеченный результат счета. В структурном отношении количественные числительные можно разделить на простые и сложные. К простым относятся числительные, состоящие из одного корня, например, *негн* “один”, *хойр* «два», *хурвн* “три”, *дөрвн* “четыре”, *тавн* “пять”, *зурһан* “шесть”, *долан* “семь”, *наамн* “восемь”, *йисн*, “девять”, *арвн* “десять”, *хөрн* “двадцать”, *гучн* “тридцать”, *дөчн*, “сорок”, *тавн* “пятьдесят”, *жирн* “шестьдесят”, *далн* “семьдесят”, *найн* “восемьдесят”, *йирн* “девяносто”, *зун* “сто”.

К сложным числительным относятся числительные, состоящие из сочетания двух и более основ по модели: *арвн* “десять + единица первого десятка”, например, *арвн негн* «одиннадцать», *арвн хойр* «двенадцать», *арвн хурвн* «тринадцать», *арвн дөрвн* «четырнадцать», *арвн тавн* «пятнадцать», *арвн зурһан* «шестнадцать», *арвн долан* «семнадцать», *арвн наамн* «восемнадцать», *арвн йисн* «девятнадцать». Количественные числительные второго, третьего, четвертого, и последующих десятков образуются по аналогии с числительными первого десятка, например, *хөрн негн* «двадцать один», *хөрн хойр* «двадцать два», *хөрн хурвн* «двадцать три», *хөрн дөрвн* «двадцать четыре», *хөрн тавн* «двадцать пять», *хөрн зурһан* «двадцать шесть», *хөрн долан* «двадцать семь», *хөрн наамн* «двадцать восемь», *хөрн йисн* «двадцать девять».

Калмыцкий язык очень богат своими формами числительных и разрядами числительных. Для обозначения чисел более высокого порядка калмыки пользовались числительными, заимствованными из тибетского и санскритского языков. Ср.: *түмн* / *арвн миңһн* “десять тысяч”; *бум* / *зун миңһн* “сто тысяч”; *живаа* / *арвн сай* “десять миллионов”; *дуңшур* / *зун сай* “сто миллионов”. От этого типа числительных не могут образовываться другие разряды числительных.

Характерной особенностью калмыцких простых числительных, оканчивающихся на неустойчивый *-н*, является то, что они в сочетании с другими числительными не утрачивают конечный *-н*, исключение составляет числи-

тельное *негн* “один”, которое при обозначении количества сотен, тысяч в сложных количественных числительных утрачивает *-н*, например, *нег миңһн* “одна тысяча”.

Что касается склонения количественных числительных калмыцкого языка, то они, как и существительные, в некоторых падежах восстанавливают скрытый *-н*, в других употребляются без этого *-н*, например: им. пад. *һурвн* «три»; род. пад. *һурвна* «трёх», дат.-м. пад. *һурвнд* «трём»; вин. пад. *һурвыг* «трёх»; оруд. пад. *һурва* «тремя»; соед. пад. *һурвнла* «с тремя»; совм. пад. *һурвнта* «с тремя»; исх. пад. *һурвнас* «от трёх»; напр. пад. *һурвнур* «к троим»

Вообще, когда количественные числительные выражают понятие отвлеченного числа, они уподобляются именам существительным и могут принимать аффиксы падежа, числа, принадлежности, которые свойственны субстантивам. При этом количественные числительные могут быть теми же членами предложения, что и существительные. При этом количественное числительное, употребляясь в роли подлежащего, могут принимать притяжательные частицы, например: *Негнь тохан чига торха болад зогсв* “Один из них представился карликом с локоток”.

Выступая в качестве определения, количественные числительные употребляются в полной основе с *-н*, как и существительные. Способом синтаксической связи является примыкание. Ср. *булһн* “соболь”, но *булһн махла* “соболя шапка” и аналогично числительное, например, *һурвн* “три”, но *һурвн хөн* “три овцы”: *Би тер һурвыг үзв* “Я видел тех трёх”, но *Би һурвн хөөг үзв* “Я видел трёх овец”. Ещё примеры: *долан хонга болзг* “недельный срок”, *зун найн миңһн километр* “триста восемьдесят тысяч километров”.

В качестве дополнения количественное числительное может принимать формы косвенных падежей, например, *Хөриг хойрт хувахла - арвн* “Двадцать разделить на два - десять”.

Количественное числительное в качестве обстоятельства могут употребляться в форме орудного падежа без *-н*, например, *Нег метринь тавар авув* “Купил метр за десять рублей”.

Выступая в качестве сказуемого, количественное числительное всегда теряет конечный *-н*, например, *Бадм дөрвдчкнь* “Бадма - четвертый”.

Одним из характерных признаков количественных числительных в калмыцком языке является то, что они не имеют категорию грамматического числа. Категория числа заложена в самой основе, но принимать показатели множественности они могут тогда, когда субстантивируются; ср. например,

хасг «казах, казахи», но *хасгуд* «казахи». От числительных не образуются другие части речи. В калмыцком языке названия некоторых племён связано с числительными, например, *дөрвд* «дербеты» связано с *дөрвн* «четыре».

Порядковые числительные обозначают порядковые номера, присваиваемые предметам или явлениям при счёте и располагаются в естественном числовом порядке. Эта последовательность предметов осознаётся как их признак, и с этой точки зрения, по мнению Н.К. Дмитриева, «порядковые числительные приближаются к категории прилагательных» [1956, с. 94].

Порядковые числительные в калмыцком языке оформляются двумя вариантами аффиксов, например, *дгч*, *-двар/двар*. Существуют параллельно: *негдгч* ~ *негдвар* «первый», *хойрдгч* ~ *хойрдвар* «второй», *хурвдгч* ~ *хурвдвар* «третий», *дөрвдгч* ~ *дөрвдвар* «четвёртый», *тавдгч* ~ *тавдвар* «пятый», *зурһадгч* ~ *зурһадвар* «шестой», *доладгч* ~ *доладвар* «седьмой», *йисдгч* ~ *йисдвар* «девятый», *арвдгч* ~ *арвдвар* «десятый».

Порядковые числительные в предложении, как правило, выступают в качестве определения к существительному, например, *арвдгч класс чилэв*, «окончил десятый класс»; возможно употребление в функции дополнения и подлежащего, например, *Хойрдгчдан керлдсн* «Во второй раз поссорились», *Дарунь - хойрдгчнь босад һарв* «Тут же поднялся второй и ушёл».

Некоторые порядковые числительные в калмыцком языке имеют синонимы. Так, синонимами числительного «первый» в определенных случаях являются слова типа *терүн*, *хамгин терүн*, *эки терүн*, *терүн даруд*, *дав дер*. Эти слова могут заменять числительное «первый» только тогда, когда оно употребляется в функции определения. При этом они имеют различные семантические оттенки.

Следует отметить, что в отдельных словах при образовании порядковых числительных в калмыцком языке можно обнаружить корень слова, который является историческим. Так, например, кроме обычной формы типа монг. *гуравдугаар* «третий», *дөрөвдүгээр* «четвертый» встречаются слова *гутгаар*, *дөтгдөр* с теми же значениями. В этом случае **гу-*, **дө-* являются историческими корнями числительных *γurban* «три», *dörben* «четыре». Эти краткие формы часто встречаются в письменной речи. М.Н. Орловская пишет, что в древнем языке «от числительного *qurban/γurban* «три», кроме его порядковой формы: *γurbaduγar* употреблялись и формы *qutu'ar* ~ *quta'ar*, *γutuγar*, *γuduγar*, *γudayar*. От *dörben* «четыре» были формы: *dörbedüger*, *dötü'er*, *dötüiger*» [1974, с. 69].

Собирательные числительные обозначают совокупность предметов по количеству составляющих ее единиц. Они образуются от усеченных основ количественных числительных с помощью присоединения следующих аффиксов: -ули/-үли, -лули/-лүли. Примеры: *негүли* «только один», *хоюулан* «вдвоем», *хурвули* «втроем», *дөрвүли* «вчетвером», *тавули* «впятером»,

Зурһалули «вшестером», *долалули* «всемером», *наамүли* «ввосьмером», *йисүли* «вдевятином», *арвули* «вдесятером».

Собирательные числительные склоняются как имена существительные и могут подобно им принимать лично-притяжательные и безлично-притяжательные частицы, например, *хурвуланднь* «всем троим».

В предложении собирательное числительное может быть подлежащим, например: *Ода хоюри һарад йовухав* «Сейчас вдвоем поехали», сказуемым - *Амн-нурһи зурһалули* «Шейных позвонков - шесть», дополнением - *хурвалань авад һарв* «Троих он вынес», обстоятельством - *Биди хоюри хол биш одхм* «Вдвоем пойдем недалеко».

Разделительные числительные используются для обозначения количественно однородных групп, на которые распределено данное множество. Данная группа числительных представляет собой атрибутивно-обстоятельственные формы, образующиеся посредством следующих аффиксов -ад/-ад. При присоединении этих аффиксов у основы выпадает конечный -н, например, *хурвадд* «по три» от общемонгольской формы *γurban* «три»; *дөрвад* «по четыре» от общемонгольской формы *dörben* «четыре».

При образовании разделительных числительных *нежад* «по одному» от общемонгольской основы *nigen*; *хошад* «по два» от общемонгольской основы *qoyar* «два» выпадают конечные согласные -н, -р. Примеры: *nije-//nijie-*, *qoyo-//qoe-*. *nijiel sumut ququlutqun* [СС, §19] «сломал по одной стреле», *tere nijiel sumut metü* [СС, §22] «подобно стрелам жить поодиночке», стп.-м. *nij eged* [А.Т., §166] «по одному» [там же].

Калмыцкий язык для оформления разделительных числительных использует удвоение основы того же разделительного числительного, где второй компонент стоит в форме орудного падежа, например, *хошад-хошадар* «по два».

Повторение одних и тех же чисел, следующих друг за другом, передает одинаковое, равномерное распределение предметов по группам, что указывает на многократность такого распределения, например, *хошад-хурвад* «по два-три» или *хошад, хурвадар* «по двое, трое».

Разделительные числительные изменяются по падежам и могут принимать лично-притяжательные частицы, как количественные числительные. В предложении выполняют функцию обстоятельственных слов.

Кратные числительные обозначают количество повторений некоторого действия или явления, как правило, ограничены первым десятком чисел и образуются в калмыцком языке с помощью специального слова типа *дакж* в значении “раз, крат”. В предложении кратные числительные обычно выполняют функцию обстоятельства, например, *хойр дакж сурв* “дважды спросил”. Этот разряд числительных в грамматиках монгольских языков обычно не выделяется, за исключением академической грамматики современного монгольского языка [1997], хотя кратность выражается во всех монгольских языках. По своей функции этот разряд приближается к наречиям. Для числительных вообще характерно выступление в функции существительных, прилагательных, наречий, так что это не должно быть препятствием для выделения кратных числительных в калмыцком, тем более имеются специальные слова для образования этих числительных.

Дробные числительные обозначают дробные величины и являются всегда компонентами: количественное числительное + порядковое числительное в форме родительного падежа. Компонент в форме родительного падежа всегда препозитивен, например, *хоосн бүкл миңһнә зун арвн хойр* “Ноль целых сто двенадцать тысячных”. Кроме того, в калмыцком языке встречаются слова, которые по своему употреблению идентичны дробным числительным, например, *өрал*, *дундур* “половина”, *күсдундур* “полторы”, *дөрвнә* “четверть” и образуются сочетанием двух количественных числительных.

Дробные числительные склоняются как количественные числительные, при этом изменяется вторая часть компонента, а первая часть остается без изменений - в форме родительного падежа.

Числительные приблизительного счета обозначают приблизительно, примерное, точно не подсчитанное количество предметов и образуются с помощью присоединения к количественным числительным, обозначающим только целые десятки тех же аффиксов, которые образуют разделительные числительные, *-ад/әд*: *жирәд* “около шестидесяти”.

В калмыцком языке приблизительность количества выражается также повторением разных числительных, при котором наименование меньшего числа ставится перед наименованием большего числа, например, *тавн-зурһан хонг* “пять-шесть дней”. Количественные и разделительные числительные, сочетаясь с послелогоми, например, *шаху* “около”, *һар* “более”,

выступают в значении приблизительных числительных. Примеры: *долан шаху* “более семи”, *дал һар* “более семидесяти”.

Неопределённые числительные выражают неопределённое число и несоотносимы в морфологическом плане ни с порядковыми, ни с собирательными числительными. Способность человека оперировать приблизительными множествами находит отражение в том, что к определённо-количественным числительным примыкает группа слов, обозначающих неопределённые количества, например, *олн*, *кесг* “много”, *дала* “очень много”, *цөн*, *цөөкн* “несколько”, “немного”. Неопределённые числительные могут сочетаться с усилительными словами, например, *дегд олн* “очень много”.

Итак, имена числительные в калмыцком языке обладают специфическим набором грамматических свойств, позволяющим выделять их как особую знаменательную часть речи. В основе числительных лежит их особое отношение к грамматическому числу. Числительное, выражая понятие числа, не может соотноситься с грамматической категорией числа. Числительное не может принимать аффиксы множественности. Лексическое значение числительного связывается с понятием множества. Числительные могут сочетаться с именами существительными и обозначать считаемые предметы. Характерной особенностью калмыцких числительных является изменение по падежам. В современном калмыцком языке функционирует десятиричная система, в основе которой лежат десять пальцев и, по всей видимости, люди учились считать, то есть производить первые арифметические действия. Зафиксированы факты, когда счёт в калмыцком языке начинается с большого пальца. Ср. у русских принято начинать счет с мизинца. Также счёт осуществляется у калмыков путём использования локтя с запястьем.

НАРЕЧИЯ КАК ПЛАСТ ЛЕКСИКИ

Хотя считается, что наречие как часть речи как в калмыцком языке, так и в других монгольских языках слабо выделено специальными наречными словообразовательными аффиксами [Дондуков 1964, с. 114-115], все же и в них развились показатели, дифференцирующие эту часть речи от прилагательных, существительных, числительных и глаголов. Показателей этих относительно немного. Попытаемся ниже рассмотреть это положение, опираясь на материал по наречиям из нижеудинского говора бурятского языка, говора уникального, мало известного широкому кругу монголистов. При

этом фактический материал по нижнеудинскому говору почерпнут нами из работ А.А. Дарбеевой [1978] и В.И. Рассадина [1999], по литературному бурятскому языку взят из монографии У.-Ж. Дондукова [1964] и «Грамматики бурятского языка» [1962] и «Бурятско-русского словаря» К.М. Черемисова [1973], по калмыцкому языку из «Грамматики калмыцкого языка» [1983] и «Калмыцко-русского словаря» [1977], по халха-монгольскому языку из исследования М.Н. Орловской [1974] и «Монгольско-русского словаря» [1957], по старописьменному монгольскому языку из словаря О. Ковалевского [1849].

Среди рассмотренных ниже наречных словообразовательных аффиксов прежде всего можно выделить ряд омертвелых аффиксов, не образующих ныне новых наречий. Это аффиксы:

-на/-нэ/-но (лит.-бур., х.-монг. -на/-нэ/-но, калм. -н, стп.-м. -на); образовал обстоятельственные наречия места со значением местонахождения, например: *няана* - по эту сторону, ближе сюда, здесь поближе, чуть ближе здесь (< **няа* - пространство по эту сторону чего-л., ср. калм. *на* - на этой стороне, ближе, сюда, лит.-бур., х.-монг. *наана*, стп.-м. *naṇaṇ-a* - id.); *саана* - по ту сторону, сзади, за (< **саа* - пространство по ту сторону чего-л., ср. калм. *ца*, лит.-бур. *саана*, х.-монг. *цаана*, стп.-м. *ṣaṇaṇ-a* - по ту сторону, сзади, за); *койно* - позади, сзади (< **кой* - пространство сзади, позади, ср. лит.-бур., х.-монг. *хойно*, калм. *хөөн*, стп.-м. *qoyin-a* - позади, сзади; после); подробнее об этом аффиксе см.: [Дондуков 1964, с. 115; 9, с. 185-186];

-ра/-рэ/-ро/-рө (лит.-бур. -ра/-рэ/-ро, х.-монг., калм. -р, стп.-м. -га/-ге); образовал обстоятельственные наречия места со значением местонахождения, например: *доро* - внизу (< **до~доо* - пространство внизу, внутри, ср. *доо* + *ио* - вниз, *доо* + *гуур* - низом, *доо* + *до* - нижний, *до* + *тор* - внутренность, ср. в других монгольских языках: лит.-бур. *доро*, *дооро*, х.-монг., калм. *дор*, стп.-м. *doru*, *dour-a* - внизу, ниже); *дээрэ~дээр* - 1) наверху; выше; 2) лучше (< **дээ* - пространство наверху, ср. *дээ* + *шэ* - вверх, *дээ* + *гүүр* - верхом, поверху, *дээ* + *дэ* - верхний, ср. в других монгольских языках: лит.-бур. *дээрэ*, х.-монг. *дээр*, калм. *деер*, стп.-м. *deger-e* - 1) наверху; выше; 2) лучше); об этом аффиксе см.: [Дондуков 1964, с. 115];

-ша/-шэ/-шо/-шө (лит.-бур. -ша/-шэ/-шо, х.-монг. -ш, стп.-м. -ši); образовал обстоятельственные наречия со значением направления движения или другого действия, например: *няаша* - сюда (< **няа*), ср. лит.-бур. *нааша*, х.-монг. *нааш*, *найш*, стп.-м. *naši*, *inaṣhi* - id.; *сааша* - туда (< **саа*), ср. лит.-бур. *сааша*, х.-монг. *цааш*, *цайш*, стп.-м. *ṣaši*, *ṣinaṣhi* - id.; *койшо* - 1) назад; 2) на запад (< **кой* - пространство сзади), ср. лит.-бур. *хойшо*, х.-монг. *хойш*, стп.-

м. *qoyiši* - 1) назад; 2) на север; *дээшэ~дээш* - вверх, навверх (< **дээ*), ср. лит.-бур. *дээшэ*, х.-монг. *дээш*, стп.-м. *degeši* - id.; *доошо~доош* - вниз (< **доо*), ср. лит.-бур. *доошо*, х.-монг. *доош*, стп.-м. *doruyši, doyuuyši* - id.; подробнее об этом аффиксе см.: [Дондуков 1964, с. 115; 9, с. 186; 12, с.109-110];

-гуур/-гүүр (лит.-бур., х.-монг. -гуур/-гүүр, калм. -hур/-гүр, стп.-м. -yиг/-gür); образовал наречия места со значением транзитива в пространстве и времени, например: *доогуур* - низом, понизу, под чем-л. (< **доо*), ср. лит.-бур., х.-монг. *доогуур*, стп.-м. *douyur, doyuuyur* - id.; *дороогуур* - низом, понизу, под чем-л. (< *доро* - внизу, под), ср. калм. *dorahur* - в, под; понизу, низом, низко; *дээгүүр* - вверх; верхом, поверху; над, на; через (< **дээ*), ср. лит.-бур., х.-монг. *дээгүүр*, калм. *деегүр*, стп.-м. *degegür* - id.; *койгуур* - 1) сзади, позади, вслед за...; 2) на западе, западнее (< **кой*), ср. лит.-бур., х.-монг. *хойгуур*, стп.-м. *qoyıyur* - 1) сзади, позади, вслед за...; 2) на севере, севернее; *няагуур* - этим местом, здесь ближе (< **няа*), ср. лит.-бур., х.-монг. *наагуур*, калм. *нааһар*, стп.-м. *науауир* - по этой стороне, здесь ближе; *саагуур* - там подальше, тем местом; за, позади чего-л. (< **саа*), ср. лит.-бур. *саагуур*, х.-монг. *цаагуур*, калм. *цааһур*, стп.-м. *ᠰауауир* - тем местом, той стороной, за, позади чего-л.; *үглээгүүр* - утром, поутру (< *үглээ* - утро), ср. лит.-бур. *үглөөгүүр*, х.-монг. *өглөөгүүр*, стп.-м. *örlügegür* - утром, поутру; подробнее об этом аффиксе см.: [Дондуков 1964, с. 115; 9, с. 186; 12, с. 110-111].

Этими показателями в общем-то, пожалуй, и исчерпывается набор чисто наречных аффиксов. Есть, правда, еще пара показателей, но она образовала буквально единичные слова. Это: *олонто* - много раз, многожды (< *олон* - много; многие), здесь вычленяется показатель -та/-тэ/-то, который представлен и в других монгольских языках, ср. лит.-бур. *олонто*, х.-монг. *олонт*, стп.-м. *olanta* - id. (этот аффикс совпадает с обшемонгольским аффиксом кратного числ ительного -та/-тэ/-то); *һааса* - хорошо (< *һаан* - хороший), ср. лит.-бур. *һайса* - id.; *һаакаса* - хорошенько (< *һаакан* - 1) хорошенький; 2) красивый), ср. лит.-бур. *һайсахан* - id.; *мууса* - плохо (< *муу* - плохой), ср. лит.-бур. *мууса* - id., здесь вычленяется показатель -са/-сэ/-со, не имеющий аналогов в монгольских языках.

Сопоставительный материал показывает, что все приведенные выше производные наречия и их показатели являются обшемонгольскими, за исключением аффикса -са, который встречается лишь в бурятском языке и его говорах. Его праформу можно восстановить в виде *-ᠰа, который совпадает и внешне и по содержанию с общетюркским аффиксом наречия образа действия, уподобления и т. п. -ᠰа, широко представленным не только в современных тюркских языках, но и в древнетюркском [Кононов 1980, с. 136-137].

Видимо, данный аффикс в бурятском языке - след прошлого влияния тюркских языков на бурятский.

Как можно видеть из представленного материала, не все из приведенных выше наречий равномерно представлены в монгольских языках. Есть такие, которые бытуют главным образом в восточных монгольских языках и их нет в калмыцком, как например, *няана, саана, няаша, сааша, койшо, доошо, дэ-эшэ*, с другой же стороны, имеются наречия, хотя и единичные, которые отсутствуют во всех восточных монгольских языках, в том числе и в литературном бурятском, но фиксируются в нижеудинском говоре и калмыцком языке, как например, бур.НУ *дороогоур* = калм. *дораһур* - низом, понизу, под чем-л. Это лишний раз подтверждает самостоятельные связи нижеудинского бурятского говора с ойратским языковым миром.

Помимо разобранных выше сугубо наречных аффиксов, при помощи которых в бурятском языке и его говорах образован ряд наречий, следует отметить, что производство наречий осуществляется и при помощи процесса адвербиализации различных грамматических форм, в частности падежных. При этом выявились следующие варианты.

Наиболее активным в этом отношении оказался орудный падеж с показателем *-аар/-ээр/-оор/-өөр*, *-йаар/-йээр/-йоор/-йөөр* - общемонгольским аффиксом, при помощи которого в говоре образовалось множество наречий образа действия от именных основ. При этом примерами наречий, образованных от имен существительных могут послужить такие словоформы, как *энээрээ~нээрээ* - верно, в самом деле, вправду (< *үнэн* - правда), ср. лит.-бур. *үнээрээ, үнэхөөр, нээрээ*, х.-монг. *үнээр, үнээрээ, үнээрээн, үнэхээр, нээрээ*, калм. *үнэр*, стп.-м. *üner, üner-e, üneker, negeren* - в действительности, действительно, в самом деле, вправду; *буряаһаар~баряаһаар~баряар* - по-бурятски (< *бурят~барят* - бурят); *мангадаар~мангаһаар~мангаар* - по-русски (< *мангат* - русский). Особенно много наречий этот падеж образовал, присоединившись к прилагательным. В этом случае по функции он приближается к наречным аффиксам. С его помощью, часто с добавлением безличного притяжания, от прилагательных в говоре образованы такие наречия образа действия, как *эглаар* - медленно (< *эгл* - медленный; ср. лит.-бур. *ааляар* - тихо, медленно < *аалин* - тихий, негромкий, х.-монг. *ааль* - медленно, тихо, не спеша); *бэркээр* - сильно, здорово (< *бэркэ* - сильный, здоровый); *гаксаараа* - в одиночестве, одиноко (< *гакса* - одинокий, один); *катуугаар* - крепко (< *катуу* - крепкий, твердый); *ондоогоор* - иначе, по-другому (< *ондоо* - иной, другой); *таамгайаар* - приблизительно, наугад (< *таамгай* - приблизительный; приблизительно < *таа* = - угадывать); *түбһөөр* - всяко,

всяко-разно (< *түбнэн* - всякий, разный); *шингаар* - сильно; крепко; громко (< *шинга* - сильный; крепкий; громкий). Иногда в говоре сосуществуют два варианта этой падежной формы, когда исходная основа употребляется с сохранением конечного -н и без него. Ср. например, форму *түргэнээр* - быстро, скоро, вскорости (< *түргэн* - быстрый, скорый), которая совпадает с лит.-бур. *түргэнөөр* - быстро, скоро, и форму *түргөөр~түргээр* - быстро, скоро, которая имеет свою параллель лишь в калмыцком языке, где обычна форма *түргэр* - быстро, скоро (< калм. *түргн* - быстрый, скорый). В халха-монгольском языке в данном случае используется в обстоятельственной функции чистая основа *түргэн*, означающая «1) быстрый, скорый; 2) быстро, скоро», поскольку здесь формы производных качественных прилагательных обычно синкретичны и выступают в функциях как адвербов, так и адъективов. Подробнее о наречных функциях орудного падежа в монгольских языках см.: [Дондуков 1964, с. 116-117; 9, с. 191].

Из других падежей в наречной функции активны:

а) дательно-местно-временной с показателями -да/-дэ/-до/-дө, -та/-тэ/-то/-тө (иногда с добавлением безличного притяжания -аа/-ээ/-оо/-өө) - общемонгольский аффикс, образовал в говоре наречия места и времени типа *урда* - 1) впереди; 2) прежде, раньше в старину (< **ури* - пространство впереди), *закада* - рядом, возле (< *зака* - 1) край; 2) воротник), *гэнтэ* - вдруг, неожиданно (ср. лит.-бур. *гэнэ* - неожиданность), *гэртээ* - 1) дома; 2) домой (< *гэр* - дом, юрта), *йэкэдэ* - сильно, громко; очень (< *йэкэ* - 1) большой; 2) очень), *тиикэдэ* - тогда, в то время (напр., *тиикэдэ буу боз бээгаа* - тогда (в то время) ружей не было; < *тиикэ* - причастие будущего времени глагола *тии*= - так делать; так происходить), *түрүүндээ* - прежде, раньше (< *түрүүн* - прежде, раньше), *үдэртөө* - днем (< *үдэр* - день);

б) исходный падеж с показателями -haa/-hээ/-hoo/-hөө, -ha/-hэ/-ho/-hө, -aa/-ээ/-оо/-өө, например: *койноонь* - позади него, за ним (< *койно* - сзади, позади), *урдаһаам~урдаам* - навстречу мне (< *урда* - впереди);

в) родительный падеж с показателями -газ/-аз/-ээ/-ээ, например: *уряэ~урээ* - прежде, раньше (< **ури*), *тоонээ* - почти (< *тоон~тоо* - число).

Встречаются также наречия, образованные за счет адвербиализации деепричастий, главным образом соединительного на -жа..., например: *йэдааж* - едва, еле-еле, насилу (< *йадажа* < *йада*= - не мочь), *датиж* - снова, опять (< *датижа* < *дати*= - повторять).

Таким образом, анализ аффиксальной словообразовательной системы наречий калмыцкого языка и других монгольских языков показал, что она в общем и целом представляет собой общемонгольский тип, сложившийся, по

всей вероятности, еще в общемонгольское время. Обогатился он за счет включения в общемонгольском масштабе тюркского наречного аффикса *-џа*, активизации орудного и родительного падежей в наречной функции.

ГЛАГОЛЫ КАК ПЛАСТ ЛЕКСИКИ

Калмыцкий язык, как и другие монгольские языки, как известно, характеризуются наличием особой группы слов, которые, употребляясь вместе с некоторыми глаголами, изменяют их значение, приближаясь в ряде случаев к функции русских глагольных приставок. Речь идет о таких словах, как; например, монг. *суга* в сложных глаголах *суга татах* 'выхватить, выдернуть', *суга цохих* 'выбить, вышибить'; *хага* – в *хага цохих* 'разбить, разломить ударом'; *цоо* – в *цоо цохих* 'пробить, продырявить' и т.п., которым в бурятском языке соответствуют *хуга татаха*, *хуга сохихо*, *хаха сохихо*, *соо сохихо*; в калмыцком – *суһ татх*, *суһ цокх*, *хah цокх*, *цоо цокх*; в старописьменном монгольском – *сууи татақи*, *сууи цокіқи*, *qaya цокіқи*, *цoуи цокіқи*.

Разными исследователями эти слова квалифицируются по-разному. Так, Б.Х.Тодаева в современном монгольском языке относит их к наречиям образа действия, входящим в состав сложных глаголов как их неотделимая часть, например: *мулт татах* 'вырвать, выдернуть', *бут ниргэх* 'разгромить', *хамх цохих* 'разбить' [1951, с. 155-156]. Монголоеды Монголии тоже считают их наречиями образа действия [Орчин цагийн..., с. 185]. Однако в монгольско-русском словаре [1957] подобные слова определяются как усилительные частицы при глаголах.

В калмыцком языке Г.Д. Санжеев считал их наречиями образа действия, которые «в основном показывают усиление того или иного действия и не всегда могут быть удачно переведены на русский язык вне контекста» [1940, с. 61]. В.Л. Котвич же рассматривал эти слова среди междометий [1915, с. 148]. В калмыцко-русском словаре [1977] они квалифицируются как частицы, например: *суһ* – частица усиления для выражения быстроты или резкости действия, *хамх* – частица усиления при глаголах, часто соответствующая русской приставке *раз-*.

В грамматике бурятского языка данные лексемы определяются как наречия образа действия, «употребляющиеся с глаголами и в переводе отдельно не передающиеся, например: *хамха сохихо* 'отломить', *халба һүрэхэ* 'отскокить в сторону', *ходо харбаха* 'прострелить', *хаха сабшаха* 'разрубать, рассекать...' [Грамматика бурятского языка...1962, с. 293]. К.М. Черемисов

[1973] относит их к усилительным частицам, как это принято и в прочих словарях монгольских языков.

Из современных монгольских языков, пожалуй, только в бурятском языке широко представлен, кроме того, особый тип этих так называемых наречий образа действия, которые отличаются от рассматриваемых слов лишь формантом *-ра*, *-ро*, *-рэ*: *хугара* (< *хуга*), *хахара* (< *хаха*), *сооро* (< *соо*), *задара* (< *зада*) и т.п. К.М.Черемисов тоже считает их частицами усиления при глаголах [1973]. Грамматика бурятского языка [1962, с. 293] рассматривает их как наречия, образованные от глаголов, выступающих в форме основы, например: *модоной халиһа хуура татаха* 'отдирать кору с дерева' от глагола *хуураха* 'отдираться, шелушиться', *үлтирэ бусалгаха* 'кипятить так, чтобы разварилось (мясо)' от *үлтирхэ* 'развариваться', *задара бариха* 'разломать', 'сломать' от *задарха* 'разваливаться' и т.п.

Но, по сути дела, этот формант *-ра*, *-ро*, *-рэ* представляет собой не что иное, как тот же показатель *-ра*, при помощи которого от рассматриваемых слов образуются непереходные глаголы во всех монгольских языках, что было подробно разобрано В.Л. Котвичем для калмыцкого языка [1915, с. 96-97]. Бурятские наречия типа *үлтирэ*, *задара* (при современных основах без конечного гласного – *үлтир-*, *задар-*) сохраняют, по-видимому, более древнее произношение соответствующих глагольных основ.

Л. Беше [1975] подробно исследовал эти своеобразные наречия, названные им превербами, или вербальными префиксами, в современных халха-монгольском, бурятском, ойратском, ордосском языках, в старописьменном монгольском языке и в языке «Сокровенного сказания монголов» [1966; 1968; 1969; 1970]. По его материалам, такой же, как и в бурятском языке, тип превербов, включающий формант *-ра*, был распространен и в языке «Сокровенного сказания монголов» [1969]. Единичные превербы этого типа отмечаются им также еще в языке халхасцев и калмыков. Но наиболее широко и последовательно представлен этот тип все же в бурятском языке, составляя его специфику.

По данным Л. Беше [1975], превербы в монгольских языках довольно многочисленны. Так, в халха-монгольском языке он выявил 49 превербов, в языке «Сокровенного сказания монголов» - 11, в языке монголов Ордоса - 15, в калмыцком языке - 31, в старописьменном монгольском языке - 12, но больше всего превербов в бурятском языке – 64. Если добавить сюда превербы-дериваты, осложненные показателем *-ра*, то число их в бурятском языке почти удвоится. Таким образом, в отношении количества превербов особо выделяются северные монгольские языки – бурятский, халха-монгольский и калмыцкий.

Монгольские превербы находят полную типологическую аналогию, по нашим материалам, и в тюркских языках, главным образом в сибирских - алтайском, шорском, хакасском, тувинском, тофаларском и якутском. В этих языках тоже широко употребляются составные глаголы, первым компонентом которых выступают особые слова-превербы, сообщающие глаголу выразителю основного действия дополнительные семантические оттенки, связанные либо с направленностью действия, либо с обстоятельством, способом протекания действия. Происходят эти превербы от формы слитного деепричастия на *-a/-e* от соответствующих глаголов. Некоторые из этих деепричастий при этом функционируют уже как настоящие наречия, другие же перешли в разряд послелогов.

Поскольку в тюркологии вопрос о превербах специально не изучался и даже не ставился, позволим себе здесь рассмотреть его более подробно.

В алтайском языке превербы не выделялись, лишь в разделе о слитном деепричастии Н.П. Дыренкова в грамматике ойротского (по новой терминологии, алтайского – В.Рассадин) языка, считая фактические превербы деепричастиями, пишет о них следующее: «Деепричастие на *-a ~ -e* определяет и уточняет действие спрягаемого глагола (по его результату), служа определением этого действия. Оно выражает силу или степень этого действия, количество, положение и направление действия. В этом положении оно приближается к русским наречиям (*как, каким образом, в каком количестве, в каком направлении*)» [1949, с. 135].

В словаре алтайского языка [1947] нами обнаружено много составных глаголов, переводимых русскими приставочными глаголами, и при этом превербы функционально соответствуют русским приставкам. По происхождению эти превербы являются деепричастиями на *-a/-e* частично от каузативных глаголов, частично от глаголов основного залога. Например: *ойо ат-* ‘прострелить’, *ойо кес-* ‘прорезать’ (*ойо* < *ой-* ‘выдалбливать’, ‘протыкать’, ‘пробивать’, *ат-* ‘стрелять’, *кес-* ‘резать’); *чыгара сур-* ‘выгнать’, *чыгара сок-* ‘выбить’ (*чыгара* < *чыгар-* каузатив от *чык-* ‘выйти наружу’, *сур-* ‘гнать’, *сок-* ‘бить’); *үзе тиште-* ‘откусить’, ‘перекусить’, *үзе чап-* ‘отсечь’, ‘перерубить’ (*үзе* < *үс-* ‘рвать’, ‘оторвать’, *тиште-* ‘кусать’, *чап-* ‘сечь, рубить’),

Превербы в шорском языке тоже не выделялись и специально не исследовались. Н.П. Дыренкова и здесь считает их слитными деепричастиями [1941, с. 158]. В русско-шорском словаре [1940] нам удалось найти много сочетаний превербов с глаголами, например: *шыгара көр-* ‘выглядывать’, *шыгара сур-* ‘выгнать’, *шыгара тарт-* ‘вытаскивать’ *шыгара учук-* ‘выле-

тать' (*шыгара* < *шыгар-* каузатив от *шык-* 'выйти наружу', *кӱр-* 'смотреть', *сӱр-* 'гнать', *тарт-* 'тянуть, тащить', *учук-* 'лететь'); *четыре кӱй-* 'догореть', *четыре учук-* 'долететь' (*четыре* < *четир-* каузатив от *чет-* 'достигать', *кӱй-* 'гореть'); *кезе шап-* 'разрубить' (*кезе* < *кес-* 'резать', *шап-* 'рубить'); *чаза тут-* 'разжимать' (*чаза* < *час-* 'расстилать', *тут-* 'держать'); *киире качыр-* 'загонять', *киире ташта-* 'закинуть' (*киире* < *киир-* каузатив от *кир-* 'входить внутрь', *качыр-* 'гнать', *ташта-* 'кидать').

Судя по данным словарей [1953; 1061], довольно развитой предстает система превербов и в хакасском языке. Исследователи хакасского языка слова подобного типа трактуют как наречия, образовавшиеся от слитных деепричастий [Грамматика хакасского языка, с. 240-241]. С их помощью хакасский язык семантически точно передает русские глагольные приставки. Так, приставкам *от-*, *пере-* соответствуют в некоторой мере превербы *үзе* (< *үс-* 'рвать') и *кизе* (< *кис-* 'резать'): *үзе тарт-* 'оторвать' (*тарт-* 'тянуть'), *үзе кирт-* 'перегрызть' (*кирт-* 'грызть'). *үзе ызыр-* 'перекусывать' (*ызыр-* 'кусать'), *кизе сап-* 'отрубить' (*сап-* 'рубить'); приставкам *рас-*, *раз-* соответствуют превербы *чая* (< *чай-* 'распространять'), *чаза* (< *час-* 'развертывать, растягивать') *чара* (< *чар-* 'колоть, раскалывать'): *чая таста-* 'раскидывать' (*таста-* 'кидать'), *чаза таста-*, *чаза тарт-* 'разворачивать, растягивать' (*тарт-* 'тянуть'), *чаза тут-* 'разжимать' (*тут-* 'держать'), *чара сап-* 'расколоть, разрубить, расщепить', *чара кис-* 'разрезать', *чара тарт-* 'разодрать, растерзать'.

На полную абстракцию, отвлечение от функции и значения деепричастия указывает употребление превербов, происшедших от каузативных глаголов, с медиальными глаголами, ср., например, в шорском *шыгара кӱр-* 'выглядывать'. в хакасском *сагара сегір-* 'выпрыгивать, выскакивать', *сыгара учух-* 'вылетать, улетать', *сыгара чыл-* 'выползать' (*сыгара* < *сыгар-* каузатив от *сых-* 'выходить наружу', *сегір-* 'прыгать', *учух-* 'лететь', *чыл-* 'ползать'); *кире чӱгүр-* 'вбегать', *кире түс-* 'вваливаться', *кире ах-* 'втекать' (*кире* < *кир-* каузатив от *кір-* 'входить внутрь', *чӱгүр-* 'бежать', *түс-* 'падать сверху', *ах-* 'течь'). Здесь нет направленности действия на объект или на другой субъект, так как субъект сам совершает действие для себя. Поэтому наличие показателя каузатива в превербе в данном случае свидетельствует о полной грамматикализации, превращении в чисто служебный элемент этой деепричастной в прошлом формы.

Совершенно аналогичную алтайскому, шорскому и хакасскому языкам картину мы наблюдаем в тувинском и тофаларском языках, в которых име-

ются однотипные по семантике, происхождению и функции превербы, выполняющие при значимых глаголах чисто служебную роль и вносящие в образуемые с их помощью составные глаголы различные семантические оттенки, связанные с направленностью действия, с его специфическим характером или способом протекания. Ср., например, сочетания превербов с глаголами в тувинском языке [Тувинско-русский словарь 1968]: *үзе шап-* ‘разрубить’, *үзе тырт-* ‘разрывать’ (*үзе* < *үс-* ‘оторвать», *шап-* ‘рубить, сечь’, *тырт-* ‘тянуть, тащить’); *чара бас-* ‘раздавить’, *чара кес-* ‘разрезать’ (*чара* < *чар-* ‘раскалывать, разделять’, *бас-* ‘давить сверху’, *кес-* ‘резать’); *чедир кыл-* ‘доделать’ (*чедир* < *чедир-* каузатив от *чет-* ‘достигать’, *кыл-* ‘делать’); *үндүр тырт-* ‘вытаскивать’, *үндүр ит-* ‘выталкивать’, *үндүр шап-* ‘выбить’ (*үндүр* < *үндүр-* каузатив от *үн-* ‘выходить наружу’, *ит-* ‘толкать’); *киир как-* ‘вбивать’, *киир тырт-* ‘втаскивать’, *киир бас-* ‘вдавливать’ (*киир* < *киир-* каузатив от *кир-* ‘входить внутрь’, *как-* ‘бить’); *чуура шап-* ‘раздробить, разбить’ (*чуура* < *чуур-* ‘раздробить, размельчить’); *чытшыр ит-* ‘придвигать’, *чытшыр тут-* ‘придерживать’ (*чытшыр* < *чытшыр-* ‘приклеивать, прилеплять’, *ит-* ‘толкать’ двигать’, *тут-* ‘держать’).

Примеры из тофаларского языка, взятые из наших полевых записей: *үзе тыгьрт-* ‘оторвать’, *үзе туьт-* ‘задушить’, *үзе каьк-* ‘убить ударом’, *үзе кеьс-* ‘перерезать’, *үзе эттэ-* ‘отсечь, отрубить’ (*үзе* < *үс-* ‘оторвать’, *тыгьрт-* ‘тянуть’, *туьт-* ‘держать’, *каьк-* ‘ударить’, *кеьс-* ‘резать’, *эттэ-* ‘бить’, ‘колотить’); *үндүрү тыгьрт-* ‘вытащить’, ‘выволочь’, *үндүрү сыбыр-* ‘выгнать’ (*үндүрү* < *үндүр-* каузатив от *үн-* ‘выходить наружу, сыбыр- ‘гнать’); *киирі тыгьрт-* ‘втащить, затащить’, *киирі шаг-* ‘вбивать’, ‘вколачивать’ (*киирі* < *киир-* каузатив от *кір-* ‘входить внутрь’, *шаг-* ‘бить’, ‘колотить’); *чыгьтшыры шары-* ‘прибинтовать’, *чыгьтшыры иьт-* ‘прижать’, ‘придвинуть’ (*чыгьтшыры* < *чыгьтшыр-* ‘приклеить’, ‘прилепить’, *иьт-* ‘пихать’, ‘толкать’, *шары-* ‘бинтовать’, ‘перевязывать’); *чуура эттэ-* ‘раздробить ударом’ (*чуура* < *чуур-* ‘раздробить’, ‘размельчить’, *эттэ-* ‘бить’, ‘колотить’).

Превербы имеются и в якутском языке, но трактуются они и в грамматике [Харитонов 1947, с.254] и в словаре [Якутско-русский словарь 1972] как наречия, которые, соединяясь с глаголами, либо означают интенсивность действия, либо придают действию дополнительную эмоциональную характеристику. Например: *үлтү түһэр-* ‘разбить вдребезги’, *үлтү кырбаа-* ‘сильно избить’ (*түһэр-* ‘уронить’, *кырбаа-* ‘бить’, ‘колотить’); *халты быс-* ‘резать’, *халты көр-* ‘скользнуть взглядом’ (*быс-* ‘резать’, *көр-* ‘смотреть’); *мүлтү бар-* ‘соскальзывать’ (*бар-* ‘пойти’); *тобулу түс-* ‘провалиться’, *то-*

булу *ас-* ‘проткнуть’, *тобулу үүн-* ‘прорасти’ (*тобулу* < *тобул-* ‘прорубать, протыкать’ *түс-* ‘падать’, *ас-* ‘вонзать’, *үүн-* ‘расти’); *быһа тарт-* ‘перервать’, *быһа ытыр-* ‘перекусить’, *быһа сиэ-* ‘переест (о ржавчине)» (*быһа* < *быс-* ‘резать», *тарт-* ‘тянуть, тащить’, *ытыр-* ‘кусать’, *сиэ-* ‘есть, кушать’); *тосту тарт-* ‘дернуть и сломать’, *тосту оғус-* ‘переломить ударом’ (*тосту* < *тоһун* ‘ломаться, переламываться’, *оғус-* ‘ударить’). При этом отдельные якутские поговорки не этимологизируются на тюркской почве и взяты, видимо, из монгольского языка, как, например, *халты*, *мүлтү*, передающие идею соскальзывания, действия вскользь (ср. монг. *халт*, *халти*, *мөлт*, бур. *халта*, *мүлтэ*, калм. *мөлт*, ст.-монг. *qaltu. mültü*); *үлтү*, передающее интенсивность действия (ср. монг. *үлт*, бур. *үлти*, ст.-монг. *ültü* ‘вдребезги’ [Bese 1975], и др. Кстати, поговорка *үлтү* как монголизм имеется и в тофаларском языке, например тоф. *үлтү боола-* ‘разбить вдребезги выстрелом’.

В других тюркских языках нет такой развитой системы поговорок, наблюдаемой в сибирских тюркских языках, которую мы попытались выше показать. В них употребительны аналитические конструкции, в которых основной глагол стоит в форме деепричастия на *-ын//-ин*, а направленность или способ действия передаются вспомогательными глаголами типа *кел-* ‘приходить’, *кет-* ‘уходить’, *чык-* ‘выходить’, *кир-* ‘входить’ и т.п. Ср., например, тат. *очып керде* ‘влетел’, *очыя чыкты* ‘вылетел’, *очып китте* ‘улетел’ (*оч-* ‘летать’).

Таким образом, специфику сибирских тюркских языков составляет наличие активной, системы поговорок, имеющих полную типологическую аналогию в монгольских языках.

Если для тюркских языков развитие поговорок из форм слитных деепричастий на *-а//е* от глаголов не вызывает сомнения, то в монгольских языках их происхождение неясно. Во всяком случае, на почве монгольских языков они не поддаются этимологизации и их следует считать условно-непроизводными основами.

Однако в связи, с выявлением аналогичной системы поговорок в тюркских языках хотелось бы предложить здесь расшифровку некоторых монгольских поговорок на тюркском материале. Л. Беше [1975] также сделал попытку этимологизировать некоторые монгольские поговорки, исходя из данных тюркских языков.

Ст.-монг. *jada*, монг., калм. *зад*, бур. *зада* ‘совсем разломать, развернуть, разобрать’ можно сопоставить с деепричастием **jada* от др.-тюрк. *jad-(jaj-, jas-, jaz-)* ‘распространять, раскладывать, расстилать’. В современных тюрк-

ских языках этому глаголу соответствуют, например, кирг. *жай-*, алт. *жай-*, хак. *чай-*, *час-*, шор. *чай-*, *час-*, тув. *чат-*, тоф. *чат-*. В сибирских тюркских языках от этого глагола зафиксированы превербы: хак., шор. *чая*, *чаза*, тув., тоф. *чада*, имеющие семантику раскидывания, разбрасывания, расстилания, распространения.

Ст.-монг. *qaya*, монг., орд. *хага*, калм. *хах*, бур. *хаха*, имеющие семантику раскалывания, раздробления, разбивания, сопоставимы с деепричастием **qaya* < **qaqa* от др.-тюрк. *qaq-* ‘бить, ударять, стучать’, широко распространенного в современных тюркских языках, например, кирг. *как-*, башк. *как-*, тат. *как-*, тув. *хак-*, тоф. *каък-*, хак. *хах-* ‘бить’, ‘стучать’, ‘ударять’.

Ст.-монг. *qodi*, бур. *ходо* ‘насквозь, сквозь, через что-л.’ имеют параллель в виде др.-тюрк. *qodi*, *qozi* ‘вниз, внизу’. В современных тюркских языках ему соответствуют, в частности, як. *хоту* ‘север’, *хоту* (послелог) ‘по, согласно’, тув. *куду* ‘вниз, внизу’, тувинский тоджинский формант направительного падежа *-гыды*, *-гуду*, *-кыды*, *-куду...*, развившийся из слова *куду* ‘вниз’ [Чадамба, с. 97-98], ж.-уйг. *қозу* ‘вниз’, ‘внизу», *қозы* ‘север’, *қузу* ‘низ’, ‘север’, а также *қузы* в сочетаниях *ой қузы* ‘по степи’, *тағ қузы* ‘по горам’ [Малов 1957]. В тофаларском языке *куду* означает ‘вниз’, но в то же время здесь *куду* превратилось, как и в языке желтых уйгуров, в послелог со значением ‘по, по поверхности’, например: *чер куду* ‘по земле’, *суг куду* ‘по воде’, *тош куду* ‘по льду’.

Бур. *зулга*, монг. *зулга* (праформа, вероятно, **julya*), имеющие семантику сдираания, выцарапывания, можно сопоставить с деепричастием **julqa* от др.-тюрк. *julq-* ‘обдирать’, ср. кирг. *жулк-* ‘дернуть, рвануть, вырвать», тат. *йолк-* ‘дергать’, ‘вырывать, выщипывать’, тув., тоф. *чул-* ‘выщипывать’, ‘вырывать’. Здесь монг. **julya*, как и *jada*, взято, видимо, из какого-то древнего тюркского джекающего языка (возможно, типа киргизского).

Кроме того, калмыцкие превербы *шуур* со значением ‘рвать, разрывать» [ср. калм. *шуурх* ‘рваться», ‘разрываться (о ткани)’, ‘ломаться (о льде)'] и *šeürü* ‘на куски’, ‘на части’ из языка «Сокровенного сказания монголов» [Bese 1975] совпадают с тувинским и тофаларским превербом *чуура* ‘на куски, на части’ (ср. тув., тоф. *чуур-* ‘раздробить, раздавить’).

1. Как видно из изложенного, это своеобразное грамматическое явление – превербы, которые некоторые монголоеды называют префиксоидами [Грамматика калмыцкого языка, с. 24-27; 23, с. 257], подчеркивая их служебную роль, но еще не совсем формализованный характер, – носит в тюрко-монгольских языках сугубо ареальный характер, бытуя в наиболее разви-

том виде в северных монгольских языках и в тесно связанных с ними территориально и исторически тюркских языках. При этом отмечается взаимное проникновение ряда провербов из монгольских языков в тюркские и наоборот.

ПРИЧАСТИЯ КАК ПЛАСТ ЛЕКСИКИ

Глагол в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, как известно, имеет две основные формы своего существования – личные и неличные формы. Личные формы, их ещё называют окончательными, финитными, соотносятся с лицом, субъектом действия и выступают в предложении в качестве сказуемого. В монгольских языках в их число входят формы различных наклонений. К неличным формам, называемым ещё неокончательными, инфинитными, относятся формы причастий и деепричастий. Они непосредственно не соотносятся с лицом действия и не могут выступать в качестве форм сказуемого. Оформляя второстепенные, зависимые от главного действия, они позволяют глаголу иметь связь как с именами, так и с наречиями. При этом причастные формы характеризуют, определяют лицо или предмет (в широком понимании смысла этого слова) по действию, которое это лицо или предмет совершает, совершал или будет совершать, либо по действию, которое кто-то другой совершает по отношению к данному лицу или предмету. В калмыцком языке как и в монгольском, например, *унсн чолун* «упавший камень», но *мини шивсн чолун* «мною брошенный камень». Поэтому причастие в какой-то мере по функции совпадает с прилагательным. Различие между ними лишь в том, что прилагательное определяет предмет по внешним признакам и по внутренним свойствам, качествам, а причастие определяет по действию, выражая так называемое процессное определение. Поскольку же действие связано с категорией времени, то и причастные формы выражают эту категорию. Кроме того, поскольку в основах глаголов монгольских языков находят свое выражение залого и виды, формы способа действия, переходность и непереходность, явность и пассивность, то они сохраняются и в неличных формах.

Деепричастие характеризует другое действие через действие. При этом другое действие может либо сопровождать основное действие, либо выражать различные обстоятельства совершения иного действия, связанные с другим, второстепенным действием. В этой своей функции деепричастие соотносится с наречием, сохраняя в то же время все глагольные признаки.

Ввиду большой важности роли неличных форм глагола в монгольских языках, особенно в области синтаксиса, необходимо рассмотреть, хотя бы кратко, как складывались в монгольских языках системы этих форм, как формировалось в монголоведении понимание сущности и специфики и статуса данных форм, какую эволюцию в истории монголоведения претерпело это понимание.

Здесь мы рассмотрим конкретно историю сложения системы причастных форм глагола монгольских языков и то, как складывалось в монголоведении трактование сути этой системы.

И.Я. Шмидт в своей первой в истории монголоведения научной грамматике монгольского языка не делит глагольные формы на личные и неличные [1831, с. 54-67]. Он включает причастие, деепричастие, а также выделяемый им инфинитив в состав наклонений, которых насчитывает в монгольском глаголе восемь, кроме этих трех указанных еще пять – индикатив (изъявительное), кондиционалис (условное), потенциалис или оптатив (возможное или желательное), прекагив (просительное) и императив (повелительное). При этом к причастиям он относит только две формы: причастие настоящего времени на *-гчи* (*ябугчи* «идущий», *хамуг-и даругчи* «всепобеждающий») и причастие прошедшего времени на *-гсан* (*абугсан* «получивший», *ирэгсэн* «пришедший»). И. Я. Шмидт находит в монгольском языке еще учащательную форму (фреквентатив) на *-даг*, которую он помещает в индикативе и называет 2-м презенсом (*би аха-ача мөнггү абдаг* «я обычно беру деньги у брата»; *сөни-дүр умтадаг* «ночью обычно спят»). Формы причастия и фреквентатива на *-даг* склоняются. Таким образом, И. Я. Шмидт находил в монгольском языке только два причастия. Примечательно, что он помещал их в составе наклонений, не заметив при этом причастной сущности формы на *-даг*. Кроме того, следуя традиции европейских ученых, он выделил в монгольском языке инфинитив и отнес к нему форму на *-ху*, понимаемую сейчас как причастную будущего времени. Видимо именно от И.Я. Шмидта идет в монголоведении традиция считать монгольскую форму на *-ху* инфинитивом и так подавать ее в словарях и грамматиках.

Александр Бобровников, издавший свою грамматику монгольского языка лишь на 4 года позже грамматики И. Я. Шмидта, посвятил причастиям и деепричастиям специальную главу [1835, с. 73-76]. По его мнению, «...причастие есть имя прилагательное, заключающее в себе силу глагола». В отличие от Шмидта Александр Бобровников более точно определил в своем понимании природу причастий монгольского языка, выделив среди них три времени: настоящее (на *-гчи*), прошедшее (на *-гсан*) и будущее (на *-ху*), а

также 2 числа: единственное и множественное (-гчид, -гсад, -ху нугуд), например: *агчи* «сущий» – *агчид* «сущие», *хайагсан* «бросавший» – *хайагсад* «бросившие», *аху* «имеющий быть» – *аху нугуд* «имеющие быть». Кроме того, он выделяет у причастий многократный вид, образуемый окончанием -*даг* (ср. у Шмидта 2-й презенс индикатива на -*даг*), не выражающий при этом ни времени, ни числа, например; *хайадаг* «бросающий (многократно)», *эргүдэг* «возносящий (многократно)».

Очень существенно и, кстати, весьма современно звучат его замечания о природе монгольских причастий;

«§ 74. Причастия, вообще относятся к двум состояниям: к склоняемому и спрягаемому. 1. В склоняемом состоянии они употребляются как имена прилагательные, т. е. заимствуют числа и падежи от своих существительных, следующих за ними, например: *бичигсэн шаби-йи* «писавшего ученика», *бичигсэн шабинар-тур* «писавшим ученикам» (здесь А. Бобровников совершенно ошибочно исходит из русского перевода. – В. Рассадин). Но когда принимаются они вместо имен существительных, или когда оные подразумеваются, тогда склоняются по примерам имён существительных (ср. современное понимание субстантивации причастий. – В. Рассадин). 2. В спрягаемом состоянии они заменяют глагол, когда бывают полагаемы после своих существительных. или местоимений в единственном числе и когда принимают после себя вспомогательные глаголы и другие частицы, например: *тэрэ бичигчи* «он пишет», *тэрэ ирэдэг бүлүгэ* «он прихаживал», *мину ирэгсэн-дүр* «когда я пришел».

§ 75. Формы или залого причастий суть те же, какие исчислены при рассмотрении глаголов, например: *абугчи* «берущий», *абхулугчи* «понуждающий брать», *абтагчи* «взимаемый», *абулчагчи* «вместе берущий», *абчагагчи* «побирающий».

§ 76. Особенно при причастиях в склоняемом состоянии примечать должно:

1) Причастия, происходящие от глаголов действительны остаются без всякой перемены в залогах действительном и страдательном:

а) действительными они бывают тогда, когда стоят перед именем действующего предмета, например: *хайагсан хүбэгүн* «бросивший мальчик», *төрүгсэн эхэ* «родившая мать», *бичигсэн шаби* «писавший ученик»;

б) страдательными они бывают тогда, когда предшествуют имени того предмета, на который обращается действие, например: *хайагсан чилагун* «брошенный камень», *төрүгсэн хэүхэн* «рожденное дитя», *бичигсэн чагасу* «писанная бумага».

2) Когда страдательным причастием без существительного имени выражается целый род предметов, тогда оно имеет следующее окончание: *үдэжсэгдэхүн* «видимое», *хэрэглэгдэхүн* «употребляемое» [Бобровников 1835, с. 73-75].

Совершенно иначе рассматривал неличные формы монгольского глагола Алексей Бобровников, который разделил спрягаемые формы глагола на простые и сложные, а простые в свою очередь на окончательные и неокончательные. При этом окончательные формы употребляются в конце периода или предложения (ср. современное название «финитные формы», «личные формы» – В. Рассадин), а неокончательные (ср. современное их название «инфинитные формы», «неличные формы» – В. Рассадин) «... могут употребляться только в середине периода или предложения. В окончательных формах полагаются глаголы, управляющие периодом или предложением, а в формах неокончательных полагаются глаголы или служащие к дополнению смысла окончательного глагола, излагающие, например, обстоятельства главного действия условия, причины, цель и тому подобное, или определяющие (в качестве русских вводных предложений с местоимением *который*) понятия, заключающиеся в предложении» [Бобровников 1849, с. 129-130].

О делении неокончательных форм он пишет: «Формы неокончательные двух родов: одни из них показывают отношение действия к действующему субъекту – причастия, другие показывают отношение действий между собой – деепричастия» [Бобровников 1849, с. 135]. Здесь мы видим в принципе современное понимание природы неличных форм, в том числе и причастий.

Алексей Бобровников разделяет причастия по выражению в них категории времени на причастия настоящие, прошедшие и будущие. Всего он выделяет в монгольском языке 7 причастий:

1) настоящее однократное, образуемое через наращение *-гчи*: *йабугчи* «ходящий», *ирэгчи* «приходящий»;

2) настоящее многократное, образуемое наращением *-даг*, *-дэг*: *йабудаг* «ходящий, имеющий обыкновение ходить», *ирэдэг* «приходящий, имеющий обыкновение приходить»;

3) прошедшее оконченное, образуемое посредством *-гсан*, *-гсэн*: *олугсан* «нашедший», *ирэгсэн* «пришедший»;

4) прошедшее неоконченное, образуемое посредством *-га*, *-гэ*: *абуга* «взявший», *ирэгэ* «пришедший»;

5) давнопрошедшее, образуемое через наращение *-гасан*, *-гэсэн*: *абугасан* «когда-то взявший», *ирэгэсэн* «когда-то пришедший»;

б) причастие неопределенное или будущее, образуемое посредством наращения *-ху, -хү (-хун, -хүн)*: *олху* «имеющий найти, могущий найти», *ирэхү* «имеющий прийти»;

7) причастие на *-ма, -мэ* или *-м*, употребляемое только при описании величины и расстояния предметов, например: *годоли харбум гаджар-а* «на расстоянии выстрела стрелой» [1849, с. 136-139]. Если мы сравним, как рассматривали причастные формы И.Я. Шмидт и Бобровниковы, то увидим, что за те 18 лет, что прошли с момента выхода грамматики Шмидта до грамматики Алексея Бобровникова, произошла быстрая эволюция взглядов монголоведов на природу и состав причастий. Взгляды Алексея Бобровникова точнее отражают природу монгольских причастий и стоят близко к современным.

В какой-то мере близки по эпохе к разобранным выше работам и исследования по грамматике монгольского языка Вл.Л. Котвича (1902 г.), Г. И. Рамstedта (1903 г.) и А. Д. Руднева (1905 г.), изданные на рубеже веков.

Так, Вл. Л. Котвич в своей работе [1902, с. 100-102, 108-118] вслед за Алексеем Бобровниковым делит формы монгольских глагола на две группы: 1) формы, употребляющиеся в главных или самостоятельных предложениях, и 2) формы, употреблявшиеся в придаточных предложениях. Первые он называет окончательными, отнеся к ним формы побудительные, описательные и повествовательные (что соответствует современному членению этих форм на повелительно-желательные и изъявительные), вторые неокончательными, разделяя их на причастия и деепричастия. При этом причастия, по его мнению, это формы глагола, показывающие отношение действия к предмету, а деепричастия - формы, которые выражают отношение одного (второстепенного) действия к другому (главному). Причастия он подразделяет по их отношению ко времени на три группы и включает в их состав следующие:

1. Причастия настоящего времени:

а) однократные с окончанием на *-кчи* (*ирэкчи* «приходящий в данную минуту»);

б) многократные, оканчивающиеся на *-дак, -дэк* (*ирэдэк* «обыкновенно приходящий, имеющий обыкновение приходить»).

2. Причастия прошедшего времени:

а) оконченные, выражающие действие, закончившееся к моменту наступления главного действия; оно образуется через наращение *-ксан, -ксэн* (*ирэксэн* «пришедший»);

б) неоконченные, означающие действие, совершающееся, но не закончившееся до наступления главного действия; образуется посредством при-

соединения *-га, -гэ* (*ирэгэ* «приходивший»); это причастие чаще всего употребляется с отрицанием *эдүй* или *үгэй* (*ирэгэ эдүй, ирэгэ үгэй* «еще не пришедший»).

3. Причастие будущего времени, оканчивающееся на *-ху, хү* (*ирэху* «имеющий прийти, могущий прийти»).

Кроме того, он считает возможным отнести к причастиям будущего или настоящего времени глагольную форму на *-ма, -мэ* или *-м*, служащую для описания величины или расстояния до предметов, например: *харбум* (от *харбуху*) «находящийся на расстоянии выстрела».

Г.И. Рамстедт в своей работе, посвященной спряжению халха-монгольского глагола [1903], немало места отводит описанию системы причастий. При этом все глагольные формы он делит на три группы [Ramstedt 1903, S. 3]:

1) настоящие глагольные формы или финитные формы, выступающие только как предикативы, занимая заключительное место в высказывании;

2) глагольные имена, которые в предложении могут быть как предикативами, так и любым другим его членом, а также могут образовывать различные именные определительные сочетания;

3) конвербы, которые могут только определять предикат и никогда не выступают в роли конечного предиката предложения.

К глагольным именам Г. И. Рамстедт [1903, с. 25-43] относил:

- 1) имперфектное имя на *-аа (-гаа)*;
- 2) перфектное имя на *-сан*;
- 3) глагольное имя футурума на *-х*;
- 4) глагольное имя обычного действия на *-дак*;
- 5) глагольное описательное имя на *-м, -ма*;
- 6) глагольное имя возможности действия на *-маар*;
- 7) глагольное имя результата действия на *-мал*;
- 8) глагольное имя желания действия на *-мхай*;
- 9) глагольное имя возможности действия на *-ууш, -ш*;
- 10) глагольное имя действия на *-л*;
- 11) глагольное имя исполнителя действия на *-ч, -аач*.

Таким образом, Г.И. Рамстедт дает несколько иную схему системы неличных форм монгольского глагола, чем это делает и Вл.Л. Котвич. Схема Котвича стоит ближе к современному понятию сути неличных форм и более адекватно их отражает.

А.Д. Руднев [1905, с. 38-53] делит все глагольные формы тоже на три группы: 1) чисто глагольные формы; 2) именные формы глагола (причастия);

3) конвербиальные формы глагола (деепричастия, отглагольные наречия). Здесь Руднев в принципе следует за Рамstedтом, который разделил все глагольные формы халха-монгольского языка на три подобных разряда. Но всё же, отдавая дань сложившейся к тому времени, монголоведной традиции, Руднев называет первый из этих разрядов окончательными глагольными формами (у Рамstedта это настоящие глагольные формы), как мы в общем видим это у Котвича, а два вторых – неокончательными формами. Как и Рамstedт, Руднев считает причастия именными формами глагола и, следуя традиции, распределяет их по отношению к категории времени на три группы: настоящего, прошедшего и будущего времени. При этом в составе причастных форм настоящего времени он, опять-таки по монголоведной традиции того времени, выделяет однократную форму с суффиксом *-кчи* (*идэкчи* «едящий») и многократную форму с суффиксом *-дак, -дэк* (*идэдэк* «обыкновенно, постоянно едящий»). Причастия прошедшего времени он делит на форму совершенную с суффиксом *-ксан, -ксэн* (*босоксан* «вставший») и не совершенную с суффиксом *-га, -гэ* (*босога* «вставший», *босог-а эдүй* «еще не вставший»). Причастие будущего времени имеет суффиксы *-ху, ху, -хун, -хун*. Руднев выделяет в составе этого причастия как самостоятельную форму с окончанием *-кдаху, -кдэху*, называя ее долженствовательной, что не совсем правомерно, ибо в это окончание включен страдательный залог на *-кда, -кдэ*. Кроме того, он причисляет к причастиям форму настоящего времени изъявительного наклонения с суффиксом *-м* (иногда *-ма, -мэ*), которая, по его мнению, имеет значение причастия настоящего или будущего времени.

Из приведенного выше обзора последних трех грамматик классического монгольского языка можно видеть, что за прошедшие от грамматики И.Я. Шмидта до этих работ почти 70 лет произошла значительная эволюция взглядов в классическом монголоведении на природу причастий. Их стали осознавать как особые неокончательные (т.е. инфинитные, неличные) формы, которые не могут выступать сами по себе в роли предиката, противопоставляемые окончательным (т.е. финитным, личным) формам глагола, могущими быть предикатами в главном предложении. Верно была подмечена и связь причастий с именами прилагательными. В работах Котвича и Руднева мы находим уже более или менее определенный состав причастных форм, выявленные их значения, синтаксические функции и устоявшиеся названия, многие из которых в общем приняты и современным монголоведением.

Работа Рамstedта носит поисковый характер, поэтому в ней введены в схему причастий формы, впоследствии не признанные монголооведами как причастные, статус некоторых не определен окончательно и поныне. К пер-

вым можно отнести формы на *-мал*, *-л*, *-мхай*, ко вторым - формы на *-м* / *-ма*, *-ууш*, *-ш*.

Последующие монголоеды, занимавшиеся грамматикой классического монгольского языка, уже не вносят ничего принципиально нового в классификацию неличных форм. Наблюдается лишь перенесение отдельных форм из словосочетаний в причастия. Из более поздних, после этого периода, значительных работ можно назвать «Грамматику письменно-монгольского языка» Н.Н. Поппе [1937]. В ней он полностью повторяет схему, предложенную Г.И. Рамstedтом, не внося уже ничего нового.

Таким образом, на этом можно закончить обзор эволюции взглядов на неличные формы монгольского глагола, в том числе на причастия, какая происходила в классическом монголоведении.

Рассмотрим теперь, как трактовали монголоеды неличные формы калмыцкого языка.

В калмыцком языке причастие осознается как особая форма глагола, вмещающая в себе морфологические и синтаксические свойства как имени, так и глагола. Калмыковеды выделяют в современном калмыцком языке 7 причастных форм [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 234-248]:

- 1) причастие настоящего времени с аффиксом *-а* (*-ə*), *-һа* (*-hə*), например: *йова* «идущий», *келə* «говорящий», *сууһа* «сидящий», *бəəһə* «находящийся»;
- 2) причастие прошедшего времени с аффиксом *-сн* (иногда *-гсн*), например: *йовсн* «ушедший», *келсн* «говоривший»;
- 3) причастие будущего времени с аффиксом *-х*, например: *йовх* «который пойдет», *ирх* «который придет»;
- 4) однократное причастие с аффиксом *-гч*, например: *иргч* «будущий» (букв. «приходящий»), *үзүлгч* «показывающий»;
- 5) многократное причастие с аффиксом *-дг*, например: *меддг* «знающий», *йовдг* «идущий, ходящий»;
- 6) причастие возможности с аффиксом *-мар*, *-мр*, *-м*, например: *тəрмр өвсн* «посеянная трава», *өлгмр хувцн* «вязаная одежда»; это причастие обозначает возможное, допустимое, необходимое действие в плане его реализации в будущем;
- 7) страдательное причастие с аффиксом *-ата* (*-əтə*), например: *татата* «запряженный», *уята* «привязанный», *келгəтə* «налитый».

В современном халха-монгольском языке Б. Х. Тодаева выделяет:

- 1) причастие будущего времени с аффиксом *-х*, например: *явах* «который пойдет», *ирэх* «который придет»;
- 2) причастие прошедшего времени с аффиксом *-сан* (*-сон*, *-сөн*, *-сэн*), например: *уншсан* «читавший», *мэдсэн* «знавший»;

3) причастие настоящего времени несовершенное с аффиксом *-аа* (*-оо*, *-өө*, *-ээ*), *-гаа* (*-гоо*, *-гөө*, *-гээ*), например: *яваа* «идущий, продолжающий идти», *хэвтээ* «лежащий, продолжающий лежать»;

4) причастие настоящего времени однократное с аффиксом *-гч*, например: *унишгч* «читающий; чтец», *нэхэгч* «ткущий; ткач»;

5) причастие многократное с аффиксом *-даг* (*-дог*, *-дэг*, *-дөг*), например: *унишдаг* «обычно читающий», *хэлдэг* «обычно говорящий» [1951, с. 135-140].

Кроме того, Б.Х. Тодаева относит к причастиям спорную в то время форму возможности действия на *-маар* (*-моор...*), например: *...мэдэж болмоор* «можно узнать».

Монгольские ученые включают в состав причастий современного монгольского языка помимо причастий, выделенных Б.Х. Тодаевой, еще два:

а) причастие возможности с аффиксом *-маар* (*-мээр*, *-моор*, *-мөөр*), *-м*, указывающее на возможность совершения действия в будущем, например: *тогломоор хүүхэд* «дети, с которыми можно было бы играть», *явмаар байна* «можно идти»;

б) причастие будущей меры и степени возможности с аффиксом *-хуйц*, *-хүйц*, например: *мэдэгдэхүйц* «заметный, осязаемый», *болохуйц* «возможный, разрешенный», *сонсогдохуйц* «слышимый», *үзэгдэхүйц газар* «видное место» [Орчин цагийн монгол хэл зүй 1966, т. 153-162; Бадан 1989, с. 68-71].

Первой научной грамматикой бурятского языка является труд М. А. Кастрена, изданный академиком А. Шифнером уже после смерти автора [Castrén 1857]. Шифнер не был знатоком бурятского языка и подготовил работу Кастрена к печати по схеме монгольской грамматики И. Я. Шмидта. Поэтому причастия были отнесены к наклонениям, связанным со временем.

Другой грамматикой бурятского языка, составленной в прошлом столетии, является «Грамматика монголо-бурятского разговорного языка» А. Орлова, изданная в 1878 г. в Казани. Автор был протоиереем, преподавателем монгольского языка в Иркутской духовной семинарии, и его работа преследовала чисто практические цели, поскольку русская православная церковь вела активную деятельность по обращению бурят в христианство. В этой связи в духовной семинарии нужно было готовить священников миссионеров, знающих местные языки и даже диалекты. Поэтому Орлов дает в своей грамматике разные варианты одних и тех форм: одни для селенгинского «наречия» (по терминологии Орлова), в которое он включает язык селенгинских с-акающих бурят, другие для балаганского, к которому он относит h-акающие языки хоринских, баргузинских, кударинских, тункинских, аларских, идинских, кудинских, ленских, верхоленских и ольхонских бурят. По-

скольку эта работа имела практическую направленность, то здесь почти нет глубоких теоретических рассуждений. Теория видна в самой схеме интерпретации и размещения языкового материала. Из этого мы можем судить о концепции автора о частях речи и грамматических категориях.

Так, все слова бурятского языка А. Орлов [1878, с. 17-115] делит на три группы: имена, глаголы и частицы, следуя концепции Алексея Бобровникова. Глаголы он [Орлов 1878, с. 62] разделяет на три разряда: наклонение, деепричастие и причастие. Причастия он делит по времени на три группы [1878, с. 69-70]: настоящее, прошедшее будущее. При этом в состав причастий настоящего времени включал обыкновенное или однократное на *-ши*, *-ааши*, *-гааши*, многократное на *-дак*, *-дэк*, в состав прошедшего – оконченное *-сан*, *-сэн*// *-һан*, *-һэн* и неоконченное на *-аа*, *-ээ*, *-гаа*, *-гээ*; к будущему причастию отнес причастие на *-ху*, *-хо*, *-хы*.

Большим событием в изучении бурятского языка явилась в начале XX-го века работа А.Д. Руднева [1913-1914], посвященная описанию строя языка хоринских бурят. Хотя здесь он и не давал подробных теоретических рассуждений о грамматических формах, но привёл много наблюдений над их речевым использованием, в чем большая ценность его работы. Мы не найдем у него объяснений классификации глагольных форм, например группировки их на окончательные и неокончателные, истинные и неистинные. Он просто перечисляет их, указывая при этом их значения и функции, отсылая читателя к сравнительному материалу из литературы. Весь глагол он делит на различные формы и группирует по-своему, выделяя как самостоятельные формы повелительные и изъявительные, формы именные, помещая среди них причастия, формы деепричастные и особые глагольные формы спряжения. В общих замечаниях по глаголу он делит всё спряжение бурятского языка на простое и сложное и помещает причастия среди сложных форм спряжения, в которых причастия представляют неизменяемые формы значимого глагола, к которым присоединяются спрягаемые вспомогательные глаголы.

Помещая причастия среди именных форм глагола, А.Д. Руднев выделяет среди них 5 причастных форм: 2 формы причастия настоящего времени - многократное на *-дак* и однократное на *-кши* и *-ааши*; 2 причастия прошедшего времени - совершенное на *-һан* и несовершенное на *-аа*; одно причастие будущего времени на *-ха*. Как видно из обзора форм, выделяемых А. Д. Рудневым, он в принципе верно определил и выделил основные причастные формы хоринского диалекта, которые устанавливает в нём и современное бурятское языкознание, воспринявшее их названия почти без изменения.

Руднев допускает лишь небольшое количество неточностей, отнеся к деепричастиям причастие возможности и видовую форму.

Несколько иное трактование сущности причастий и их классификацию, оказавшие решающее влияние на современное бурятоведение, находим у Г.Д. Санжеева. Так, в своей работе, посвященной синтаксису бурятского языка, написанной им в 1938 г., но увидевшей свет лишь в 1940 г., он дает более точную, кстати принятую в современном монголоведении и бурятоведении, классификацию неличных форм бурятского глагола [1940, с. 98-99]. Эту же трактовку причастий, их состава, значений и речевых функций, уточнённую и подробнее разработанную, Г. Д. Санжеев повторяет в своей «Грамматике бурят-монгольского языка» [1941, с. 67-83]. О причастиях бурятского языка он пишет буквально следующее: «Причастия представляют собою глагольные «имена», выражающие в различных позициях либо процессы, либо процессный атрибут, либо исполнителя действия. Это есть основное отличие причастий от всех остальных глагольных форм. В соответствии с изложенным причастие может быть сказуемым, определением, дополнением или подлежащим. Морфологической особенностью причастий является то, что они могут склоняться по падежам и числам, чего нельзя сказать в отношении остальных глагольных форм. Причастия по своему содержанию делятся на временные и невременные. К временным причастиям относятся прошедшее - *ябаһан* «пошедший», будущее - *ябаха* «который пойдет» и настоящее-прошедшее - *ябаа* «ушедший». К невременным относятся: многократное причастие - *ябадаг* «ходящий» однократное - *ябагша* «ходящий». К последним близки такие глагольные качественные имена, как образованные при помощи форм *мал*, *маар*, *нхай* и т.п.: *зурамал* «исписанный», *ябамаар* «возможный для проезда» (о дороге), *эсэнхэй* «усталый», *ханхинама* «трескучий» (о морозе) и т.д. Последние формы некоторыми авторами относятся то к деепричастиям, то к причастиям или к *nomina verbalia* (глагольные имена) вообще. Так, А.Д. Руднев формы *нама* и *маар* относит к деепричастиям, Г.И. Рамstedт же к *nomina verbalia*. С нашей точки зрения более прав Г.И. Рамstedт, так как слова данного типа по своему значению и в синтаксической функции представляют собой отглагольные качественные имена; эти формы по своей синтаксической функции ничем не отличаются от качественных имен вообще и никогда не выражают процессы, что свойственно причастиям, временным в особенности. Специально в отношении хоринского говора бурят-монгольского языка приходится отметить, что в нем «появилось» прошедшее причастие с показателем *нхай*. Это «новое» причастие, чаще всего употребляемое при третьем лице, в обычной ре-

чи хоринцев встречается столь часто, что оно вытесняет форму настоящего-прошедшего причастия» [Санжеев 1941, с. 67-68].

Д.Д. Амоголонов в своей работе «Современный бурятский язык» по сути дела повторил эту трактовку и классификацию бурятских причастий, которую дал Г.Д. Санжеев. Амоголонов тоже делит бурятские причастия на временные и невременные. К первым он относит причастие простого прошедшего времени *-аа*, причастие давнопрошедшего времени на *-нхай*, завершённого прошедшего на *-һан*, будущего времени на *-ха*. Ко вторым – многократное причастие на *-даг*, однократное на *-гша*, *-ааша* [Амоголонов 1958, с. 189-190].

В настоящее время в бурятоведении официально принятой классификацией причастий является та, которая представлена в «Грамматике бурятского языка. Фонетика и морфология», изданной в 1962 г. Раздел «Глагол» был написан Г.Д. Санжеевым, в котором он привел свою схему бурятских причастий. О бурятском же глаголе он сообщал следующее: «Глагол в современном бурятском языке составляет довольно богатую и сложную систему форм, по своим синтаксическим свойствам подводимых под следующие группы.

1) Окончательные, или предикативные формы:

а) повелительно-желательные и б) изъявительные;

2) Неокончательные формы:

а) причастия и б) деепричастия, в свою очередь делящиеся на сопутствующие и обстоятельственные» [Грамматика бурятского языка 1962, с. 157]. Причастию дано такое определение: «В современном бурятском языке причастия представляют собой группу таких форм глагола, которые совмещают в себе морфологические и синтаксические свойства как имени, так и глагола» [Грамматика бурятского языка 1962, с. 266].

В современном бурятском языке здесь выделено 9 причастных форм:

1) причастие настоящего-прошедшего времени с показателями *-аа* (*-оо*, *-өө*, *-ээ*), *-яа* (*-ёо*, *-еэ*), *-гаа* (*-гоо*, *-гөө*, *-гээ*), например: *ябаа* «пошел», *ерээ* «пришел»; причем данное причастие в бурятском языке употребляется преимущественно для выражения предиката, часто, и без связки, тем самым приближаясь по своей грамматической природе к формам изъявительного наклонения;

2) причастие прошедшего времени с показателем *-һан* (*-һон*, *-һэн*), например: *гараһан* «вышедший», *ерэһэн* «пришедший»;

3) причастие завершено-прошедшего времени с показателем *-нхай* (*-нхой*, *-нхэй*), например: *ябанхай* «ушел», *ерэнхэй* «пришел»;

4) причастие будущего времени с показателем *-ха* (*-хо*, *-хэ*), например: *ябаха* «имеющий идти», *ерэхэ* «имеющий придти»;

5) постоянное причастие с показателем *-ааша* (*-оошо*, *-өөшэ*, *-ээшэ*), *-яаша* (*-ёошо*, *-еэшэ*), *-гааша* (*-гоошо*, *-гөөшэ*, *-гээшэ*), например: *ябааша* «идуший», *ерээшэ* «приходящий»;

6) многократное причастие с показателем *-даг* (*-дог*, *-дэг*), например: *ябадаг* «идуший, имеющий обыкновение идти», *ерэдэг* «приходящий, имеющий обыкновение приходить»;

7) однократное причастие с показателем *-гша* (*-гшо*, *-гшэ*), например: *ябагша* «идуший», *мэдэгшэ* «знающий»;

8) причастие возможности с показателем *-маар* (*-моор*, *-мээр*), например: *ябамаар* «возможно пройти, идти», *ерэмээр* «возможно прибудет»;

9) страдательное причастие с показателем *-аатай* (*-оотой*, *-ээтэй*), *-яатай* (*-ёотой*, *-еэтэй*), *-гаатай* (*-гоотой*, *-гээтэй*), например: *татаатай* «протянутый», *бэлдээтэй* «приготовленный» [Грамматика бурятского языка 1962, с. 268-278].

Группировку бурятских причастий Г. Д. Санжеев в данной грамматике производит лишь по отношению к категории времени и дает следующие группы: а) прошедшее время - причастия прошедшего времени, завершено-прошедшего времени и страдательное причастие; б) настоящее время - постоянное, многократное, однократное причастия и причастие возможности; в) будущее время - будущее причастие [Грамматика бурятского языка 1962, с. 278-279]. Как можно видеть, в 1941 г. Г. Д. Санжеев высказывал более прогрессивную точку зрения, подразделяя бурятские причастия на временные и невременные, поскольку ощущал принципиальную разницу между ними. Впоследствии он от нее отказался.

Как можно видеть из приведенного выше обзора, в основном все монголоведы подразделяют выделенные причастия главным образом по отношению к категории времени. Лишь Г.Д. Санжеев сделал в 1941 г. попытку разграничить временные и невременные причастия. Однако его идея тогда не была принята и развита в монголоведении. В дальнейшем, разрабатывая глагол монгольских языков в специальной монографии [Санжеев 1963], он рассматривает причастия монгольских языков в традиционном для монголоведения аспекте, не пытаясь их каким-либо образом группировать. В этой работе Г.Д. Санжеев выделяет в монгольских языках 7 причастий: 1) будущее причастие на *-ху*; 2) причастие возможности на *-маар*, *-мар*, *-м*; 3) многократное причастие на *-даг*; 4) однократное причастие на *-гчи*; 5) настоящее причастие на *-аа*, *-гаа*; 6) прошедшее причастие на *-сан*; 7) завершено-прошедшее причастие на *-нхай* [1963, с. 130-140].

В наши дни состав неличных форм бурятского глагола существенным образом уточняет, дополняет и предлагает, по сути дела, новую их классификацию Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов в своей работе, посвященной аналитическим конструкциям в бурятском языке [1972]. Здесь он, классифицируя бурятские причастия, предлагает выделить 10 причастий, группируя их следующим образом:

1. Временные причастия:
 - а) настояще-прошедшего времени на *-аа*;
 - б) прошедшего времени на *-сан*;
 - в) завершено-прошедшего времени на *-нхай*;
 - г) будущего времени на *-ха*.
2. Видовые причастия:
 - а) многократное на *-даг*;
 - б) однократное на *-гша*;
 - в) постоянное на *-ааша*.
3. Модальные причастия:
 - а) возможности на *-хаар*;
 - б) целесообразности на *-маар*.
4. Диатезальное: страдательное на *-аатай* [Цыдыпов 1972, с. 48].

Эту же в принципе схему причастий он дает и в своем школьном учебнике [Цыдыпов 1988, с. 78].

Следует отметить, что Ц.-Ж. Ц. Цыдыпов выдвинул оригинальный взгляд на природу бурятских причастий, не лишенный, впрочем, основания. Считаем это направление разработки теории неличных форм бурятского, а также других монгольских языков достаточно перспективным.

Углубленная работа над данной темой в области глагола различных монгольских языков, в частности его неличных форм, показала, что к разработке классификации, группировки причастий монгольских языков следует подходить с несколько иных позиций, чем это было принято в традиционном монголоведении. В этом плане помогает понять суть проблемы попытка Г.Д. Санжеева осмыслить различие между причастиями временными и невременными. Опираясь на совершенно рациональную гипотезу Ц.-Ж. Ц. Цыдыпова, считаем возможным дать новую классификацию причастий монгольских языков. Поскольку грамматическая структура всех современных, средневековых и древних монгольских языков по сути дела единообразна, так как сформировалась она еще в период общемонгольского праязыка, то и схема неличных форм, в том числе и причастий, едина для монгольских

языков, в особенности северо-западных - халхаского, бурятского и калмыцкого, развившихся из одного языка-предка.

Таким образом, принимая классификацию бурятских причастий, выдвинутую Ц.-Ж. Ц. Цыдыповым, предлагаем распространить ее принцип на все монгольские языки. Такой подход позволил бы дать уточненную, наиболее оптимальную группировку причастий монгольских языков, адекватно отражающую их содержание. Мы предлагаем следующую классификацию:

1. Временные причастия, соотнесенные с категорией абсолютного времени:

а) настоящего времени - старомонгольское на *-ya/-ge*, халха-монгольское на *-aa* (*-oo*, *-ээ*, *-өө*), *-гаа* (*-гоо*, *-гээ*, *-гөө*), калмыцкое на *-а* (*-ə*);

б) бурятское настоящее-прошедшего времени на *-aa*;

в) прошедшего времени - старомонгольское на *-ysan/-gsen*, халха-монгольское на *-сан* (*-сон*, *-сэн*, *-сөн*), калмыцкое на *-сн* (*-гсн*), бурятское на *-һан* (*-һон*, *-һэн*);

г) бурятское завершено-прошедшего времени на *-нхай/-нхэй*;

д) будущего времени - старомонгольское на *-qu/-kü*, *-qun /-kün*, *-qui/-kii* халха-монгольское и калмыцкое на *-х*, бурятское на *-ха* (*-хо*, *-хэ*).

2. Видовые причастия, соотнесенные с характером протекания действия:

а) многократное – старомонгольское на *-day/-deg*, халха-монгольское на *-даг* (*-дог*, *-дэг*, *-дөг*), калмыцкое на *-дг*, бурятское на *-даг* (*-дог*, *-дэг*);

б) однократное – старомонгольское на *-gči*, халха-монгольское и калмыцкое на *-гч*, бурятское на *-гша* (*-гшо*, *-гшэ*);

в) постоянное – старомонгольское на *-yači/-geči*, халха-монгольское на *-аач* (*-ооч*, *-ээч*, *-өөч*), *-гаач* (*-гооч*, *-гээч*, *-гөөч*), бурятское на *-ааша* (*-оошо*, *-өөшэ*, *-ээшэ*), *-гааша* (*-гоошо*, *-гээшэ*, *-гөөшэ*), *-яаша* (*-ёошо*, *-еэшэ*).

3. Модальные причастия, выражающие отношение к действию, к предмету высказывания:

а) причастие возможности – старомонгольское на *-mar/-mer*, *-m*, халха-монгольское на *-маар* (*-моор*, *-мээр*, *-мөөр*), *-м*, калмыцкое на *-мар*, *-м*, бурятское на *-маар* (*-моор*, *-мээр*), *-м* (по Цыдыпову, это причастие целесобразности, причастие же возможности, по его мнению, имеет окончание *-хаар...*);

б) причастие будущей меры и степени возможности совершения действия – старомонгольское на *-quiča/-kuiče*, халха-монгольское на *-хуйц/-хүйц*.

4. Результативное, выражающее отношение к результату действия – калмыцкое страдательное на *-ата/-этэ*, бурятское страдательное на *-аатай* (*-оотой*, *-ээтэй*), *-гаатай* (*-гоотой*, *-гээтэй*), *-яатай* (*-ёотой*, *-еэтэй*).

МЕСТОИМЕННИЯ КАК ПЛАСТ ЛЕКСИКИ

Хотя вопрос о местоимениях в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, на первый взгляд кажется решенным и ни у кого из современных монголоведов не вызывает сомнения ни их статус, ни их состав, при ближайшем рассмотрении дело обстоит не так просто. В чем сложность и нерешенность, на наш взгляд, этой проблемы? Обратимся к фактам, но прежде всего разберем, как трактуется местоимение, например, в бурятоведении в так называемой академической «Грамматике бурятского языка» [1962, с. 137-153].

Интересно данное там общее определение, что же такое местоимение в бурятском языке. Оно таково: «Местоимения представляют собой именные слова, при помощи которых говорящий либо различным образом указывает, либо спрашивает о лицах и предметах, об их признаках и количестве. Следовательно, они могут быть названы указательными и вопросительными именными словами» [Грамматика бурятского языка... 1962, с. 137]. Далее там же: «По значению местоимения в бурятском языке делятся на личные, возвратно-указательные, указательные, вопросительные, неопределенные, обобщительные и выделительные» [Там же].

В то же время Ц.Б. Цыдендамбаев считает, что, «...помимо доминирующего указательного значения, местоимения содержат также предметное, качественное и количественное значения. При этом местоимения с предметным значением соотносительны с именными существительными. Таковы все личные местоимения, указательные местоимения множественного числа, вопросительные местоимения *хэн* 'кто', *юун* 'что', неопределенные местоимения *хэн нэгэн* 'кто-либо', 'кто-нибудь', 'кто-то' и *юу хээн* 'кое-что', обобщительные местоимения со значением множества, выделительные местоимения множественного числа. Все они изменяются по падежам, в форме именительного падежа служат подлежащими, в родительном падеже - преимущественно определениями, а в прочих - дополнениями.

Местоимения с качественным значением соотносительны с именами прилагательными. К ним можно отнести указательные местоимения *энэ* 'этот', *тэрэ* 'тот', *шимэ* 'этаким', 'такой', *тиимэ* 'такой', возвратно-указательное местоимение, вопросительные местоимения *ямар* 'какой', *хэр* 'какой', 'каков', *али* 'какой', 'который (из них)', неопределенные местоимения *ямар нэгэн* 'какой-то', 'какой-нибудь', *али нэгэн* 'который-нибудь', 'какой-нибудь (из них)' и *алибаа* 'какой-нибудь', 'какой-либо', 'какой угодно', обобщительные местоимения со значением единичности,

выделительные местоимения единственного числа. Эти местоимения при обычном своем употреблении в составе определительных словосочетаний не принимают падежных окончаний, но многие из них, субстантивируясь и приобретая относительную самостоятельность, могут склоняться. Они, как правило, в предложении функционируют в качестве определений, реже - обстоятельств, но, приняв частицы притяжения или падежные окончания, могут быть любыми членами предложения.

Местоимения с количественным значением в известной мере соотносительны с именами числительными. Указательные местоимения *эды* 'столько' и *тэды* 'столько', вопросительные *хэды* 'сколько' и неопределенное местоимение *хэдэн*, *хэды* 'несколько', как и числительные, в предложении обычно бывают определениями, реже - обстоятельствами.

...Соотносительность местоимений с другими именными частями речи не означает их тождественности этим частям речи: местоимения как бы расположены параллельно прочим именным категориям слов, синонимичны им, но они не вливаются в эти категории и довольно часто дают специфические, присущие лишь им отклонения от морфологических и синтаксических черт, которыми наделены соответствующие имена. К тому же своеобразная указательная семантика местоимений превалирует над их предметным, качественным и количественным значениями и четко обособляет местоимения от всех остальных имен» [Грамматика бурятского языка... 1962, с. 151-153].

Как можно видеть, схема эта довольно сложна и непоследовательна, поскольку, во-первых, неясно, на основании каких критериев относить местоимения из одной и той же рубрики то к предметным, то к качественным и т.п., во-вторых, как получается, что исходя из одного и того же основания, в данном случае - значения, местоимения делятся то на личные, указательные, вопросительные и т.п., то на предметные, качественные, количественные. Кроме того, эта схема неадекватно отражает реально существующую в бурятском языке, как и во всех остальных монгольских языках, систему местоимений как особую группу заместительных слов с дейктической функцией, параллельную системе назывных частей речи и полностью отражающую, как бы дублирующую ее. Причем замещают эти указательные слова абсолютно все знаменательные части речи: существительные, прилагательные, числительные, наречия и глаголы, а не только имена, как сказано в «Грамматике...».

Точку зрения Ц.Б. Цыдендамбаева на природу и статус бурятских местоимений придерживался и Д.Д. Амоголонов, считавший, что «местоимение – это знаменательная именная часть речи, обозначающая указание на лицо

или предмет вместо их названия. Этой своей особенностью местоимение противопоставляется другим частям речи и в предложении выполняет замещающую другие части речи роль» [1958, с. 175]. Следуя за Ц.Б. Цыдендамбаевым, Д.Д. Амоголонов выделяет в составе бурятских местоимений те же разряды: «... личные, возвратно-указательные, указательные, вопросительные, неопределенные, обобщительные и выделительные» [Там же]. Эти разряды в свою очередь он распределяет по двум группам следующим образом: назвав первую группу местоимениями субстантивного характера, т.е. замещающими имена существительные и выступающими в их роли в предложении, он включил в ее состав личные, вопросительные и обобщительные местоимения, вторую группу, названную им местоимениями определительного характера, т.е. замещающими имена прилагательные и выполняющими их функции в предложении, составляют, по его мнению, указательные, неопределенные и выделительные местоимения [Там же]. Хотя схема, предложенная Д.Д. Амоголоновым, выглядит на первый взгляд достаточно стройной, при внимательном ее рассмотрении становится очевидным, что в ней не все продумано до конца: так, например, в ней не упомянуты возвратно-указательные местоимения, указательные, вопросительные и неопределенные соотносятся не только с существительными и прилагательными, но и с числительными, наречиями, а также с глаголами.

Трактовка местоимений как именных слов является, по правде сказать, давней традицией в монголоведении: например, она представлена в «Грамматике монгольского языка» Александра Бобровникова [1835], «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» Алексея Бобровникова [1849], «Грамматике монголо-бурятского разговорного языка» А. Орлова [1978].

Как имена рассматривал местоимения также Н. Поппе: «Местоимения являются в некоторых отношениях такими же именами, как всякие иные...» [1938, с. 106, § 98, g].

Б.Х. Тодаева в своих работах [1951; 1973; 1985; 1986] хотя прямо и не говорит о соотношении местоимений с именными частями речи и дает лишь разряды местоимений по их значениям, но рассматривает их сразу же после существительных и прилагательных и речь ведет только о склонении местоимений.

Несколько иначе, более своеобразно, трактовал местоимения Г.Д. Санжеев. Это мы видим уже в его «Грамматике бурят-монгольского языка» [1941], в которой он подразделял бурятские местоимения на: 1) личные - *би* 'я', *ии* 'ты', *та* 'вы', *бидэ* 'мы', *эдэ* 'они (эти)', *тэдэ* 'они (те)'; 2) указательные - *энэ* 'этот', *тэрэ* 'тот', *шимэ* 'такой (как этот)', *тиимэ* 'та-

кой (как тот)', *мүнөөхи* 'этот самый', *үнөөхи* 'тот самый', *ондоо* 'иной', *адали* 'похожий', *туд* 'данный', *өөрэ* 'другой', *алибаа* 'всякий', *зарим* 'некоторый'; 3) вопросительные - *хэн* 'кто', *хэд* 'кто (о многих)', *юун* 'что', *юунууд* 'что (о многих)', *хэр* 'как', *ямар* 'какой', *али* 'который', *хэды* 'сколько', *хаана* 'где', 'куда', *хэзээ* 'когда'; 4) наречные - *ишиэ* 'сюда', *тишиэ* 'туда', *хуу* 'все', *эндэ* 'здесь', *тэндэ* 'там', *хамаг* 'все'; 5) глагольные - *ишэ* 'сделать этак', *тишэ* 'сделать так', *яаха* 'как быть', 'что делать'. При этом он поясняет: «Особенностью бурят-монгольских местоимений является то, что к ним относятся еще три глагола... Вот почему в монгольском языке для всей этой группы слов, по необходимости полностью трактуемых нами как местоимения, употребляется термин «*tölügen-ü üge* - замещающие слова» (а не «имя»)». Местоимения могут быть распределены по другим частям речи: личные - отнесены к предметным именам, указательные - к качественным именам, наречные - к наречиям, глагольные - к глаголам; что же касается вопросительных местоимений, то они распадаются на предметные (*хэн*), качественные (*ямар*), наречия (*хаана*) и т.п.

В соответствии с изложенным полное склонение имеют личные, указательные и часть вопросительных местоимений; неполное, частичное склонение имеют наречные и часть вопросительных местоимений, - иными словами, первые склоняются по всем падежам, тогда как вторые - лишь по некоторым. Что же касается глагольных «местоимений», то они спрягаются по всем глагольным формам, но от них практически не образуются отглагольные имена. Таким образом, оказывается, что местоимения относимы не только к категориям имени: они одинаково относятся и к именам, и к глаголам» [1941, с. 50-51].

Таким образом, Г. Д. Санжеев в данной своей работе давал в общем реальную по содержанию и функции оценку бурятских местоимений, допуская разряды наречных и глагольных местоимений. В то же время его классификация местоимений лишена всякой логической основы и непоследовательна. Выделив наречные и глагольные местоимения, он сделал большой шаг вперед, но запутал все, поставив эти местоимения в своей классификации на одну доску с личными, указательными и вопросительными, поскольку как в наречных, так и в глагольных местоимениях тоже есть вопросительные и указательные.

Не внес ясности Г. Д. Санжеев в классификацию местоимений и в своих последующих трудах, описывающих грамматическую систему монгольских языков. Так, в работе «Современный монгольский язык» [1959, с. 52-53] он

дает в принципе аналогичную схему монгольских местоимений: 1) личные; 2) указательные; 3) возвратные; 4) вопросительные; 5) глагольные. При этом в глагольные он включает и вопросительное *яа-* ‘как делать’, ‘как быть’, т.е. и здесь отсутствует единое логическое основание для деления на разряды. Причем в этой классификации уже отсутствуют наречные местоимения, хотя введены возвратные. Если в «Грамматике бурятского языка» [1941] он выделял местоимения в самостоятельную часть речи, то в данной работе он относит их к именным частям речи. Об этом он говорит буквально следующее: «Изменяемые части речи делятся, в свою очередь, на склоняемые, или именные (имена существительные, предметные, прилагательные, качественные, местоимения и числительные), и спрягаемые (глаголы) [Санжеев 1959, с. 45]. Это уже шаг назад.

В другой своей работе, «Старописьменный монгольский язык» [Санжеев 1964, с. 72-74], он заявляет: «В старописьменном монгольском языке все именные части речи - имена существительные, предметные, прилагательные, качественные, местоимения и числительные - в основном обладают теми же лексико-семасиологическими и грамматическими свойствами, что и в современном монгольском языке» [То же, с. 58]. Поэтому и здесь он рассматривает местоимения в составе именных частей речи и дает классификацию разрядов, тоже включающую личные, указательные, вопросительные, возвратные и глагольные местоимения.

В какой-то мере сходную с Санжеевской классификацию местоимений выдвигает и З.К. Касьяненко, которая в своей работе [1968, с. 56-57] приводит следующие их разряды: 1) личные; 2) указательные; 3) вопросительные; 4) неопределенные; 5) глаголы-заместители.

Несколько иные, но близкие друг к другу классификации местоимений как самостоятельной части речи находим в грамматиках современных монгольского [Орчин цагийн монгол хэл зүй 1966, с. 199-212] и калмыцкого [Грамматика калмыцкого языка... 1983, с. 161-175; Харчевникова, Убушаев 2006, с. 150-180] языков. Калмыковеды при этом следуют российской традиции, называя местоимения заместительными именами (*орлгч нерн*), монгольские языковеды, как принято в монгольской традиции, используют термин «заместительное слово» (*төлөөний үг*). Учитывая чисто содержательную сторону, в монгольской грамматике выделяются следующие разряды местоимений: личные, указательные, вопросительные, неопределенные, выделительные, возвратные; в калмыцкой - те же разряды, только выделительные названы определительными. При этом монгольские грамматисты

внутри разрядов указательных, вопросительных и неопределенных местоимений приводят соответствующие не только именные, но и наречные и глагольные местоимения. Кроме того, в специальном параграфе «Связь местоимений с другими частями речи» [Очин цагийн монгол хл зүй 1966, с. 211] они отмечают соотнесенность местоимений со всеми знаменательными частями речи и предлагают различать местоимения-существительные (жинхэнэ нэрийн төлөөний үг), местоимения-прилагательные (тэмдгийн нэрийн төлөөний үг) местоимения-числительные (тооны нэрийн төлөөний үг), местоимения-наречия (дайвырын төлөөний үг), местоимения-глаголы (үйлийн төлөөний үг).

Калмыцкие грамматисты [Грамматика калмыцкого языка... 1983, с. 161-175; Харчевникова, Убушаев 2006. с. 150-180] при исследовании калмыцкой грамматики в разряде указательных местоимений по семантико-грамматическим признакам выделяют рубрики местоимений предметно-указательных (*эн* 'этот, эта, это', *тер* 'тот, та, то'), качественно-указательных (*иим* 'этакий, этакая, этокое', *тиим* 'такой, такая, такое'), количественно-указательных (*эдү* 'вот столько, столько', *тедү* 'вон столько, столько'), пространственно-указательных (*энд* 'здесь', *тенд* 'там'), глагольно-указательных (*иигх* 'делать эдак', *тиигх* 'делать вон так, как тот, таким образом'). Примерно те же рубрики калмыковеды выделяют и в вопросительных местоимениях: предметно-вопросительные (*кен?* 'кто?', *юн?* 'что?'), качественно-вопросительные (*ямаран?* 'какой?'), пространственно-вопросительные (*аль, альд?* 'где?', *хама?* 'где?'), вопросительно-временные (*кеза?* 'когда?'), количественно-вопросительные (*кедү?* 'сколько?'), глагольно-вопросительные (*яха?* 'что делать?, как быть?'), причинно-вопросительные (*яһад?* 'почему?', *юнгад?* 'почему?').

Данный подход, учитывающий наличие местоимений, указывающих не только на имена, но и на наречия и глаголы, а также рассмотрение местоимений вне категории имен, в составе самостоятельной части речи, следует считать более логичным и прогрессивным. Хотя и калмыковеды не избежали в какой-то мере воззрения на местоимения как на именную часть речи, о чем свидетельствует их утверждение: «Местоимение - это часть речи, которая, не называя предметы, их признаки и количество, указывает на них. По своему лексическому значению и грамматическим признакам местоимения соотносительны с именами существительными, прилагательными, числительными и в предложении выполняют те же синтаксические функции, что

и перечисленные части речи» [Грамматика калмыцкого языка... 1983, с. 161].

Таким образом, приведенный выше краткий обзор и анализ существующих в монголоведении точек зрения, подходов и трактовок местоимений монгольских языков показывают, что здесь действительно далеко не все так благополучно, как кажется на первый взгляд. Такой разнобой во взглядах на местоимение вызван противоречием между привычной грамматической схемой, навязанной традициями индоевропейского языкознания, и тем, что реально имеют в своем строе монгольские языки. Глубоко прав В.М. Надеяев, считая, что все эти классификации монгольских местоимений алогичны, основаны на одновременном делении сразу по нескольким логическим основаниям [Надеяев 1987, с. 40-41]. Давно уже звучит в монголоведении призыв исходить из реального положения дел, из особенностей строя монгольских языков в построении грамматических теорий. Так, например, Г.Д. Санжеев еще в 1953 г. писал по этому поводу: «Ныне мы считаем, что попытка монголистов рассматривать указанные части речи только как имена существительные (или предметные) и прилагательные (или качественные) потому не может увенчаться успехом, что невозможно в угоду традиционному числу частей речи, установленному в соответствии с особенностями индоевропейских языков, установить части речи в языках иных структур непременно в том же самом количестве» [1953, с. 124].

Иная трактовка системы местоимений монгольских языков, учитывающая особенности их строя, была предложена В.М. Надеяевым, который отразил ее в своей программе систематического курса теории современного монгольского языка, разработанной им в 1954 г. Данный курс читался им в 50-е гг. на монгольском отделении восточного факультета Ленинградского госуниверситета. По разным причинам программа эта опубликована только в 1987 г. [Надеяев 1987, с. 3-74].

В.М. Надеяев считал местоимения особой частью речи, являющейся указательным обобщением всей системы конкретных знаменательных частей речи. По отношению содержания к действительности (основание деления - модальность) он подразделял монгольские местоимения на вопросительные, положительные, неопределенные. Внутри каждой основной группы он выделял 5 разрядов по обобщенным категориально-грамматическим типам (основание деления - содержание): существительные, прилагательные, глагольные, наречные, числительные [Надеяев 1987, с. 42]. Внутри каждого разряда по конкретному содержанию существительные местоимения делились им на личные и возвратные, прилагательные местоимения - на указательные, определительные, притяжательные и т.д.

Аналогичный в принципе подход к пониманию системы местоимений был высказан позднее в общем языкознании Ю.С. Масловым, который назвал местоимения заместительными словами, образующими «...особую систему, параллельную системе назывных частей речи и по-своему дублирующую ее» [1975, с. 217]. Исследование большого фактического материала из различных языков позволило ему прийти к следующему очень важному и для монголоведения выводу: «...факты свидетельствуют, во-первых, о том, что, выделяя слова-заместители, нельзя ограничиться рамками традиционных местоимений, а во-вторых, о том, что весь этот разряд, взятый в целом, не есть «часть речи» в ряду других частей речи, а есть некий класс, выделенный по другому принципу, и потому, естественно, перекрещивающийся с делением по частям речи. Иными словами, это некая вторая, параллельная система частей речи, в миниатюре и с известными особенностями повторяющая первую, основную их систему. Особенности создаются за счет специфического абстрактного характера лексического значения всех этих слов в системе языка, при обязательности для них частной предметной отнесенности в речи, за счет их заместительной функции, наконец, за счет еще одной их функции - дейктической (указательной в широком смысле слова), не менее важной (и, по-видимому, исторически более древней), чем заместительная функция... Миниатюрность же «второй системы» возникает в силу ограниченности количественного состава заместительных слов: в отличие от слов-названий слова-заместители представлены замкнутыми списками... С разбиением заместительных слов на части речи - местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоименные наречия и (в некоторых языках) местоглаголия или, шире, местопредикативы - перекрещивается еще одно их разбиение - на собственно-указательные, вопросительные, отрицательные, неопределенные... Более узкие группы составляют личные и возвратные местоимения - только существительные и соответствующие им притяжательные - только прилагательные... Грамматические категории в разных группах заместительных слов в общем повторяют грамматические категории соответствующих назывных частей речи, однако не полностью, а с теми или иными видоизменениями» [Маслов 1975, с. 218].

Попытки по-новому представить местоимения в грамматической системе языка, учитывая их соотношенность с частями речи знаменательных слов, наблюдаются в последние годы не только в монголоведении, как это дано в нашем исследовании [Рассадин 1991] и в работе Т.Б. Аюуш [1998], но и в русистике. Так, в недавнем издании академической грамматики русского

литературного языка [Русская грамматика... 1980] местоимения не выделяются ни в самостоятельную часть речи, ни в иной класс слов, а рассматриваются разбросанно в составе соответствующих частей речи, которые они замещают: местоимения-существительные даны среди существительных особым разделом, среди них выделены личные, возвратные, вопросительные, неопределенные и отрицательные; в составе прилагательных рассмотрены местоименные прилагательные с их особым типом склонения; среди числительных выделены местоименные числительные; среди наречий - местоименные наречия. Глагольных местоимений в русском языке нет.

Таким образом, видно, что лингвистика ищет новые подходы к трактовке местоимений. Представляется, что назрела пора и в монголоведении пересмотреть устаревшие взгляды на местоимения не только как на особую часть речи в ряду других знаменательных частей речи, но и как на именные слова. Нужен новый подход, основывающийся на реалистической теоретической базе. Мы считаем, что такой базой должна послужить наиболее логичная и последовательная трактовка местоимений, выдвинутая В.М. Надежлевым и Ю.С. Масловым. Опираясь на эту теорию, мы предлагаем свой вариант классификации слов и частей речи монгольских языков. Основанием для деления послужил тип лексического значения. Классификация проведена на уровне языка, но не речи, поскольку у каждого слова на языковом уровне одна функция, на речевом – иная. Так, существительные, имея на данном синхроническом срезе постоянное вещественное значение, на языковом уровне называют предметы, явления, лица и т.п., поэтому их именуют назывными словами. Назывными же являются и прилагательные, числительные, глаголы и наречия, поскольку они называют соответственно свойства, качества и признаки, количества, действия и состояния, обстоятельства. Таких слов в словарном составе любого языка подавляющее большинство, так как они выработаны в языках для называния многочисленных окружающих человека разнообразных явлений объективной действительности. На уровне речи их функцией является выражение субъекта и объекта действия, выражение определения, обстоятельства и предиката. По их языковой функции эти назывные слова принято подразделять на существительные, прилагательные, числительные, глаголы и наречия. Кроме того, в монгольских языках сложилась относительно небольшая по численности группа слов, которые не называют предметы и лица, их признаки и свойства, их количество, их действия и обстоятельства, но указывают на них. Это присуще таким словам на уровне языка. На уровне же речи они замещают соответствующие существительные, прилагательные, числительные, глаго-

лы и наречия, выполняя в предложении их соответствующие функции, выступая в роли того или иного члена предложения. При этом указательные слова монгольских языков, как и европейские местоимения, подобно назывным словам, тоже обладают вещественным значением, но только оно у них окказиональное. В отличие от европейских местоимений монгольские местоимения указывают еще и на действия и состояния, и на обстоятельства, образуя целостную систему своих, указательных частей речи, подобную системе частей речи назывных слов. Назывные и указательные слова по признаку наличия у них вещественных значений объединяются в один класс – класс знаменательных слов. Внутри этого класса назывные и указательные слова образуют, таким образом, две системы частей речи, существующих параллельно и могущих взаимозаменяться. Их соотношение выглядит следующим образом:

Назывные слова	Указательные слова
Существительные	- Предметно-указательные слова
Прилагательные	- Качественно-указательные слова
Числительные	- Количественно-указательные слова
Глаголы	- Действенно-указательные слова
Наречия	- Обстоятельственно-указательные слова.

Отвлекаясь от внутреннего содержания традиционного термина «местоимение» как названия слова, употребляющегося вместо имени, условно можно сохранить этот термин и в монголоведении для названия группы указательных слов в целом. На бурятский язык термин «местоимение» в данном случае логично будет переводить либо как «заагша үгэ», либо «түлөөнэй үгэ» (но не түлөөнэй нэрэ). Таким образом, наряду с назывными существительными, прилагательными, числительными, глаголами и наречиями в составе класса знаменательных слов существуют местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные, местоименные глаголы и местоименные наречия. При этом вопросительные, указательные и неопределенные местоимения относятся ко всем 5 выделенным здесь частям речи, потому что все местоимения в принципе являются указательными словами. Каждый из этих разрядов в свою очередь подразделяются на 5 групп в соответствии с соотносительностью с той или иной частью речи. Для бурятского языка, например, это: 1) предметно-вопросительные *хэн, юун*, предметно-указательные *энэ, тэрэ, эдэ, эдэнэр, тэдэ, тэдэнэр*, предметно-неопределенные *хэншье, хэн нэгэн, юуншье, юу*

хээн; 2) качественно-вопросительные *ямар, али*, качественно-указательные *шимэ, шимэрхүү, тиимэ, тиимэрхүү*, качественно-неопределенные *ямаршье, ямар нэгэн, ямарбаа, алишье, али нэгэн, алибаа*; 3) количественно-вопросительные *хэды, хэды шэнээн, хэдэн*, количественно-указательные *хэды, эды шэнээн, тэды, тэды шэнээн*, количественно-неопределенные *хэдышье, хэдэншье, нэгэ хэды, зааханшье хэды*; 4) действенно-вопросительные (или глагольно-вопросительные) *яаха*, действенно-указательные (или глагольно-указательные) *шигэхэ, шихэ, тиигэхэ, тиихэ*, действенно-неопределенные (или глагольно-неопределенные) *яахашье*; 5) обстоятельно-вопросительные *хэр, яажэ, хайшан гэжэ, хайшан гээд, хэзээ, хэдыдэ, хана, хайшаа, хаанаһаа, хаагуур*, обстоятельно-указательные *шигээжэ, шигээд, шимэ, тиигээжэ, тиигээд, тиимэ, эдыдэ, тэдыдэ, шииэ, тишиэ, эндэ, тэндэ, эндэһээ, тэндэһээ, энээгүүр, тэрээгүүр*, обстоятельно-неопределенные *яажашье, яажашье һаань, хайширшье гэжэ (гээд), хайшаншье һаань, хэзээ нэгэтэ, хэзээ нэгэ, хаанашье, хана нэгэ, хайшаашье, хаанаһаашье, хаагууршье*. Остальные разряды местоимений распределяются следующим образом: личные, возвратно-указательные и обобщительные относятся к предметно-указательным, т.е. относятся к местоименным существительным, а выделительные – к местоименным прилагательным.

Остальные слова бурятского и других монгольских языков группируются следующим образом. Слова, имеющие грамматическое значение составляют класс служебных слов. Их речевой функцией является выражение грамматической связи между знаменательными словами, выступающими в роли тех или иных членов предложения. Слова с модальным значением - модальные слова и частицы, передающие в предложении отношение говорящего к предмету высказывания, - составляют класс модальных слов. Слова, передающие средствами языка различные эмоции и волеизъявления, объединяются в класс междометных слов. Слова же передающие средствами языков различные образы, образуют класс изобразительных слов. К ним относятся характерные для бурятского и других монгольских языков группы слов, передающих образы зрительного восприятия, образы слухового восприятия, образы чувственного восприятия и образы восприятия действий.

Таким образом, все слова монгольских языков предлагаем сгруппировать в 5 классах:

- I. Класс знаменательных слов.
- II. Класс служебных слов.
- III. Класс модальных слов.

IV. Класс междометных слов.

V. Класс изобразительных слов.

Монгольские местоимения (указательно-заместительные слова), таким образом, не составляют отдельной самостоятельной части речи и не стоят в одном ряду с существительными, прилагательными, числительными, глаголами, наречиями, предлогами, союзами, междометиями и др., как это трактует традиционная классификация частей речи. Местоимения по своей сути составляют отдельную самостоятельную группу слов с окказиональным вещественным значением и объединяются вместе с назывными словами в самостоятельный класс знаменательных слов. При этом каждая из этих групп слов, как назывных, так и указательных, имеет свои, но соотносящиеся между собой системы частей речи. Класс знаменательных слов по своей внутренней структуре выглядит следующим образом:

I. Класс знаменательных слов.

1. Назывные слова.

1) Имена.

а) Существительное.

б) Прилагательные.

в) Числительные.

2) Глаголы.

3) Наречия.

2. Указательные слова.

1) Указательные имена.

а) Указательные существительные.

б) Указательные прилагательные.

в) Указательные числительные.

2) Указательные глаголы.

3) Указательные наречия.

Если применять латинизированную терминологию, то вместо выражения «указательные слова» можно взять «дейктические слова». Внутри них соответственно будут выделены дейктические субстантивы, дейктические адъективы, дейктические нумерали, дейктические вербы, дейктические адвербы.

Кроме того, нуждается в пересмотре и сам термин *местоимение*, как не отражающий сущности этой группы слов в монгольских языках. Кстати, в самих монгольских языках представлены следующие названия: в бурятском - *түлөөнэй нэрэ*, в калмыцком - *орч нерн*, в монгольском - *төлөөний үг*, в

старописьменном монгольском - *tölügen-ü üge*. В бурятском и калмыцком терминах заключено традиционное в русском и европейском языкознании понимание местоимений как заместителей именных частей речи. Монгольский термин гораздо точнее отражает природу этого типа слов монгольских языков и их способность замещать любую знаменательную назывную часть речи. Этот термин буквально означает «замещающее слово», «местословие», на что неоднократно указывал в разное время Г.Д. Санжеев [1941, с. 50; 1959, с. 53; 1964, с. 72, примеч. 42]. В.М. Надеяев поддержал термин «местословие», но впоследствии предложил более широкий термин «общесловие» [1987, с. 40, примеч. 4]. Иных вариантов выдвинуто пока не было, да и эти не прижились. Поэтому в монголоведении продолжает бытовать привычный термин «местоимение», хотя и не совсем точно отражающий суть явления. Так что одной из ближайших задач монголоведов является наряду с выработкой единого взгляда на местоимения и на их место в системе частей речи монгольских языков подбор точного и приемлемого термина, адекватно отражающего суть явления.

Опираясь на всё, сказанное выше, предлагаем свою классификацию местоимений (указательных слов с заместительной функцией) современных монгольских языков:

Указательные слова:

1. Предметно-указательные слова (субстантивные местоимения, местоименные существительные):

а) предметно-вопросительные указательные слова: бур., х.-монг. *хэн*, калм. *кен*, старомонг. *ken* 'кто', указывающие на человека и человекоподобные мыслящие существа; бур., х.-монг. *хэд* 'кто (о многих)'; бур. *юун*, х.-монг. *юу*, калм. *юн*, старомонг. *уауин* 'что', указывающие на животных, растения, неодушевленные предметы; бур. *юунууд*, *юуд* 'что (о многих)';

б) собственно предметно-указательные слова:

личные местоимения: бур., х.-монг., калм. *би*, старомонг. *bi* 'я'; бур. *ши*, х.-монг., калм. *чи*, старомонг. *ĉi* 'ты'; лит.-бур., вост.-бур. *энэ*, зап.-бур. *өөһэн*, х.-монг. *энэ*, калм. *эн*, старомонг. *ene* 'он, она, оно (этот)'; бур. *тэрэ*, х.-монг. *тэр*, калм. *тер*, старомонг. *tere* 'он, она, оно (тот)'; х.-монг. *энэ хүн*, *тэр хүн* 'он, она'; бур. *бидэ*, *бидэнэр*, *бидэнэд*, *маанар*, *маанад*, (в западных говорах) *бидагоор* (< *бидэ хоёр*), х.-монг. *бид*, *бид нар*, *мануус*, *ба*, *ба бүрэн*, калм. *бидн*, *мадн*, старомонг. *bide*, *ba* 'мы'; бур. *та*, *таанар*, *таанад*, х.-монг. *та*, *та нар*, калм. *та*, *тадн*, старомонг. *ta*, *ta nar* 'Вы, вы'; лит.-бур., вост.-бур. *эдэ*, *эдэнэр*, *эдэнэд*, зап.-бур. *өөһэд*, х.-монг. *эд*, *эд нар*, *эдгээр*, калм. *эдн*, старомонг. *ede*, *ede nar*, *edeger* 'они (эти)'; бур.

тэдэ, тэдэнэр, тэдэнэд, х.-монг. тэд, тэд нар, тэдгээр, калм. тедн, старомонг. *tede, tede nar, tedeger* ‘они (те)’;

предметно-указательные местоимения: бур. энэ, х.-монг. энэ, эл, калм. эн, старомонг. *ene, el-e* ‘это’, ‘этот’, ‘эта’; бур. тэрэ, х.-монг. тэр, калм. тер, старомонг. *tere* ‘то’, ‘тот’, ‘та’; бур. эдэ, эдэнэр, эдэнэд, х.-монг. эд, эдгээр, калм. эдн, старомонг. *ede, edeger* ‘эти’; бур. тэдэ, тэлэнэр, тэдэнэд, х.-монг. тэд, тэдгээр, калм. тедн, старомонг. *tede, tedeger* ‘те’;

предметно-возвратные местоимения: бур. өөрөө, бэээрээ, зап.-бур. өөһэн, өөһэрөөн, х.-монг. өөр, өөрөө, биеэрээ, калм. эврэн, бий, эврэ бий, старомонг. *öber-iyen, bey-e-ber* ‘сам, сама, само’; бур. өөһэдөө, өөдөө, х.-монг. өөрсөд, өөрсдөө, өөрснөө, калм. бийснь, старомонг. *öbersed-iyen* ‘сами’;

обобщительные местоимения: бур. бүгэдэ, х.-монг. бүгд, калм. бүгд, старомонг. *bügüde* ‘все, весь’; бур. булта, баран, х.-монг. булт, старомонг. *bultu* ‘весь, всё’; бур. бүхы, бүхэ, х.-монг. бүх, бүхий, старомонг. *bükü, büküi* ‘весь, всё, все’; бур. бүри, бүхэн ‘каждый, всякий’, х.-монг. бүр, калм. бүр, старомонг. *büri* ‘каждый, всякий’; х.-монг. бүхэн, старомонг. *bükün-e* ‘весь, всё, все’, ‘каждый, всякий’; бур., х.-монг. хамаг, калм. хамг, старомонг. *qatıg* ‘весь, всё, все’; калм. цуг, цуһар, цугта ‘весь, все, всё’; х.-монг. цөм ‘все, всё’; бур. ништэ, х.-монг. нийт, старомонг. *neuite* ‘весь, всё’; х.-монг. даяар, старомонг. *dayaγar* ‘весь, все’;

в) предметно-неопределенные указательные слова: бур. хэнишье, хэн нэгэн, х.-монг. хэн ч, хэн чиг, хэн нэг(эн), хэн хүнгүй, калм. кенчн, кен чигн, кен болв чигн, кен негн, нег күн, старомонг. *ken ši, ken šiγi, ken nigen* ‘кто-то, кто-нибудь, кто-либо’; бур. юнишье, юу хээн, х.-монг. юу ч, юу чиг, калм. юнчн, юн чигн, юн болв чигн, нег юмн, старомонг. *yaγı ši, yaγı šiγi* ‘что-то, что-нибудь, что-либо’;

2. Притяжательно-указательные слова (притяжательные местоимения):

а) вопросительно-притяжательные указательные слова: бур. хэнэй, хэнэйхи, х.-монг. хэний, хэнийх, калм. кенэ, старомонг. *ken-ü, ken-ü-ki* ‘чей (о людях)’; бур. юунай, юунайхи, х.-монг. юуны, юуных, калм. юуна, старомонг. *yaγın-u, yaγın-u-ki* ‘чей (о предметах, растениях и животных)’;

б) лично-притяжательные указательные слова: бур. минии, миниихи, х.-монг. миний, минийх, калм. мини, старомонг. *mini, miniki* ‘мой, моя, моё’; бур. шинии, шиниихи, х.-монг. чиний, чинийх, калм. чини, старомонг. *šini, šiniki* ‘твой, твоя, твоё’; бур. энээнэй, энээнэйхи, х.-монг. үүний, үүнийх, энүүний, энүүнийх, калм. энүна, үүнэ, старомонг. *egün-ü, egün-ü-ki, enegün-ü, enegün-ü-ki* ‘его, её, принадлежащий ему, ей’; бур. тэрээнэй, тэрээнэйхи,

х.-монг. *түүний, түүнийх, тэрүүний, тэрүүнийх*, калм. *терүна, түүна*, старомонг. *tegün-ü, tegün-ü-ki, tegegün-ü, tegegün-ü-ki* ‘его, её, принадлежащий ему, ей’; бур. *манай, манайхи, манайхин*, х.-монг. *манай, манайх*, калм. *мана, мадна*, старомонг. *тати, тати-ки* ‘наш, наша, наше’; х.-монг. *бидний, бид нарын* ‘наш, наша, наше’; бур. *танай, танайхи, танайхин*, х.-монг. *таны, танай, таных, танайх, та нарын*, калм. *тана, тадна*, старомонг. *тану, тану-ки, та нар-ин* ‘ваш, ваша, ваше’; бур. *эдэнэй, эдэнэйхи*, х.-монг. *эдний, эднийх*, калм. *эднэ*, старомонг. *eden-ü, eden-ü-ki* ‘их (этих)’; бур. *тэдэнэй, тэдэнэйхи*, х.-монг. *тэдний, тэднийх*, калм. *тедна*, старомонг. *teden-ü, teden-ü-ki* ‘их (тех)’;

в) предметно-притяжательные указательные слова: бур. *энээнэй*, х.-монг. *үүний*, калм. *үүнэ*, старомонг. *egün-ü* ‘этого, принадлежащий этому’; бур. *тэрээнэй*, х.-монг. *түүний*, калм. *түүнэ*, старомонг. *tegün-ü* ‘тот, принадлежащий тому’;

г) неопределённо-притяжательные указательные слова: бур. *хэнэйшье*, х.-монг. *хэний ч(чиг)*, калм. *кенэчн, кенэ чигн, кенэ болв чигн*, старомонг. *kenü ši, kenü šiḡi* ‘чей-то, чей-либо, чей-нибудь (о человеке)’; бур. *юунайшье*, х.-монг. *юуны ч(чиг)*, калм. *юуначн, юуна чигн, юуна болв чигн*, старомонг. *уауин-и ši, уауин-и šiḡi* ‘чей-то, чей-либо, чей-нибудь (о предметах, растениях и животных)’;

3. Качественно-указательные слова (адъективные местоимения, местоименные прилагательные):

а) качественно-вопросительные указательные слова: бур., х.-монг. *ямар*, калм. *ямр₂ ямаран*, старомонг. *уатбар, уатар* ‘какой’; бур. *али*, х.-монг. *аль*, калм. *аль, альк*, старомонг. *ali* ‘какой, который’; бур. *хэдыдэхи, хэдыдүгээр*, х.-монг. *хэддүгээр, хэддэхь*, калм. *кедүдгч*, старомонг. *kedüdüger, kedüdeki* ‘какой, который’;

б) собственно качественно-указательные слова:

качественно-указательные местоимения: бур. *шимэ*, х.-монг. *ийм*, калм. *шим*, старомонг. *eyitü* ‘этакый; этак’; бур. *шимэрхүү*, х.-монг. *иймэрхүү*, калм. *шимэр*, старомонг. *eyitürkei* ‘вот этакый; вот этак’; бур. *тиймэ*, х.-монг. *тийм*, калм. *тиим*, старомонг. *teyitü* ‘такой; так’; бур. *тиимэрхүү*, х.-монг. *тиймэрхүү*, калм. *тиимэр*, старомонг. *teyitürkei* ‘вот такой; вот так’; бур. *туд*, х.-монг. *тус*, калм. *тус*, старомонг. *tus* ‘данный, этот’; бур. *үнөөхи, нөөхи*, х.-монг. *өнөөх, өнөөтөх*, старомонг. *önüki, önütükü* ‘этот самый, тот самый (о котором известно говорящим)’; х.-монг. *өнөөдүүл*, старомонг. *önüdügüle* ‘те, те самые’; х.-монг. *мөн*, старомонг. *mön* ‘тот же, такой же, именно такой’;

качественно-возвратные местоимения: бур. *өөрын, өөрынгөө*, х.-монг. *өөрийн, өөрийнхөө*, калм. *эврэ, эврсэн*, старомонг. *öber-ün, öber-ün-ki-ben* ‘свой’;

выделительные местоимения: бур. *бэшэ*, х.-монг. *биш*, калм. *биш*, старомонг. *biši* ‘другой, иной, прочий’; бур. *бэшэн* ‘другие, иные’; бур. *буса*, х.-монг. *бус*, калм. *бус* (книжн.), старомонг. *busu* ‘другой, прочий; остальной’; бур. *бусад*, х.-монг. *бусад*, старомонг. *busud* ‘другие, иные, прочие; остальные’; бур. *өөрэ*, х.-монг. *өөр*, старомонг. *öger-e* ‘другой. иной’; бур. *ондоо*, х.-монг. *ондоо*, калм. *ондан*, старомонг. *ondou* ‘другой, иной; особый; разный’; калм. *талдан* ‘другой, иной. особый’; бур. *нүгөө, нүгөөдэ, нүгөөдэх* ‘другой. иной’; х.-монг. *нөгөө, нөгөөх, нөгөөтөх*, калм. *нөгэ* (устар.), старомонг. *nögüge, nögügekü, nögügeteki* ‘другой, иной; следующий’, ‘тот, тот самый’; бур. *нүгөөдүүл*, х.-монг. *нөгөөдүүл*, старомонг. *nögügedügüle* ‘другие, иные; остальные’; бур. *зарим*, х.-монг. *зарим*, калм. *зэрм*, старомонг. *žarim* ‘некоторый, отдельный, частичный’

в) качественно-неопределенные указательные слова: бур. *ямаршье, ямар нэгэн, ямарбаа*, х.-монг. *ямар ч, ямар чиг, ямар нэг(эн), ямарваа, ямарваа нэгэн*, калм. *ямрчн, ямр чигн, ямр болв чигн, ямрчн, ямаран чигн, ямаран болв чигн, нег, ямр нег, ямаран нег*, старомонг. *yatar ši, yatar šiḡi, yatarba* ‘какой-то, какой-нибудь, какой-либо’; бур. *алишье, али нэгэн, алибаа*, х.-монг. *аль ч, аль чиг, аль нэг(эн), аливаа*, калм. *альчн, аль чигн, аль болв чигн, аль нег, алькчн, альк чигн, альк болв чигн*, старомонг. *ali ši, ali šiḡi, ali nigen, aliba* ‘который-нибудь; какой-нибудь’, ‘всякий, любой, каждый’;

4. Количественно-указательные слова (нумеральные местоимения, местоименные числительные):

а) количественно-вопросительные указательные слова: бур. *хэды, хэды шэнээн, хэдэн, хэр зэргэ*, х.-монг. *хэд, хэдэн, хэдий, хэд чинээ(н), хэдий чинээ(н), хичнээн, хир зэрэг*, калм. *кедү*, старомонг. *kedü, kedüi, kedüi šinegен* ‘сколько’;

б) собственно количественно-указательные слова: бур. *эды, эды шэнээн*, х.-монг. *өдий, өдөн, өдий чинээ, өчнөөн*, калм. *эдү*, старомонг. *edüi, edüi šinegен* ‘вот столько, столько’; бур. *тэды, тэды шэнээн*, х.-монг. *төдий, төдөн, төдий чинээ, төчнөөн*, калм. *тедү*, старомонг. *tedüi, tedüi šinegен* ‘вот столько, столько’;

в) количественно-неопределенные указательные слова: бур. *хэдышье, хэдэншье, нэгэ хэды, зааханшье хэды*, х.-монг. *хэд ч//чиг, хэдэн ч//чиг, нэг*

хэдэн, хэдий ч//чиг, хичнээн ч//чиг, калм. кедүчн, кедү чигн, кедү болв чигн, старомонг. *kedüi ši, kedüi čigi* ‘сколько-нибудь, сколь-либо, сколько-то’;

5. Глагольно-указательные слова (вербальные местоимения, местоименные глаголы):

а) глагольно-вопросительные указательные слова: бур. *яаха*, х.-монг., калм. *яах*, старомонг. *yaŋakiŋi* ‘как делать’, ‘что делать’; х.-монг. *хэрхэх*, старомонг. *kerkikü* ‘как поступить, как быть’, ‘как делать’;

б) собственно глагольно-указательные слова: бур. *иихэ*, х.-монг. *ингэх*, *ийх*, калм. *иигх*, старомонг. *ingekü, eyikü* ‘этак делать, этак поступать’; бур. *тиихэ*, х.-монг. *тэгэх*, калм. *тиигх*, старомонг. *čingekü, teyikü* ‘так делать’, ‘так поступать’; х.-монг. *эсэх*, старомонг. *esekü* ‘так не делать’;

в) глагольно-неопределенные указательные слова: бур. *яахашье*, х.-монг. *яах ч*, *яах чиг*, калм. *яахчн*, *яах чигн*, *яах болв чигн*, старомонг. *yaŋakiŋi ši//čigi* ‘что угодно делать, как угодно поступить’;

6. Обстоятельственно-указательные слова (адвербиальные местоимения, местоименные наречия):

а) обстоятельственно-вопросительные указательные слова:

вопросительные местоименные наречия места: бур. *хаа*, *хаана*, х.-монг. *хаа*, *хаана*, калм. *хама*, *альд*, старомонг. *qatıŋ-a* ‘где’; бур. *хаахануур* ‘где именно’; бур. *хайша*, *хайшааа*, х.-монг. *хааш*, *хаашаа*, калм. *хамаран*, *альдаран*, старомонг. *qatıŋši* ‘куда’; бур. *хаанаһаа*, х.-монг. *хаанаас*, калм. *хааһас*, *хамаһас*, *альдас*, старомонг. *qatıŋa-ača* ‘откуда’; бур. *хаагуур*, х.-монг. *хаагуур*, калм. *хааһур*, старомонг. *qayayur* ‘где, каким местом’;

вопросительные местоименные наречия времени: бур., х.-монг. *хэзээ*, калм. *кезэ*, старомонг. *kežiy-e* ‘когда’; бур. *хэдыдэ*, х.-монг. *хэдийд*, старомонг. *kedüi-dü* ‘когда, во сколько’;

вопросительные местоименные наречия образа действия: бур. *хэр*, х.-монг. *хир*, *хэр*, *хэрхэн*, старомонг. *kir* ‘как’, бур. *хайшан гээд*, *хайшан гээжэ* ‘как, каким образом’; бур. *яажа*, *яагаад*, х.-монг. *яаж*, *яагаад*, *яавал*, калм. *яһжэ*, *яаһад*, старомонг. *yaŋakiži, yaŋakiŋad, yaŋakibal* ‘как, каким образом’;

вопросительные местоименные наречия причины: бур. *яагаад*, х.-монг. *яагаад*, калм. *яһад*, *юңгад*, старомонг. *yaŋakiŋad* ‘почему’;

вопросительные местоименные наречия меры и степени: бур. *али*, *али зэргэ*, *али тухай*, х.-монг. *аль хир*, *хир зэрэг*, старомонг. *ali kiri, kiri žerge* ‘как, насколько’;

б) собственно обстоятельственно-указательные слова:

указательные местоименные наречия места: бур. эндэ, х.-монг., калм. энд, энүнд, үүнд, старомонг. *ende* 'здесь'; калм. эдүкнд 'здесь поблизости'; бур. тэндэ, х.-монг. тэнд, калм. тенд, терүнд, түүнд, старомонг. *tende* 'там'; калм. тедүкнд 'там подальше'; бур. иишэ, иишээ, х.-монг. ийш, ийшээ, ийшигээ, калм. иигэн, [нааран], старомонг. *eyiši, eyiši-ben* 'сюда; вот сюда'; бур. тишшэ, тишшээ, х.-монг. тийш, тийшээ, тийшигээ, калм. тиигэн, [цааран], старомонг. *teši, teši-ben* 'туда; вот туда'; бур. эндэһээ, х.-монг. эндээс, калм. ендас, старомонг. *endeče* 'отсюда'; бур. тэндэһээ, х.-монг. тэндээс, калм. тендас, старомонг. *tenleče* 'оттуда'; бур. энээ-гүүр, х.-монг. үүгээр, калм. энүгэр, эндэгэр, эндэгүр, үүгэр, старомонг. *egüber* 'здесь, по этой стороне, этим местом'; бур. тэрээгүүр, х.-монг. түүгээр, калм. терүгэр, тендэгэр, тендэгүр, түүгэр, старомонг. *tegüber* 'там, по той стороне, тем местом';

указательные местоименные наречия времени: бур. эдыдэ, х.-монг. өдийд, калм. эдүд, старомонг. *edüi-dü* 'во столько-то'; бур. тэдыдэ, х.-монг. төдийд, калм. тедүд, старомонг. *tedüi-dü* 'во столько-то';

указательные местоименные наречия образа действия: бур. иигээжэ, иигээд, иимэ, х.-монг. ингээж, ингээд, ийм, иймээр, калм. иигжэ, иигэд, иим, иимэр, старомонг. *eyižü, eyiged, eyimü, eyimü-ber* 'этак, таким образом'; бур. тиигээжэ, тиигээд, тиимэ, х.-монг. тэгжэ, тэгээд, чингээж, чингээд, тийм, тиймээр, калм. тиигжэ, тиигэд, тиим, тиимэр, старомонг. *tegežü, tegeged, teyimü, teyimü-ber* 'так, таким образом'; х.-монг. тийнхүү, старомонг. *teyin-kü* 'так, таким образом';

указательные местоименные наречия причины: бур. иимэхээ, иигээд, х.-монг. иймээс, ингээд, калм. иигэд, старомонг. *eyimü-eče, eyiged* 'поэтому'; бур. тиимэхээ, тиигээд, х.-монг. тиймээс, тэгээд, чингээд, калм. тиигэд, старомонг. *teyimü-eče, tegeged, činggiged* 'потому';

указательные местоименные наречия меры и степени: бур. иимэ, х.-монг. ийм, калм. иим, старомонг. *eyimü* 'эдак'; бур. тиимэ, х.-монг. тийм, калм. тиим, старомонг. *teyimü* 'так';

в) обстоятельственно-неопределенные указательные слова:

неопределенные местоименные наречия места: бур. хаанашье, хаана нэгэ, х.-монг. хаа ч(чиг), хаана ч(чиг), хаа нэг, хаа хаагүй, хаа хамаагүй, калм. хамачн, хама чигн, старомонг. *qatıŋ-a ši, qatıŋ-a niŋe* 'где-то, где-либо, где-нибудь; хоть где'; бур. хайнашье, хайнаашье, х.-монг. хааш

ч(чиг), хаашаа ч(чиг) хаанаһаашье, хаагууришье; калм. альдчн, альд чигн ‘где-то, где-либо, где-нибудь’;

неопределённые местоименные наречия времени: бур. хэзээшье, хэзээ-дэцье, хэзээ нэгэтэ, хэзээ нэгэ, х.-монг. хэзээ ч(чиг), хэзээ нэг, калм. кезэчн, кезэ чигн, кезэ болв чигн, кезэ нег, старомонг. *kežiy-e ši*, *kežiy-e šigi*, *kežiy-e nige* ‘когда-нибудь, когда-либо, когда-то’; бур. хэдыдэшье, х.-монг. хэдийд ч(чиг), старомонг. *kedüi-dü ši* ‘когда-нибудь’;

неопределённые местоименные наречия образа действия: бур. яажашье, яажашье һаань, калм. яһжчн, яһж чигн, яһж болв чигн, яһадчн, яһад чигн, яһад болв чигн ‘как-нибудь’; бур. хайшанишье гээжэ (гээд), хайшанишье һаань ‘как-нибудь’.

При этом все местоимения в зависимости от соотносённости с соответствующей лексико-грамматической категорией ведут себя в речи по-разному. Если это местоимения, указывающие на именные части речи, то они могут склоняться и принимать показатели личной принадлежности, если они замещают и указывают на глагол, то и ведут себя как глаголы, получая всю имеющуюся глагольную словоизменительную парадигму.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
- Аюуш Т.Б. Местоимения в монгольском и русском языках. Улан-Удэ, 1998.
- Бадан Гоогийн. Категория времени в современном монгольском литературном языке. Варшава, 1989
- Бобровников Александр. Грамматика монгольского языка. – СПб, 1835.
- Бобровников Алексей. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - Казань, 1849.
- Бардаев Э. Ч. Монгольские термины, обозначающие пол, возраст и масть домашних животных // Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста, 1972. С. 9-10.
- Бардаев Э. Ч. Номадная лексика монгольских народов. (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти). Автореф. канд. дис. М., 1976.
- Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001. Т. I. А - Г
- Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001. Т. II. Д - О
- Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2001. Т. III. Ё - Ф
- Большой академический монгольско-русский словарь. М., 2002. Т. IV. Х -
- Будаев Ц. Б. О флористической терминологии (на материале бурятского, монгольского и калмыцкого языков) // Труды БКНИИ. Сер. Востоковедная, Улан-Удэ, 1960. Вып. 3. С. 80-88.
- Василевич Г.М. Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. - Л., 1929.
- Владимиров Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. М. 1997.
- Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. Л.: Наука, 1969
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.
- Гуревич А. Категория средневековой культуры. М. 1989.
- Дамдинов Д. Г. О земледельческой терминологии бурятского языка // Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ, 1963. С. 100-108.
- Дамдинов Д. Г. Этно-лингвистический очерк хамниганского говора // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2. С. 88.

Дамдинов Д. Г. О сельскохозяйственных терминах в монгольских языках // Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д.Санжеева. М., 1974. С. 51-63.

Дарбеева А.А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта. На материале монгольских языков. М.: Наука, 1978

Дашдаваа Д. Способы передачи фразеологизмов // Пособие по переводу. Улаанбаатар, 1985

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 276

Дугаров Н.Б. Заметка о животноводческой терминологии бурятского языка // Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ, 1963. С. 109-119.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Жигмитов Д.В. Молочные блюда агинских бурят // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1961. № 2. С. 141-143.

Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии.// Советская этнография. М., 1979. № 5.

Зориктуев Б.Р. Современный быт бурятского села. Новосибирск: Наука, 1982. С. 77-79

Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1965. Вып. 1; Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.

Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М., 1977

Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. Л., 1968.

Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. Казань. 1844-1849. Т. I-III.

Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Труды методологического семинара «Человек». Л., 1992.

Котвич В. Л. Лекции по грамматике монгольского языка, читанные приват-доцентом Санкт-Петербургского университета В.Л. Котвичем. – СПб, 1902.

Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Пг., 1915

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.

Матхеев Б.В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.

Монгольско-русский словарь / Под общей ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957

Наделяев В.М. Современный монгольский язык // Языки Сибири и Монголии. Новосибирск, 1987.

Никонов В.А. Личное имя - социальный знак// Советская этнография. – 1967.

Новикова К.А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животноводству // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Новикова К.А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.: Наука, 1979.

Номинханов Ц.Д. Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // Труды сектора востоковедения. Алма-Ата, 1959. Т. I.

Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878.

Орловская М.Н. Орловская М.Н. Язык монгольских текстов XIII-XIV вв. М., 1999.

Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1972 Т. I. С. 147-148

Павлов В.М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 2.

Поппе Н.Н. К вопросу о происхождении скотоводства у монголов // Домашние животные Монголии. М.-Л., 1936 (Труды монгольской комиссии, № 22).

Поппе Н. Н. Грамматика письменно-монгольского языка. - М.-Л., 1937.

Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1938.

Пюрбеев Г.Ц. Дифференциальные признаки женских и мужских имен калмыков // Ономастика Поволжья. - Горький, 1971. - Вып. 2.

Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.

Попов Г.В. О терминах, обозначающих страны света в якутском языке // Якутский филологический сборник. Якутск, 1976.

Пюрбеев Г.Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. 3.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.

Рассадин В.И. Местоимения в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск, 1991.

Рассадин В.И. Становление говора нижеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.

Рожанский М. Фразеологические словосочетания с глагольным стержнем в современном турецком языке // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1989.

Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопросы языкознания. 1974. № 2.

Руднев А. Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка, читанные в 1903-1904 академическом году. Вып. 1. - СПб., 1905.

Руднев А. Д. Хори-бурятский говор. Вып. 1. Опыт исследования. Ч. II. - СПб., 1913-1914.

Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962.

Русская грамматика. Том 1: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М., 1980.

Русско-бурят-монгольский словарь // Под редакцией Ц.Б. Цыдендамбаева. М., 1954.

Русско-калмыцкий словарь / Под ред. И.К. Илишкина. М., 1964.

Русско-монгольский словарь. Под ред. А. Лувсандэндэва. Улаанбаатар, 1969.

Санжеев Г. Д. Синтаксис бурят-монгольского языка. - Улан-Удэ, 1940.

Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. - М.-Л., 1941.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Том 1.

Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1959.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. - М., 1963.

Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964.

Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. - М., 1951.

Севортыан Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.

Севортыан Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.

Севортыан Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980.

Сем Л.И. К вопросу о пространственных представлениях и способах их выражения в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. 1.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1977. Т. 2.

Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). - М., 1969.

Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.

Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.

Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973.

Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М., 1985.

Тодаева Б.Х. Дагурский язык. М., 1986.

Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001.

Тугутов Р. Ф. Бурят-монгольские названия зверей, птиц и рыб // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ, 1949. Вып. 2.

Тугутов И.Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958.

Тугутов И.Е.. Пища южных бурят // Советская этнография. 1975. № 3.

Уртюбаев Д.Ц. Молочная пища баргузинских бурят // Этнографический сборник. Улан-Удэ: Изд. БКНИИ СО АН СССР, 1961. № 2.

Хангалов М.Н. Молочное хозяйство у бурят // Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1958. Т. 2.

Харчевникова Р.П., Убушаев Н.Н. Местоимения в современном калмыцком языке // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Вып. 2. Сборник научных статей. Москва- Элиста, 2006. С. 150-180.

Хунданов Л.Е. Кисломолочные, продукты, их приготовление и лечебно-диетическое значение. Улан-Удэ, 1975

Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.

Цыдендамбаев Ц.Б. К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2. С. 165.

Цыдынжапов Г., Бадиева Б. Бурятская кухня. Улан-Удэ, 1979. С. 9-39;

Цыдыпов Ц.-Ж. Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. - Улан-Удэ, 1972.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1969.

Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Эрднеев У.Ж. Калмыки. (Конец XIX - начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. Элиста, 1970.

Этнолингвистический атлас МНР. Улан-Батор, 1979. Т. 1, 2.

Амаржаргал Б. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. Халх аялгуу. Улаанбаатар, 1988

- Будаев Ц.Б. Шэдитэ үгэнүүд. Волшебные слова (в помощь учителю). Улан-Удэ, 1992.
- Монголын идээн товчоо. Улаанбаатар, 1991.
- Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаанбаатар, 1966.
- Орчин цагийн монгол хэл. Улаанбаатар, 1997 (на монгольском языке).
- Тангад Д. Ардын уламжлалт хоол унд // Этнографийн судлал. Улаанбаатар, 1982. Т. 8.
- Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966
- Цоодол Д. Сүү цагаан идээ. Улаанбаатар, 1975.
- Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988а.
- Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988б.
- Цыдыпов Ц.-Ж. Ц. Буряад хэлэнэй морфологи.- Улаан-Удэ, 1988.
- Bese L. An aspect of the Turkic-Mongolian Language Contacts. – «Bilimsel bildiriler» Ankara, 1975.
- Castrén M. A. Versuch einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. – St.-Pb, 1857.
- Clouston G. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962.
- Kalużyński Stanisław. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.
- Lessing F.D. Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los Angeles, 1960.
- Gombocz Zoltán. Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1912. Bd. XXX.
- Paralipomena of Korean Etymologies by G.J. Ramstedt/ Collected and edited by Songmoo Kho. Helsinki, 1982.
- Ramstedt G. J. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. – Helsingfors, 1903.
- Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- Schmidt I. J. Grammatik der mongolischen Sprache. - St.-Pb., 1831.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ, ГОВОРОВ

бур.НУ	–	нижнеудинский говор бурятского языка
калм.	–	калмыцкий язык
бур.	–	литературный бурятский язык
вост.-бур.	–	восточные говоры бурятского языка
зап.-бур.	–	западные говоры бурятского языка
х.-монг.	–	халха-монгольский язык.
др.-тюрк.	–	древнетюркский язык
ойр.Монг.	–	язык ойратов Монголии
ойр.Синьцз.	–	язык ойратов Синьцзяна КНР
пратюрк.	–	пратюркский язык
староп.-монг.	–	старописьменный монгольский язык

НАЗВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- РСл (I,II,III,IV) – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1-4. СПб., 1893-1911.
- ЭСТЯ 1989 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междурекские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989.
- ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междурекские лексические основы на букву «К-Қ». Выпуск первый. М.: «Языки русской культуры», 1997.
- ЭСТЯ 2000 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междурекские лексические основы на букву «К». Выпуск второй. М.: «Индрик», 2000.
- ЭСТЯ 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междурекские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Вост. лит., 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
О терминах родства в калмыцком языке	4
Антропонимы и институт табу в калмыцком языке	8
Лексика ориентации в пространстве	12
Фразеология как пласт лексики	19
Коневодческая лексика	26
Скотоводческая лексика	31
Названия молочных продуктов	41
Названия диких животных в калмыцком языке	56
Прилагательные как пласт лексики	73
Числительные как пласт лексики	75
Наречия как пласт лексики	81
Глаголы как пласт лексики	86
Причастия как пласт лексики	93
Местоимения как пласт лексики	108
Библиография	127
Принятые сокращения языков, диалектов, говоров	133
Названия источников	134

Рассадин Валентин Иванович
Трофимова Светлана Менкеновна

**О НЕКОТОРЫХ ПЛАСТАХ ЛЕКСИКИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА
В КОНТЕКСТЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ**

Подписано в печать 04.10.2013. Формат 60x84x16.
Печать офсетная. Бумага тип №1. Усл. п. л. 7,9.
Тираж 100 экз. Заказ 2263

Издательство Калмыцкого университета.
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11